Великие биографии

Мой муж — Сальвадор Дали

«Встань и иди.
Ты еще ничего не успел.
Не торопись умирать».

Гала

Елена Дьяконова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сальвадор Дали – живописец, скульптор, писатель. Его презирали и обожали, преследовали и боготворили. На Дали были устремлены взгляды и объективы миллионов. И только самые зоркие сумели разглядеть за спиной своего кумира силуэт его жены. Только самые проницательные поняли: Сальвадор Дали делает то, чего хочет его женщина.

Елена Дьяконова, Гала, Градива – девочка из России, стала для художника Вселенной и любовью всей жизни. Распутница и муза, проклятие и благословение, Гала вошла в историю, как загадочная, полная противоречий личность.

История жизни и любви Сальвадора Дали и Гала, изложенная в стилистике документального романа.

- Юлия Бекичева
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV
  - XXV
  - «Да хранит вас Бог. Прощайте.»

○ Список литературы, использованный при написании книги

Юлия Бекичева
Мой муж – Сальвадор Дали

«Великие психологи и те не могли понять, где заканчивается гениальность и начинается безумие»

Сальвадор Дали

I
Мираж и явь

В один из теплых майских дней 1904 года, в час, когда в сердце испанского города Фигераса – церкви Сан-Пере (Святого Петра) зашлись в благовесте колокола, появился на свет младенец, нареченный при крещении Сальвадором.

Прошли годы прежде, чем мир узнал его, как гениального Дали – живописца, скульптора, писателя. Одержимость буйством красок, игрой света и тени, мягкостью линий, податливостью воска, особое восприятие сущего наполнили его жизнь признанием и ненавистью толпы. Его презирали и обожали, преследовали и боготворили. На Дали были устремлены взгляды и объективы миллионов. Только лишь самые зоркие из них сумели разглядеть за спиной своего кумира силуэт его жены. Только самые проницательные поняли: Сальвадор делает то, чего хочет женщина. Он – ее раб, ее проект, ее холст.

Поспешившая родиться раньше Дали, Елена Дьяконова, девочка из России, Гала, Градива стала для художника Вселенной. Шлюха и муза, проклятие и благословение, опиум и средоточие мудрости. Вошедшая в историю, как загадочная, полная противоречий личность, Гала демонстрировала публике свое непривлекательное лицо и охотно позировала обнаженной. Душа же ее оставалась недосягаемой. Но все это будет после, а пока…

Мирно посапывающий в пеленках, ищущий губами розовые соски материнской груди, Сальвадор даже не подозревал о существовании ангела, играющего в бирюльки на другом краю планеты.

Казань в начале XX века

Елена Дьяконова родилась в Казани, в один из самых знойных дней августа 1894 года, в семье скромного чиновника и женщины с дипломом акушерки, которая никогда не работала по специальности. Когда Иван Дьяконов скоропостижно скончался, оставив жену с тремя детьми, младшей Леночке едва исполнилось одиннадцать лет. Позже девушка признавалась, что, повзрослев, редко вспоминала отца. Его тень словно растворилась в медовом благоухании цветущих лип, в обрывках снов, в брошенных ее матушкой словах:

– Выхожу замуж за Димитрия Ильича. Вопрос решенный. Мы едем в Москву.

Покидая Казань с ее узорными башенками, белокаменными стенами и синеокими карстовыми озерами, девушка легко отрекалась от прошлого. И все-таки убежать от себя у нее не получалось. Каждый раз замирая перед зеркалом, Леночка с неудовольствием отмечала в своей внешности отцовскую неприглядность. Нос коршуна, мелкие черты лица, черные точки вместо глаз, неразвитая грудь, болезненная худоба. Создавая ее, творец явно поскупился на краски. Она подобна штриховому наброску, выполненному второпях незадачливым художником.

В то время, как сын городского нотариуса, семилетний Дали мечтал быть Наполеоном писался в постель, изводил родителей, сестру, тетушек капризами и посещал школу для бедных, где *«ни с кем не играл и даже не разговаривал»,* семнадцатилетняя Елена с усердием осваивала науки в одной из лучших столичных гимназий Марии Густавовны Брюхоненко. Именно сюда по прибытии в Москву устроил падчерицу новоявленный отец, уважаемый в городе адвокат и убежденный либерал Димитрий Ильич Гомберг.

Давос в начале XX века

Это была классическая гимназия для девочек, расположенная в Большом Кисловском переулке в трехэтажном здании с теплыми галереями, лечебницей и просторной библиотекой, насчитывающей полторы тысячи томов. Девушек обучали французскому, немецкому, английскому языкам, они должны были владеть азами рукоделия, играть на фортепиано, пройти краткий курс закона Божьего, истории, арифметики и географии. Философские очерки Томаса Карлейля, искусствоведческие статьи Джона Рескина, лирика Данте Алигьери… Хорошо знакомая, как с творчеством зарубежных, так и с трудами отечественных авторов, Елена отдавала предпочтение сочинениям Льва Толстого, Федора Достоевского, Николая Бердяева. Зачитываясь их книгами, она размышляла о природе любви, о ханжестве, о душе и различии между человекобогом и богочеловеком. Всю свою последующую жизнь девушка размышляла на прочитанными в юности строками:

«Судьба человека неотвратимо влечет его к Великому Инквизитору или к Христу. Третьего не дано. Свобода или принуждение, вера в Смысл жизни или неверие, божественная любовь или безбожное сострадание к людям?»

Семья и родители Сальвадора Дали

Мать Елены, красивая инфантильная женщина, по приезде в Москву прибившаяся к артистическим кругам и увлеченная литературными опытами (написанием детских рассказов) и после рождения четвертого, общего с Гомбергом ребенка – дочери Лидии, мало заботилась о воспитании и душевных терзаниях своих детей. Даже в те минуты, когда Леночка остро нуждалась в ласке, мать ссылалась на мигрень и… исчезала в своей комнате.

– Благонравие – основа всего, – доносилось из-за захлопывающейся двери.

«Благонравие – маска, которой люди прикрывают свои пороки и истинные желания, осуждаемые лицемерным обществом, – вспоминала Елена слова знакомого гимназиста. – Свобода – вот основа всего.»

Обсуждать услышанное с домашними девушка не решалась. Замыкаясь в себе, отстраняясь от подруг, в перерывах между классными часами, Леночка забиралась на старый скрипящий

стул, стоящий у окна, бесстыдно глазеющего на Большой Кисловский переулок. Каждый день суетились здесь «кислошники» и «кислошницы», весело выкликающие горожан и предлагающие им рассольные огурчики с хреном, моченую антоновку, капусту квашеную с отборной клюквой или сахарной свеклой. Здесь же дымились наваристые щи в глиняных чугунках, а вихрастые мальчишки, приторговывающие квасом, разливали ядреный напиток по кружкам.

> *«Мы никогда не говорили о среде, в которой жила Леночка, о ее семье, о нужде, – вспоминала согимназистка Елены Дьяконовой, Анастасия Цветаева. – Она держалась с достоинством истинной гордости – совершенно просто, естественно, независимо, не снисходя спросить, почему хуже других одета, не снисходя замечать свои платья. И когда на Маринином диване другие говорили о будущем – неизвестном для всех нас: путешествия, люди, зовущие гудки поездов, – Леночка слушала Марину, точно глотала живую воду.»*

Реальность Дали была иной. Субтильный, черноглазый мальчонка, в компании нескольких сверстников коротал часы досуга в каморке своего учителя. Неизменно клюющий длинным носом во время уроков, неухоженный, в нахлобученном на сальные волосы цилиндре, Дон Эстебан Трайтер оказался увлеченным коллекционером и знатным старьевщиком.

> *«Кроме огромных четок, Мефистофеля и лягушки-барометра, у господина Трайтера было без счету незнакомых мне предметов, возможно, предназначенных для физических опытов, но я позабыл их, поскольку выглядели они слишком точно и определенно, – вспоминал позже Сальвадор Дали. – Однако, самое сильное впечатление произвел на меня оптический театр. Сцена предстает в памяти как бы сквозь стереоскоп или радужный спектр. Картины скользили передо мной одна за другой, подсвеченные откуда-то сзади, и эти движущиеся рисунки напоминали гипнотические миражи, порожденные сном. Именно в оптическом театре господина Трайтера я впервые увидел поразивший меня силуэт русской девочки. Она явилась мне, укутанная в белоснежные меха, в русской тройке, за которой мчались волки с фосфоресцирующими зрачками. Она смотрела прямо мне в глаза и у меня сжалось сердце. Я знаю… Это была Гала.»*

Хищник, действительно, настиг его девочку. Он сжирал ее изнутри. Медики выявили у Дьяконовой туберкулез. Приступы начинались внезапно. Воздух становился плотнее, воронка горла сужалась, от нехватки кислорода кружилась голова. Захлебываясь от удушающего кашля, обессиленная Елена, точно рыба, выброшенная на сушу, жадно хватала ртом воздух.

– Окна… Скорее откройте окна, – взволнованно повторял Димитрий Ильич. – Тоня, ну где же ты? Леночке снова недужится.

Отчим был добр и невероятно трогателен в своем беспокойстве о ней. Леночка видела, как дрожали его толстые, узловатые пальцы, когда старик подносил к ее губам чашку, наполненную иссиня-прозрачной талой водой, слышала, как нетерпеливо метался он по передней, пеняя на запаздывающего доктора, как запершись в кабинете, укорял жену за пренебрежительное отношение к дочери.

– Не бойся, любезный друг. Я отвезу тебя в Клавадель и непременно покажу лучшим специалистам, – укрывая падчерицу шерстяным пледом, утешал ее Димитрий Ильич. Смакуя каждое слово, он рассказывал Леночке о благословенной стране так, как только нянюшка могла рассказывать сказки малому ребенку. Закрывая глаза, девушка представляла посеребренные снегом горные хребты, воздух, напоенный дыханием луговых трав, охристые черепичные крыши, миниатюрные домики и… свободу.

В 1912 году Леночка увидела Швейцарию воочию. Здесь ее ожидали тщательный медицинский осмотр, продолжительное лечение и встреча, которая, по сути, стала окончанием истории Елены Дьяконовой и началом жизни мифической Гала.

II
Поль

Окруженное со всех сторон горными массивами и еловыми лесами здание лечебного учреждения, в котором остановилась Елена Дьяконова, напоминало выточенный из дерева кукольный дом с плоской четырехугольной крышей, аккуратными прорезями окон и балконами с белоснежными балюстрадами. В огромных неуютных комнатах с десятками низких кроватей и добела выскобленными дощатыми полами располагались вновь прибывающие постояльцы-немцы, русские, англичане – все те, кто рассчитывал на чудодейственные способы лечения, применявшиеся в то время в санатории. Каждое утро пациенты Клаваделя спускались к завтраку на просторную веранду. Соседом Елены по столику оказался болезненно худой, хорошо воспитанный молодой француз. Он любезно придвигал для нее стул, подавал салфетки и соль, наблюдал, как непринужденно общается его соседка с пациентами из России.

Когда Леночка осмелилась заговорить и с ним, юноша поинтересовался:

– Vous de la Russie?

– Oui. Je suis de la Russie.

– Эжен Грендель. К вашим услугам.

– Елена Дьяконова. Весьма приятно.

– Елена… Это очень трудно для меня. Было бы проще, если бы вас звали Мари или Гала, – засмеялся Эжен.

– Если вам так удобно, с этой минуты вы можете звать меня Гала.

Прервавший обучение в Париже из-за прогрессирующего заболевания, семнадцатилетний Эжен приехал в Клавадель по настоянию отца – в прошлом бухгалтера, а ныне – преуспевающего торговца недвижимостью. Высокий, светловолосый, белозубый, с выдающимся носом и ранними залысинами, Грендель не был красив. Но разве это было важно? Леночке нравилось в нем все: его застенчивость, внимательный взгляд, умение слушать, ямочки на щеках, его трогательное грассирование.

Елена Дьяконова

Обмениваясь записками и книгами, встречаясь за завтраком и поднимаясь в горы, подшучивая друг над другом и укрываясь в ущельях от дождя, застающего их врасплох, Эжен и Гала

проводили много времени вдвоем. Он с упоением рассказывал ей о деревянных и каменных фигурках, которые начал собирать два года назад, искренне изумлялся, когда в разговоре с ним девочка из России цитировала его любимых авторов: Мольера, Лакло, Стендаля, Прево. Эжен открыл ей, что его призвание – поэзия, но родители считают это занятие пустым.

Давос в начале XX века

В совершенстве владеющая французским, Гала перечитывала

строки написанных юношей стихов, уверяя обретенного друга в том, что созданное им – зрело, талантливо, что он непременно станет серьезным поэтом.

Беседы с этой девушкой окрыляли Эжена, придавали уверенности, вселяли в него чувственное томление. Теперь ему было мало просто разговаривать с Гала. Он мечтал касаться ее густых черных волос, завитых в кокетливые локоны, обнимать ее, ощущать тепло ее дыхания. С ней, первой и единственной Грендель желал познать таинство любви. Но строгая Гала не позволяла подходить ближе, чем допускали того приличия. Предпочитающая не распространяться о своей жизни, о своих родителях, сестре и братьях, маскирующая шутками свое истинное настроение, одинокая, никому не нужная (за весь период лечения в Клаваделе ее не навестил никто из родственников), близкая и далекая Елена Дьяконова стала для Эжена открытием и загадкой одновременно.

Спустя годы, откровенничая с согимназисткой и приятельницей Гала Анастасией Цветаевой, Эжен признавался:

> *«Никогда я не мог говорить с француженками так, как с женщинами из России: серьезно, свободно, будучи полностью уверен, что меня понимают. Это счастье выпало мне дважды: первый раз с Галей, второй – с вами. И обе вы – русские.»*

Притихли, дожидаясь своего часа колокола церкви Святого Петра в Фигерасе. Матушка выводила восьмилетнего Дали на прогулку.

> *«Мы выходим из города туда, где белизна еще не тронута. Пройдя через парк, попадаем на поляну… и я замираю перед снежным полем. Но тут же бегу на середину поляны, где лежит крошечный коричневый шарик платана. Падая, он слегка раскололся, так что в щелочку я могу разглядеть внутри желтый пушок. В этот миг из-за туч выглядывает солнце и заливает светом всю картину: шарик платана отбрасывает на снег голубую тень, а желтый пушок словно загорается и оживает. Мои ослепленные глаза наполняются слезами. Со всевозможными предосторожностями подойдя к разбитому шарику, я подбираю его, нежно целую трещинку(…) Я поднимаюсь по ступеням и сворачиваю направо к заброшенному источнику. Она здесь! Она здесь, русская девочка из волшебного театра господина Трайтера. Я назову ее Галючкой(…) Галючка здесь, рядом*

со мной, сидит на скамье, как на тройке. И кажется, давно наблюдает за мной (…) В моей руке, в носовом платке шарик шевелится, как живой… Вижу Галючку, сидящую ко мне спиной. Мне кажется странным, что спина ее неподвижна. Но я не отступаю, а становлюсь на колени в снег, прячась за стволом старой оливы. Время, как будто остановилось: я превратился в библейский соляной столб без мыслей и чувств. Зато все отчетливо вижу и слышу. Какой-то человек пришел…»

Обертывания голубой глиной, смешанной с парным молоком и гусиным жиром, свежий горный воздух, травяные настои и любовь исцеляли Эжена и Гала. Спустя два года пребывания в Швейцарии, юноша отправил родителям письмо, в котором сообщил о своем намерении жениться на Елене Дьяконовой.

Елена Дьяконова и Эжен Грендель в 1914 г.

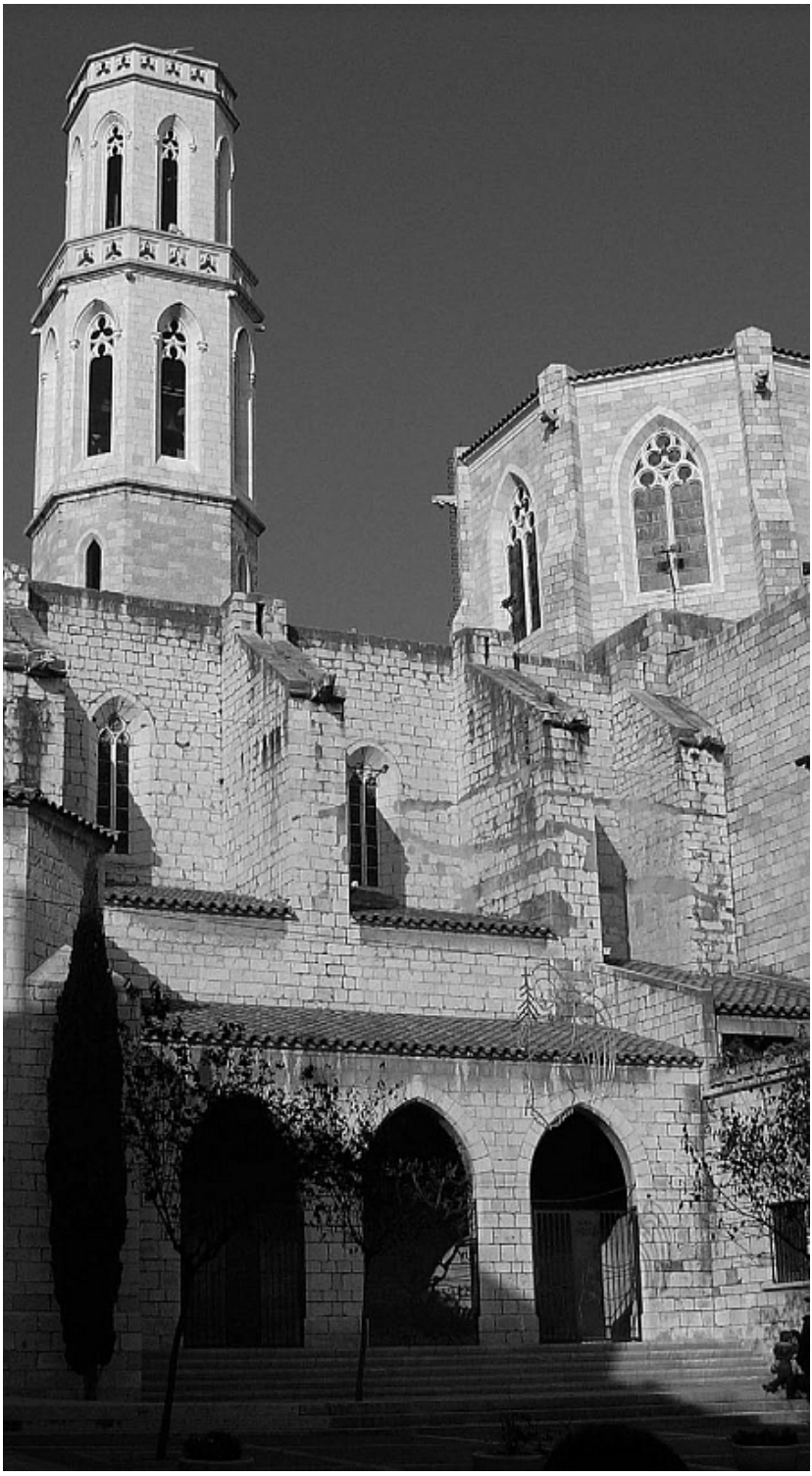
«Тебе не нужна эта русская. Ты слишком молод, чтобы связывать себя», – категорично заявляли господин и госпожа Грендель.

Ветер разлуки развел их и понес к родным берегам: Гала – в Россию, Эжена – во Францию. Словно маленький, упрямый испанский мальчишка, играя в кораблики, рассадил влюбленных на разные палубы.

По вечерам, когда Сен-Дени окутывала непроницаемая мгла, он уединялся, закуривал пенковую трубку и думал о ней. Память возвращала Эжена туда, где он впервые увидел свою Гала. Оживали краски, ароматы, узоры на одежде. Снова и снова он мысленно стряхивал цветочную пыльцу с ее шляпки клош.

«Каждое такое воспоминание сродни обретению тебя», – писал Эжен возлюбленной.

«Я люблю тебя бесконечно и это – единственная правда», – доносилось в ответ.



Храм Святого Петра в Фигерасе, в котором крестили Сальвадора Дали

Неосознанно преодолевая пространство и время, маленький мальчик метался и не находил для себя места в этом нарождающемся союзе двух сердец. Он, десятилетний Дали, третий лишний, доверчиво отдавался влечению, объектом которого стал… старшеклассник.

> *«Бучакас был похож на девочку. Он был немного старше меня. При каждом прощании мы с ним долго целовали друг друга в губы. Однажды вечером я открыл Бучакасу свои чувства к Галючке. И с радостью обнаружил, что он вовсе не ревнует. И даже обещает мне любить шарик и Галючку так же, как их люблю я.»*

Через пять месяцев после возвращения из Клаваделя, в начале августа 1914 года Эжен Грендель был мобилизован и отправлен на фронт. Почти до самого окончания Первой мировой войны молодой человек служил санитаром в госпитале, разместившемся в перестроенном замке Шато де Петит-Сомм в Бельгии. Сюда привозили и выхаживали раненых. Здесь же нашли приют жители сожженной деревни Петит-Сомм.

Разорванные снарядами тела, стоны умирающих, кровь, проливающаяся как вода… Пережитое оставило глубокий шрам в душе Поля Элюара. Именно этим именем, позаимствованным у бабушки по материнской линии, Эжен подписал свой второй сборник стихов «Le Devoir». Эту же подпись оставлял он в конце каждого письма, адресованного ненаглядной Гала – свету, который должен был зажечься в его доме во Франции, зажечься сразу, как только закончится война. Даже… если родители против.

Анастасия Ивановна Цветаева вспоминала, как тяжело ее подруга переносила разлуку с Полем. Вернувшись из туберкулезного санатория, *«Гала рассказывала мне об Элюаре в последующие годы в Москве».*

С начала войны вся жизнь русской девочки сконцентрировалась в ее комнате. Закрывая двери на ключ, Елена ограждала себя от того, что составляло жизнь ее сверстниц: развлечения, прогулки, общение. В тот период важнее всего остального оказались книги, молитва и переписка с Эженом. Своими письмами Леночка помогала Полю не сойти с ума, не отчаяться.

Из этой деревни тихой
Идет, трудна и крута,
Дорога к слезам и крови.

Наша душа чиста.
Ночи длинны и спокойны
И мы для любимых храним
Самую ценную верность на свете,
Надежду остаться живым.

«Еще год – и война закончится. Нужно собрать все силы, чтобы суметь выйти невредимым из этого кошмара. И потом ты никогда не пожалеешь о прожитой жизни, потому что нас ждет слава и наша жизнь будет чудесной», – обещала девушка.

В 1917 году, когда Россия оказалась в тисках революции, представители временного правительства проводили чистку общества, пьяные солдаты громили витрины магазинов, аптек, стекла домов и мародерствовали, Гала и Эжен приняли, как им тогда казалось, единственно правильное решение:

«Елена уезжала к своему жениху Полю Элюару через минированное море; как ей это удалось устроить – не знаю», – писала Анастасия Ивановна Цветаева в книге воспоминаний.

В том же году молодые обвенчались в церкви Святой Женевьевы. На церемонии никто из родственников невесты не присутствовал. Поговаривали, что Елена раз и навсегда порвала со своей семьей.

Сальвадору тогда только исполнилось тринадцать лет.

«Вижу два кипариса, два больших кипариса, почти одного роста. Тот, что слева все же чуть пониже и клонится верхушкой к другому, который, наоборот, высится прямо, как латинское „i“. Я смотрю на них в окно. Звенел колокол Анжелюса – и весь класс стоя хором повторил молитву. Кипарисы таяли в вечернем небе, подобно восковым свечам. Я не желал, чтобы меня трогали, чтобы со мной говорили, чтобы „беспокоили“ то, что творилось во мне.

Вскоре кипарисы совсем растворились в вечерних сумерках, но и тогда, когда исчезали их очертания, я продолжал смотреть туда, где они стояли.»

III
Пятна на столовом белье

Большую часть их общей спальни занимала огромная кровать из мореного дуба, подаренная молодоженам родителями Поля. На ней Гала и Эжен, вступившие в брак девственно чистыми, впервые познали вкус плотской любви. Поль Элюар не скрывал, что впервые его девочка пережила дефлорацию в его воображении, после – в написанных им стихах и только затем это случилось в их постели.

Здесь же в 1918 году родилась дочь Элюаров Сесиль.

С одной из семейных фотографий того периода смотрят на нас похорошевшая Гала и ее ясноглазый младенец. Казалось, судьба этой женщины предопределена. Птице, с юности помышлявшей о свободе уготована клетка. Не тут-то было.

«У *меня нет решительно никаких способностей»,* – беззастенчиво сообщала мужу в одном из писем Гала. Очень скоро мадам Грендель и новорожденная дочь Елены Дьяконовой убедились в справедливости этих слов.

«Она плохая мать и посредственная жена, – жаловалась на невестку свекровь Гала. – Она такая же неряха, как и все русские. Ей не нужен единокровный ребенок, ее не занимает хозяйство. У нее, – Жанна Грендель понижала голос до шепота – пятна на столовом белье».

Гала совершенно не интересовало то, что думают о ней окружающие. Возложив на мадам Грендель всю грязную работу и заботу о своей маленькой дочери, муза Поля Элюара старательно избегала всего того, что могло неблагоприятно повлиять на ее самочувствие и внешность.

«Некая часть ее сущности была – в убегании, в ускальзывании от всего, что ей не нравилось.», – вспоминала Анастасия Ивановна Цветаева, описывая маленькую Леночку Дьяконову.

Регулярно посещая магазины и антикварные салоны, Гала скупала дорогие, зачастую бесполезные вещи, а вернувшись домой, перешивала свои наряды, читала, спала или слонялась по дому в ожидании мужа.

– Он очень много работает. Я часто бываю одна. И знаешь, я устаю, – жаловалась Гала подруге Анастасии Цветаевой.

Скука изнуряла. Одна мысль о рутине приводила Леночку Дьяконову в полуобморочное состояние. Ей хотелось свежести, остроты чувств, сознания своей избранности и снова… свободы. Свободы от блеклой действительности, от ворчливой свекрови, от

плача ребенка, от однообразия.

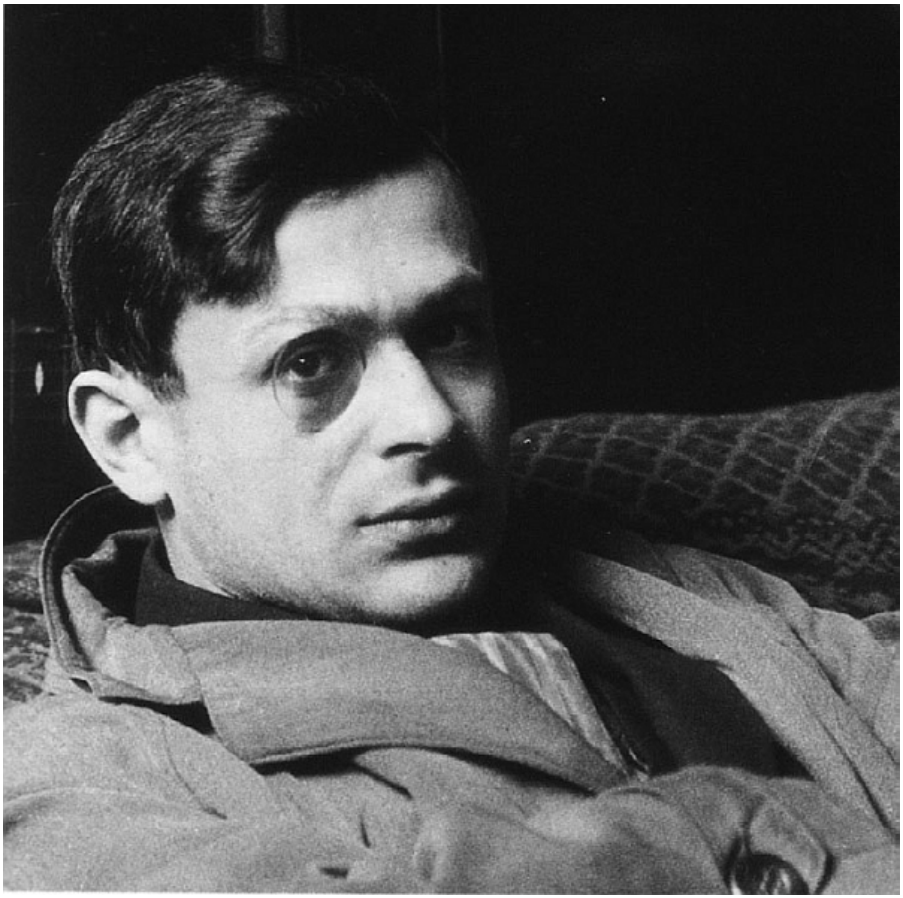
Наблюдая, как Элюар суетится в конторе отца, сбывая толстосумам земельные участки и дома, русская девочка мечтала об иной деятельности для мужа. Ведь она выходила замуж за поэта. Неужели он такой, как все?

Занимаясь с Полем любовью, путешествуя, сидя в ресторанах, Гала напоминала ему о том, скольких талантливых писателей и поэтов погубила война. Как много прекрасного мог бы создать Гийом Аполлинер, не попади ему в голову тот злосчастный осколок. А он – Элюар – жив. И это не просто так.

Поль соглашался. Он и сам по-прежнему грезил о поэтической карьере, о творческом муравейнике, копошась в котором мог бы заняться любимым делом и проявить свой талант в полной мере.

И однажды ему представился уникальный шанс.

– Вы и коммерция? Фантастика! – Перед Эженом стоял один из клиентов отца – темноволосый мужчина средних лет с круглыми восторженными глазами, картинно приподнятыми бровями и редкими усиками, пробивающимися над верхней губой. Гость смотрел на молодого человека в упор. В его взгляде сквозило любопытство. – Поль Элюар… Прекрасные стихи! Чудесные!



Тристан Тцара

Поль даже представить не мог, что стоящий перед ним человек – внук известного философа Фредерика Полана, писатель, эссеист и издатель Жан Полан.

Преподаватель литературы в лицее, участник Первой мировой войны, главный редактор авторитетного французского издания «La Nouvelle Revue francaise», этот человек был одним из тех, кто формировал литературную политику страны в послевоенные годы.

Прошло всего несколько месяцев после этой встречи и свет увидел первый выпуск журнала «Litterature» создателями которого стали сам Жан Полан, Поль Элюар и его новые друзья Андре Бретон, Луи Арагон, Филипп Супо.

Елена Дьяконова и Поль Элюар с друзьями

«„Litterature“ – журнал пристойного общества», – заявлял французский поэт и писатель, один из основоположников сюрреализма Андре Бретон. И правда, первые номера «Litterature» радовали своих читателей неизданными произведениями Артюра Рембо и Гийома Аполлинера, Игоря Стравинского и Гомеса де ла Серны.

Увлеченный редакционной деятельностью и общением с коллегами по литературному цеху, к неудовольствию Гренделя-старшего, Поль стал отлынивать от работы в его офисе.

Перемены в судьбе мужа отразились и на образе жизни Гала. Безумно влюбленный в свою диву, Поль всюду брал ее с собой. В немыслимых, самостоятельно скроенных и отороченных мехом нарядах Гала появлялась на вечеринках, в кинотеатрах, в книжных магазинах, на творческих бдениях. И хотя она предпочитала помалкивать, ни во что не вмешиваться, не критиковать и не хвалить, одного присутствия «праздно шатающейся мадам» было достаточно, чтобы вызвать раздражение у холостых друзей Поля.

«Никогда не поймешь, о чем она молчит, – ворчал приятель Элюара, поэт Виктор Крастр. – У нее довольно неприятное выражение глаз. Такое впечатление, будто Гала одержима дьявольской силой».

Мягкий, интеллигентный Поль, как мог гасил вспышки недовольства новых друзей. А Дали… был слишком мал и далек, чтобы защитить свою Галючку.

В неполные четырнадцать лет Сальвадор не выпускал кисти из рук и проявлял живейший интерес к кубизму, импрессионизму, фовизму, пуантилизму. Его эксперименты с красками и холстом вылились в первую выставку, открывшуюся в помещении одного из муниципальных театров Фигераса. В ту пору работы юного живописца носили подражательный характер.

– Чувствуется, что на юношу оказало влияние искусство таких художников, как Модесто Ургель, Мон Пичот и Мариано Фортуни, – замечали преподаватели Дали, присутствовавшие на открытии экспозиции.

В своем дневнике Дали вспоминал, какой «маниакальной страстью» стало для него, 9-летнего мальчика, разглядывание репродукции Вермеера «Кружевница», которая висела в кабинете его папы.

«В пятнадцать лет Сальвадор был пылок и нервен, – писала в книге воспоминаний сестра Дали Анна Мария —, *и, казалось, занимало его только одно – искусство. Глаза его впитывали все краски мира. Брат никогда не отдыхал. Если он не стоит за мольбертом, значит, занимается или пишет что-нибудь для журнала, который затеял издавать вместе с друзьями»*

Свободное от занятий живописью время Дали просиживал в отцовской библиотеке, изобилующей атеистической литературой. Именно здесь молодой человек нашел для себя труды Вольтера, Ницше, Фрейда.

«Впервые открыв Ницше, я был глубоко шокирован. Черным по белому он нагло заявлял: „Бог умер! (…) За три дня я окончательно проглотил и переварил Ницше. После этой каннибальской трапезы оставалась несъеденной лишь одна деталь личности философа, одна-единственная косточка, в которую я уже готов был вонзиться зубами – его усы! Позднее Федерико Гарсиа Лорке, зачарованному усами Гитлера, суждено было провозгласить, что „усы есть трагическая константа человеческого лица“.

Мне надо было превзойти Ницше во всем, даже в усах! Уж мои-то усы не будут нагонять тоску, наводить на мысли о катастрофах, напоминать о густых туманах и музыке Вагнера. Нет, никогда! У меня будут заостренные на концах, империалистические усы, обращенные к небу“.

Гала, вслед за мужем молилась иным богам. Отныне кумиром молодой семьи стал идейный отец дадаизма, а впоследствии деятельный участник сюрреализма, румынский поэт Тристан Тцара. Во многом, благодаря ему Элюары оказались вовлечены в игру, захватившую многих их единомышленников, так или иначе имевших отношение к искусству. Изменить существующий уклад, объявить войну ханжеству, взорвать миропорядок, жить не разумом, но чувствами и порывами, отдаться во власть подсознательного – это ли не свобода?

„Мы видим ваш мир, но теперь это и наш мир, – заявляли молодые отцам и дедам. – Начиная с сегодняшнего дня мы будем жить так, как нам вздумается. Да, да!

Дадаисты издавали журналы, в которых осмеивали и подвергали сомнению вчерашние идеалы, ценности, принципы. Сторонники дадаизма устраивали акции, целью которых было освобождение своего второго „Я“, оборачивающееся написанием на стенах зданий скабрезностей, оскорблением случайных прохожих и прочих „нелепых шалостей“. Гала и Поль охотно принимали участие в шабаше. Они ощущали себя причастными к великим преобразованиям, происходящим в мире. Вместе с другими последователями течения, Элюары писали историю дадаизма. Теперь отказ заниматься собственным ребенком Гала с полным правом могла назвать проявлением искусства, впрочем, как и пятна на столовом белье.

Нарушив покой Швейцарии, прокатившись гулким эхом по Франции, Германии, Австрии дадаизм навязчиво пичкал публику антиэстетикой. В 1921 году в Париже состоялась скандальная

выставка: при выключенном свете организаторы лаяли, мяукали, играли в догонялки, время от времени жгли спички и делали все, что только могло взбрести им в голову. „Делать то, что хочется, претворяя наяву бессознательное, тайное, скрытое“ – эти слова стали своеобразным кредо молодого Дали. По признанию самого художника, он выражал свой протест в поведении, в одежде, в темах, которые выбирал для своих картин, в прическе…

> *«Моя самоуверенность лишала собеседников дара речи. Я стал предметом дискуссий. „Сумасшедший он или нет? Может, он чокнутый только наполовину?“ Теперь все, что происходило аномального или феноменального приписывали мне. Я отпустил волосы, как у девушки. Нередко, рискуя быть застигнутым врасплох, я входил в комнату матери, чтобы стащить у нее немного пудры или подкрасить карандашом ресницы. Я чувствовал себя анархистом. Анархия представлялась мне королевством, в котором я высший владыка и абсолютный монарх».*

Свобода пьянила и обретала новые очертания. Захватив жизнь общественную, она бесцеремонно просачивалась в жизнь частную. Отметившись на многолюдных улицах, дадаистских посиделках, в творческих мастерских, свобода вторгалась в семейные гнезда, в чужие постели. «Разве человек может быть свободен, если он позволяет себе спать только с женой или мужем? Мораль сковывает нас. Если и должен быть брак, то только свободный», – убеждал своих соратников Тцара.

На лавочках в парках, на автобусных остановках, в общественном транспорте можно было частенько увидеть молодых людей, с интересом штудирующих труды Зигмунда Фрейда. Австрийский психолог и психотерапевт распалял своих читателей, убеждая их в том, что «подавление интимных сфер психики ведет к болезни так же, как и умолчание о жизни тела».

Елена Дьяконова и Поль Элюар среди дадаистов

IV
Макс по прозвищу «Художник»

Вспоминая отца и мать, Гала и Поля, их уже взрослая дочь Сесиль рассказывала, как однажды (малышке тогда исполнилось пять лет) в их доме, на стене в гостиной появился огромный коллаж, изображающий человека с вывалившимися наружу внутренними органами. «После увиденного я долго не могла заснуть. Мне было не по себе». Девочка не знала тогда, что этот коллаж-подарок, сделанный родителям их другом и будущим… любовником.

«Я хотел бы, чтобы ты умер. *Для* меня это было бы меньшим горем, чем тот позор, который ты обрушил на мою голову». Прочитав эти строки, Эрнст горько усмехнулся и швырнул телеграмму на столик в художественный беспорядок из испачканных обрывков холста, кистей разного размера и наполовину использованных тюбиков краски с изогнутыми «шеями». Отец не поймет его. Учитель в школе для глухонемых детей, он никогда не простит Эрнсту громких поступков. Переубеждать бесполезно. Папа так же слеп и глух, как и его ученики. А ведь когда-то именно отец внушал ему, что любовь к искусству превыше всего.

Родившийся в 1891 году в немецком Брюле, выходец из многодетной семьи, сын школьного учителя и домохозяйки, Макс Эрнст с малых лет был гордостью родителей. Старательный, застенчивый, аккуратный в деталях мальчик прекрасно учился и помогал матери по хозяйству. Но… Ни уроки в лицее, ни ребяческие игры, ни воскресная молитва не увлекали юношу так сильно, как манило его хобби отца. Старик писал картины. Подхватывая кистью капли яркой субстанции, он прикасался к холсту и через несколько часов Эрнст с восторженным удивлением узнавал в написанном родные берега, рыночную площадь, железную дорогу, улицы Кельна… Сам Макс начал рисовать с пяти лет.

– Он будет твоим повторением, – улыбаясь говорила мужу мать Эрнста. – Наш сын станет школьным учителем, а по субботам будет писать маслом.

Макс взрослел, «взрослели» и выходящие из-под его кисти портреты, пейзажи, карикатуры.

Однажды вечером, работая в мастерской, отец обратил внимание на неоконченное творение сына. Это было нечто из области фантастики: жирная, тяжелая, облепленная перьями

тушка птицы с человеческим лицом. Старик поморщился…

Несколькими днями ранее в доме Макса произошли два события: рождение младшей сестры Эрнста совпало со смертью любимого попугая мальчика. Стонущая от боли мать и осевший на дно клетки, прикрывший глаза пернатый питомец вызвали у юноши невыразимый страх. Вот его птичка завалилась на бок, перевернулась на спину, протянула окостеневшие лапки к небу и в этот самый момент… стихли стоны и раздался детский крик.

Эрнст возненавидел сестру. Это она забрала у попугая дух.

Бессознательное переживание перенесенное на холст. Не он писал эту картину. Это его второе «Я». Возможно, именно тогда Макс понял: искусство – не только то, что улавливает глаз человека.

Спустя годы во время обучения в Школе изящных искусств в Мадриде к этому выводу пришел и будущий приятель Макса Сальвадор Дали:

> *«Я всегда видел то, чего другие не видели; а того, что видели другие, я не видел* – писал Сальвадор в своих мемуарах. – *Как-то раз в художественном классе после натуры нам предложили зарисовать готическую статуэтку Девы. Профессор порекомендовал каждому делать то, что он „видит“, и вышел. Повернувшись к работе спиной, что возможно только в неистовой жажде мистифицировать всех и вся, я начал рисовать, вдохновленный каким-то каталогом, весы – и изобразил их со всей возможной точностью. Студийцы сочли, что я и впрямь свихнулся. К концу сеанса явился профессор да так и остолбенел перед моим рисунком. Студийцы окружили нас в тревожном молчании. Я дерзко заявил слегка сжатым от застенчивости голосом: „Может быть, вы видите Богоматерь, как все люди, а я вот вижу весы“.*»

Впоследствии, в своих статьях, опубликованных в немецких и французских журналах, Эрнст осмеивал тех критиков, которые оценивали искусство согласно таким критериям, как «вкус» и «мастерство».

В 1909 году Макс поступил в университет Бонна на факультет философии. Так пожелали его родители, прочившие Эрнсту карьеру преподавателя. В свободное от обучения время, Макс пропадал на лекциях по искусству, бродил по музеям, изучал психологию при психиатрическом госпитале Бонна. Здесь будущий дадаист и сюрреалист обратил внимание на картины душевнобольных людей. Расплывчатые фигуры, аляповатые

пятна, несочетаемые цвета… Это было самое честное и свободное искусство, которое когда-либо видел Макс.

Казалось, жизнь только началась. Первые выставки Эрнста в одном из боннских книжных магазинов, первый успех, знакомства с писателями, поэтами, художниками, членство в творческой группе «Молодой Рейнланд»… Все это оборвалось в один момент. Война…

– Совсем мальчишка. Господи, что с ним?

– Ранение в голову, лейтенант, правая рука, опять же, пострадала…

– Как звать?

– Макс Эрнст по прозвищу «художник».

– Почему «художник»?

– Так он и есть художник, лейтенант. Рисует, как бог. Хотите, вас нарисует, хотите – жену вашу.

Сам Эрнст лежал на носилках не в силах произнести ни слова. Господу было угодно сохранить Максу жизнь. Благодаря пожалевшему его лейтенанту, Макс был переведен из полевой артиллерии к картографам, где можно было рисовать, а после – целый и невредимый вернулся к семье в Кельн.

Незадолго до окончания войны Эрнст женился на своей однокурснице, заместителе директора Кельнского музея Луизе Штраус. Скромная, неприметная, маленького роста, с копной коротко остриженных светлых волос, собранных под гребешок, приземистой шеей и кроличьими зубами, Луиза не могла соперничать с Гала, казавшейся на ее фоне красавицей. На одной из фотографий, сделанных в 1922 году в Инсбруке, запечатлены вместе чета Элюаров и чета Эрнстов. Еще не грянул гром, не сошлись в дьявольской партии шахматы, Гала – изнеженная, высокая, худая в модной шляпке и изысканном наряде еще не поставила мат домовитой, ранимой, заточенной под материнство Луизе. Только что отгремела Первая мировая. У Эрнста и его белокурой жены родился сын Ульрих, ласково именуемый в лоне семьи Джимми.

И снова музеи, лекции, краски, кисти, холсты.

> *«Дорогой друг! Ты не можешь представить себе, как я воодушевлен и счастлив. Еще вчера война разоряла не только наши дома, она разоряла наше искусство. Пули и снаряды не пощадили гениев, способных на создание великих шедевров. Мы осиротели. И вот… Жизнь снова бурлит в сердцах творцов. В искусстве началась революция, мой мальчик! Это говорю тебе я, твой друг Робер. Революция эта сулит нам много приятных*

открытий и веселых минут. Полистай журнал, который я высылаю тебе, Эрнст. Создавшие его люди взволновали публику, расшевелили косный, равнодушный ко всему мирок. В Цюрихе взбудораженные посетители уходят с выставок в истерике. У дадаистов великое будущее», – писал Максу недавний друг, французский художник Робер Делоне.

Идеи Тристана Тцара, дадаизм, как явление взволновали Макса не на шутку. Чем больше художник думал об этом, тем чаще вспоминал свою птицу с человеческим лицом, спрятанную в угол мастерской и укрытую от посторонних глаз темной тканью. Он стыдился ее, стыдился проявлений своего подсознания. Но почему? В памяти его вновь возникала просторная, хорошо освещенная солнцем комната, где погруженные в себя, притихшие люди водили карандашами и кистями по бумаге. И эти рисунки… Эти картины душевно больных…

Навещая семью сына в Кельне, старый школьный учитель живо интересовался творчеством Макса и просил продемонстрировать что-нибудь новенькое. Последние работы сына вызывали у отца изумление. Вместо пейзажей и портретов, Эрнст представлял какую-то чушь, бессмыслицу, бред, «случайную встречу двух отдаленных реальностей на неподходящем плане»

– Нет, ты слышала, что сказал этот осел? Он хочет изобразить встречу зонтика и швейной машинки на каком-то там столе…, – возмущался старик, оставаясь наедине с женой. – Я не учил его этому! Кто тогда учил? Или на него так подействовала стажировка в психушке? Мало того, что он не оправдал моих надежд и отказался преподавать в школе, теперь еще и это…

Окрыленный новыми идеями, Макс был далек от отцовской мастерской в Брюле, от первых своих пейзажей, от детских идеалов и стремлений. Прекрасно владеющий кистью, отныне он ставил эксперименты с техникой коллажа. Инструментами Эрнста стали ножницы и клей. В дело шли вырезки из старых газет и журналов, книг по зоологии и справочников по анатомии. Никакой гармонии, никакого смысла! Вырезанные иллюстрации художник в произвольном порядке наклеивал на холст. Свои готовые работы Макс любовно называл «почтовыми открытками» и подписывал Минимакс Дадамакс.

«Эпатаж» – а именно так окружающие относились к творчеству молодого художника – очень скоро дал свои плоды. Каждое утро у входа в дом Эрнста выстраивалась толпа вездесущих журналистов. Его представляли, как шута, баламута и

прохвоста, добывающего себе легкую славу.

Получая утром свежую газету, отец Макса хватался за сердце. Критические статьи в адрес его сына становились все злее. «Эрнст Макс пишет стихи на французском, видимо, позабыв, что это вражеский язык. Он – не шут, он – предатель.».

В 1919 году вместе с другом-искусствоведом Макс организовал демонстрацию картин художников-любителей и пациентов психиатрических лечебниц. В 1920 году открылась выставка, во время которой разразился грандиозный скандал: представленный Дадамаксом коллаж сочли порнографическим. Устроители мероприятия оскорбляли публику, хулиганили и «заявили в качестве объектов искусства не пойми что».

«Я хотел бы, чтобы ты умер. *Для* меня это было бы меньшим горем, чем тот позор, который ты обрушил на мою голову…», – читал Макс в телеграмме. Это были последние слова, которые бросил сыну школьный учитель. Никогда больше Макс не видел своих родителей.

Постепенно и в его собственную семью закрался разлад. Всецело захваченный своими планами и идеями, Эрнст проводил ничтожно мало времени с сыном и женой. В сравнении с ним Поль Элюар был превосходным семьянином.

Когда многочисленные друзья упрекали Поля в избыточной приверженности домашнему очагу, Элюар игриво отвечал:

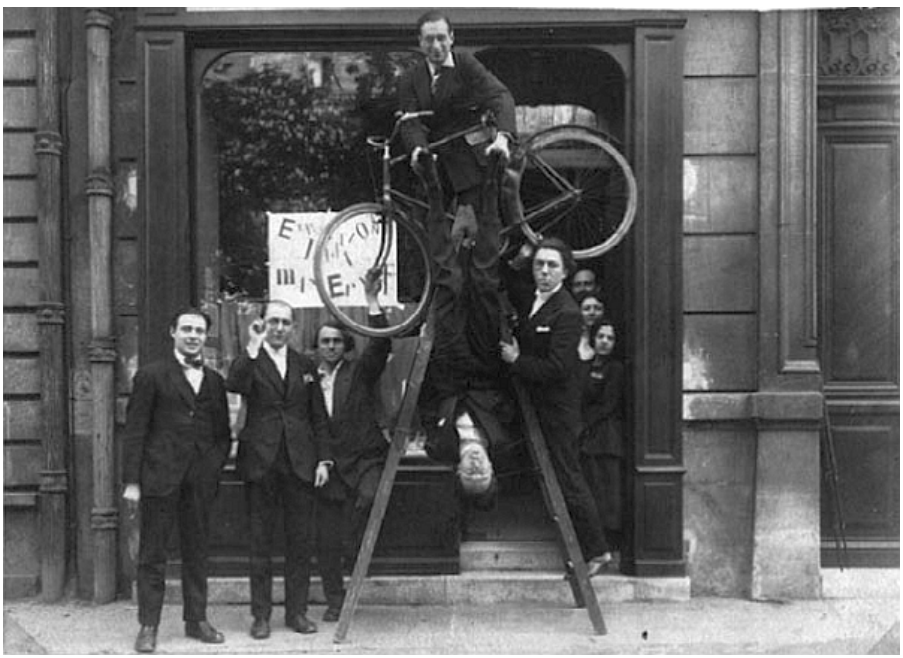
Всех моих товарищей на свете —
О, друзья! —
Мне сейчас милей жена и дети,
За столом сидящая семья,
О, друзья.

Но, если Поля удерживала обольстительная, томная Гала, не обремененная заботой о дочери и кухне, отдохнувшая, модно одетая, в любой момент готовая разделить со своим мальчиком приключения и постель, Макс видел уставшую, несчастную, вечно льющую слезы и рассыпающую жалобы женщину. Скептически относящаяся к занятиям мужа, Луиза умоляла его устроиться на нормальную работу, ведь его «ерунда» не приносила никакого заработка. Подливали масла в огонь и состоятельные родители Луизы, которые всеми фибрами души ненавидели зятя-бездельника. У них были на это все основания, ведь именно им приходилось содержать молодую семью, включая маленького внука.

Измотанный ежедневными ссорами Эрнст запирался в комнате и находил утешение, упражняясь в оккультизме,

записывая в мельчайших подробностях недавно увиденные сны, читая письма своих французских друзей и единомышленников. Из одного из таких писем Макс не без восторга узнал, что у парижских дадаистов созрела новая идея – устроить на французской земле выставку картин врага, немца, его выставку. Бретон приглашал Макса на свой страх и риск, ведь до этого момента поэт не был знаком с творчеством Эрнста.

Согласившись на предложение Андре Бретона, художник начал работать. В мае 1921 года в Париже открылась экспозиция Минимакса Дадамакса.



Открытие выставки Макса Эрнста в Париже в 1921 г.

Сам автор приехать не смог. Ему попросту не выдали визу. В какой-то мере, это было его счастьем, ведь неизвестное доселе парижанам творчество Эрнста было жестоко осмеяно. Выставка снова не принесла отцу семейства ни копейки, что дало Луизе новый повод для упреков и провозглашения собственной правоты.

Так же, как и немцы, французы окрестили Макса хулиганом и аферистом. Сторонники же дадаизма приняли его творчество всерьез. Многие захотели познакомиться с художником лично. В том числе, Гала и Поль Элюары.

Их желание осуществилось в конце осени 1921 года, во время

поездки в Кельн.

V
Игры на троих

Мысль о свободном браке, высказанная Тцара не вдохновила Гала, но показалась интересной Полю. Совершенствуясь в искусстве любви с женой, он, как и любой другой мужчина, мечтал о большем. Что же до русской девочки, то беззаветно отдающая себя во власть мужа, хранящая ему верность, поддерживающая все его начинания и угождающая ему в постели, Гала не горела желанием изменять супругу. Во всяком случае, все ее письма, адресованные Полю говорили о стремлении и потребности раствориться в нем одном. Элюар же ощущал, что их любовные утехи с некоторых пор опреснели и стали напоминать… овсянку, которую мама подавала ему в детстве на завтрак. В отличие от своих приятелей маленький Грендель любил кашу, но есть ее каждое утро было… скучно.

Именно поэтому, Поль то и дело «подогревал» жену, фантазируя вслух или пересказывая свои, уже переставшие быть тайными, желания в письмах. С каждым годом письма эти становились все откровеннее:

> *«Милая моя любовь,* – писал Элюар своей русской девочке, – *нежная моя любовь, я и сегодня все еще в постели. Только что мне снился чудесный сон, один из тех дневных снов, когда после пробуждения физический трепет продлевает отчасти желание – и желание это, которое не оставляет вас затем и наяву, сродни наслаждению в сновидении. Я лежал на кровати рядом с мужчиной, личность которого не могу с уверенностью определить, знаю только, что мужчина покорный и молчаливый, вечный мечтатель. Так вот, я лежу спиной к нему. А ты приходишь и ложишься рядом со мной и влюбленно, нежно целуешь меня в губы, я же ласкаю под платьем твои текучие и такие живые груди. И потихоньку твоя рука поверх меня ищет того, другого, и ложится на его мужскую плоть. Я вижу это по твоим глазам, которые постепенно воспламеняются все больше и больше. Твой поцелуй становится все более горячим, более влажным, зрачки расширяются. Жизнь другого вливается в тебя, и вскоре начинает казаться, будто ты раскачиваешь мертвеца. Я просыпаюсь, слегка опьяненный, не в силах отказаться от этого наслаждения… У меня*

одно единственное желание: видеть тебя, прикасаться к тебе, целовать тебя, говорить с тобой, восторгаться, ласкать, обожать, смотреть на тебя. Я люблю тебя, люблю тебя, только тебя – самую прекрасную, и во всех женщинах я вижу лишь тебя, воплощение Женщины, воплощение моей огромной и такой бесхитростной любви. Образ твой не покидает меня ни на минуту. И душой и телом я люблю в тебе все. Люблю великой любовью.»

Мучился жаждой любви и взрослеющий, постепенно приближающийся к предначертанной Богом встрече Дали.

«Это была девочка, которую я увидел со спины, когда она шла впереди меня, возвращаясь из колледжа. Талия у нее была такой хрупкой и тоненькой, что мне было страшно, как бы она не переломилась пополам. Две подружки шли с ней рядом и расточали улыбки. Несколько раз они оборачивались назад. Но та, что шла посередине, по-прежнему не показывала своего лица. Увидев ее такой гордой и стройной, я понял, что она отличается от остальных, что она – королева. И во мне родился такой же прилив влюбленности, какой я раньше чувствовал к Галючке.

Подружки называли ее Дуллита (…) С тех пор у меня появилось желание: пусть Дуллита придет искать меня наверху, в прачечной, пусть она поднимется ко мне. Я был уверен, что это неизбежно случится.»

Регулярное внушение возымело свое действие. Когда Элюары познакомились с Максом Эрнстом, ему было не больше тридцати лет. Смазливое, все еще детское лицо, голубые глаза, римский профиль, темные, хорошо уложенные волосы, гибкое мускулистое тело, большие руки. Макс казался значительно красивее и интереснее Элюара. Он умел расположить к себе людей, был дерзок, жизнелюбив, много острил. Наконец, у Эрнста была безукоризненная для дадаиста репутация: проблемы с законом, неоднозначное отношение публики к его творчеству, отлучение от родительского дома, лишение наследства.

Луиза и Макс Эрнсты, Елена и Поль Элюары с детьми,1922 г.

Жена Эрнста, Луиза не произвела ровно никакого впечатления ни на Поля, ни на Гала. Запустившая себя серая мышь, равнодушная к своей работе в частности и к искусству в целом, супруга Макса никоим образом не вписывалась в их дадаистскую компанию. Не доверяющая няням, не имеющая средств нанять их для ребенка, штопающая детскую одежду, подрабатывающая стиркой, изобретающая скудные ужины, преждевременно постаревшая и страдающая хронической

усталостью Луиза была обречена на одиночество. Изначально сделав ставку на добродетель, которую впоследствии во всеуслышанье осмеивал ее муж, несчастная проиграла. С болью в сердце она осознавала это, наблюдая за «танцем на троих», который исполняли эта бесстыдная мадам, приехавшая в недобрый час, ее малохольный муженек Поль и Эрнст. Прошло совсем немного времени после знакомства Макса с Элюарами, а художник уже бесцеремонно называл Поля и Елену Дьяконову своими братом и сестрой.

В 1921 году вышел новый сборник стихотворений Поля Элюара «Les necessites de la vie et les consequences des reves precede d'Exemples», предваряемые примерами. Вручая жене новенький, пахнущий типографской краской томик, Поль попросил любимую обратить внимание на одно из стихотворений. В двух строчках описал поэт самый сладкий свой сон, который, он надеялся, в скором времени станет явью.

Заинтригованная Гала лихорадочно листала книгу. Еще не читанные страницы отказывались слушаться, выскальзывали из-под пальцев и, шурша ластились к переплету. Ей нравилось, когда муж дразнил ее вот так. Добравшись, наконец, до указанного места, Гала пробежала глазами по строчкам, задумалась и, еще раз перечитав уже прочитанное, вдруг, встрепенулась и сникла. Лицо ее покраснело, в глазах прочитывалось смущение. Улыбка сошла с губ Гала. На какое-то мгновение она почувствовала себя преданной. Так же, как Поль, она желала свободы, но чтобы так…

В одном углу проворный инцест
Вертится вокруг непорочности платьица.

Муж когда-то читал ей эти строки, напоминая о том, что Макс называет их братом и сестрой. Только теперь она все поняла.

Русская девушка, получившая пуританское воспитание, носительница православной веры, поначалу Гала восприняла предложение мужа с обидой, возмущением, сомнением.

«Это занудство, право слово», – заявил Тцара, время от времени навещающий Элюаров и услышавший от Поля о реакции жены.

Молодость, стремление к новым, неизведанным наслаждениям, заветы свободолюбивых дадаистов, любопытство, а, главное безоглядная влюбленность в Поля сделали свое дело.

Наступает рассвет. Я люблю тебя. В жилах моих
еще ночь.

В эту ночь я все время смотрел на тебя.
Мне так много еще предстоит угадать.
Я в спасительность сумрака верю.
Он вручает мне власть
Окутать любовью тебя,
Разжечь в тебе жажду,
жить в глубинах моей неподвижности.
Твою сущность раскрыть,
Избавленье тебе принести и тебя потерять.
Днем невидимо пламя.

Раскрепощаясь все больше, вытягивая себя и свою русскую девочку из болота условностей и запретов, Элюар ни минуты не размышлял о последствиях. Спустя годы, в одном из писем Полю Гала призналась, что именно его желание разделить постель на троих дало ей впоследствии моральное право пренебречь обязанностями жены и бросить мужа ради другого. Познание женщины для этого «другого» все еще оставалось сном.

«Галючка сама идет ко мне, отступать уже некуда и я втягиваю голову в свой матросский воротник, задыхаясь от крепкого запаха фиалковых духов, которыми он пропитан. Кровь ударяет мне в голову, когда Галючка слегка прикасается к моей одежде. Я что есть силы бью ее ногой и она вскрикивает, хватаясь руками за коленку. Она отходит прихрамывая и садится в другом конце парка, на последнем ряду сдвоенных скамеек, у самой стены, увитой плющом. И вот мы сидим лицом к лицу, до боли прижавшись друг к другу гладкими холодными коленями. Сбивчивое дыхание мешает нам говорить (…) Галючка играет тоненькой цепочкой, которую носит на шее и, наверно, хочет этим кокетливым движением показать мне, что к концу цепочки прикреплено какое-то сокровище.

Из ее лифа и впрямь постепенно показывается предмет, который я еще не вижу, но надеюсь увидеть. Мои глаза не отрываются от нежной белой кожи ее выреза, как вдруг Галючка притворно роняет цепочку – и предмет змейкой ускользает в свой тайник. Она заново принимается за свою маленькую игру – и берет цепочку зубами, откидывая голову, чтобы приподнять медальон.

– Закрой глаза! (…)

Я подчиняюсь, зажмуриваясь до боли. А Галючка, взяв мою руку, настойчиво и нежно направляет ее в глубину

своего лифа, и я прикасаюсь к ее нежной коже. Отскакивает пуговица блузки – и моя онемевшая рука сковано движется к теплой груди(…) Мы оба замираем – и смотрим друг на друга в полутьме, стирающей подробности лица Галючки, ямочки на ее щеках, локтях и коленках. Вдалеке замолк военный оркестр, его сменяет назойливое и одинокое уханье совы. Галючка, под предлогом, что хочет показать мне шарик, совсем расстегивает блузку. Ее растрепанные волосы в беспорядке падают на лицо, в уголках губ чуть блестит слюна. Я хочу подойти к ней.»

Луиза и Макс Эрнсты, Елена и Поль Элюары с друзьями

Вместе с Эрнстом Элюары весело кутили в ресторанах, посещали выставки, бродили по магазинам, плескались в море и занимались искусством. Макс хотел писать только Гала: ее губы, грудь, шею, бедра.

– Ты совсем другое, – небрежно говорил Эрнст жене. – У тебя огрубевшие руки, крестьянское лицо, неухоженные волосы, измотанный вид. А у нее, ты только посмотри, чудо что за кожа, стройная талия, узкие запястья. Ты олицетворяешь собой глухую провинцию, она…

Спустя годы, вспоминая о безобразном поведении мужа, Луиза заявила:

> *«Эта русская самка, это скользкое, бьющее током создание с черными лохмотьями вместо волос присвоила себе обоих мужчин: своего и моего».*

Наблюдая, как его лучший друг флиртует с его женой, трогает ее колени, обнимает ее, Поль Элюар молчал. Он не мог найти в себе силы потерять хотя бы одного из двух, ставших ему близкими, людей. К тому же, давние мечты о любви втроем, благодаря Максу, могли стать реальностью.

«Он гений! – восклицал поэт, то и дело воздевая руки к небу и в сотый раз демонстрируя картины, купленные у Макса. – Я не знаю ни одного художника, который бы с таким упорством фиксировал свои сны и галлюцинации и умудрился установить столь прочную связь с потусторонним миром»

Противоречия раздирали Гала. Разум вел заведомо проигрышную войну с ее желаниями. Подсознание упорно нашептывало ей то, в чем русская девочка боялась признаться сама себе: Макс завладел ее мыслями и фантазиями. Вольно или невольно она поддразнивала Эрнста, когда он писал ее обнаженную. Ей нравились его, уже давно потерявшие характер дружеских поцелуи, жаркие объятия. В присутствии Макса воскресал в ней сладостный трепет, унявшийся за годы совместной жизни с мужем. Второй раз Гала ощущала свою власть над мужчиной. Жене поэта, стало, вдруг, безразлично, что этот мужчина женат, что у него есть сын. Хождение по лезвию бритвы втроем давало Дьяконовой те эмоции и переживания, которых она так боялась, но о которых мечтала, проводя в одиночестве тягостные дни. Танцуя с Эрнстом, прижимаясь к нему, она украдкой наблюдала за Полем.

До сих пор рассказывавшему ей о своих снах, цитировавшему Фрейда, призывавшему ее освободиться от стыда и расслабиться, получая удовольствие, самому Полю этот эксперимент давался с

большим трудом. Как когда-то заметил один из близких друзей Элюара: «Поль любил распутство больше как зритель и дилетант, нежели как участник». Похлопывающий Макса по плечу, декламирующий стихи, фонтанирующий шутками, Поль внезапно затихал, мрачнел и бросал долгие взгляды на свою единственную. В душе его, как на поле брани, боролись ревность и желание познать еще одну грань любви.

Елена и Поль Элюары

В 1922 году, после того, как друзья выпустили совместный сборник под названием «Les malheurs des immortels», их творческий союз (Поль – поэт, Макс – иллюстратор, Гала – цензор и редактор) трансформировался в союз любовный. Не оценив жертв своей первой жены и навсегда распрощавшись с ней, Эрнст переехал в Париж и поселился в доме Элюаров. Поступок его в полной мере соответствовал главному дадаистскому постулату:

Бросьте жену, бросьте любовницу,
Бросьте надежды и опасения,
Забудьте детей на опушке леса.
Бросьте реальное ради неосязаемого,
Бросьте, если нужно, зажиточную жизнь,
То, что создаст вам положение в будущем.
Отправляйтесь в дорогу.

VI
Он или я

Благодушно приняв друга своего сына в день возвращения детей, мадам Грендель очень скоро смекнула, что к чему.

Соседи и знакомые тоже не остались безучастны к menage a trois. Косые взгляды, проклятия, сплетни, скандалы с родителями Поля. Любовники даже не старались скрывать свои отношения и продолжали как ни в чем ни бывало проживать под одной крышей. Именно тогда на стенах дома Элюаров стали появляться коллажи-галюцинации, один из которых так испугал маленькую Сесиль.

Много повидавшая на своем веку кровать из мореного дуба, теперь являлась молчаливой свидетельницей любви на троих. Холодные волны смущения, захлестнувшие любовников, сменились теплым бризом, а после – мутным мелководьем. Погружаясь в наслаждение с головой, Поль и Гала все реже смотрели друг другу в глаза, все больше удалялись друг от друга.

Что же до амурных «заплывов» взрослеющего Дали… Они пугали его. Каждый раз, замечая надвигающуюся на него волну, он неизменно возвращался на сушу.

> *«Я был наедине с Дуллитой, полностью во власти моей любви, во дворе хлестал проливной дождь (…) Моя новая Дуллита, моя Галючка Редивива переступила через корону и легла посреди чердака(…)*
>
> *– Давай поиграем – потрогаемся языками.*
>
> *Она разжала губы и высунула кончик розового языка. Мне до того стало стыдно. Я резко встал и оттолкнул ее. Этот покорный взгляд, ее покладистость разожгли во мне желание причинить ей боль.»*

Сложности в общении появились у Поля и Гала после первой же ночи с Максом. Супруги чувствовали, что что-то надорвалось и изменилось в их отношениях. Первое, что видел поэт, возвращаясь домой – довольное лицо Макса. В отличие от прочих участников любовного треугольника, Эрнст чувствовал себя превосходно. «Целомудрие – синоним ханжества», – повторял художник слова Тцара.

Не в силах указать поднадоевшему приятелю на дверь, слабохарактерный Поль выполнял все прихоти любовника. Элюар снабжал начинающего гения, как называл себя Макс, кистями,

красками, холстами, карманными деньгами. С первого дня жизни в доме Элюаров Эрнст начал, а теперь продолжал расписывать стены, пол, потолок, мебель, светильники. Квартира поэта стала напоминать кошмарный сон. Здесь же лежали мертвым грузом коллажи Макса, которые никто не покупал.

– Ничего страшного, – подмигивал Полю Эрнст. – Ведь у тебя… у нас и без того много денег.

Видя мучительные переживания сына, Грендель старший предложил дать нахлебнику крупную сумму денег, дабы он убрался и оставил в покое Поля и его шлюху.

Сексуальные утехи на троих уже не радовали поэта, но Элюар боялся обидеть приятеля. Другое дело Гала. Чтобы хоть как-то задеть жену, так легко согласившуюся на измену, Поль сходящий с ума от ревности однажды бросил ей в лицо: «Я люблю Макса больше, чем тебя».

Биографы Элюара, приписывающие Полю неудержимую страсть к групповому сексу и возлагающие на него ответственность за то, что происходило в их с Гала супружеской постели, тем не менее, признают, что годы совместной жизни Элюаров с Эрнстом были самым тяжелым временем в жизни поэта. Поль стал уходить из дома, пьянствовал, развлекался в парижских борделях, а в один из мартовских дней 1924 года и вовсе… исчез.

Элюара не было дома уже третьи сутки. Он не пришел на собрание литераторов, не появлялся у друзей.

– Ты убила его, сука, – визжала мадам Грендель, бросаясь на невестку. – Он не выдержал твоих издевательств и покончил с собой. Заигралась…

Гала билась в истерике.

Туманность ситуации разъяснилась лишь несколько дней спустя, когда отец Поля нашел в своей комнате письмо, оставленное ему сыном:

> *«Я устал. С меня хватит. Не ищите меня, не лезьте в мою жизнь. Папа, предупреждаю, не пытайся отправить своих людей по моему следу. Уничтожу любого, кто будет путаться у меня под ногами. Не думаю, что ты хочешь скандала, который не лучшим образом скажется на твоей репутации».*

День сменялся ночью. Измученная головной болью, Гала лежала в холодной постели и чувствовала, как руки Макса шарят по ее телу. Перед глазами стояло лицо разъяренной, обвиняющей ее свекрови. Но ведь все, что происходило в этом доме на протяжение последних двух лет, было фантазией Поля. Это он, ее муж, ее мальчик, заразившийся бациллой дадаизма, сочинил данную сомнительную историю. Когда же она поверила ему, когда позволила себе прислушаться к своим желаниям, когда сделала так, как он хотел, муж сбежал… Где он теперь? Где он?

Жители французского Индокитая в 20-х гг. XX века

Монако, Вьетнам, Сингапур…

Не мысливший своей жизни без Гала, Элюар не мог выдерживать паузу слишком долго и спустя семь месяцев после бегства написал жене письмо.

> *«Я вложил всю свою жизнь в любовь к тебе. Я вложил всю свою жизнь в нашу любовь. Я хотел подарить тебе свободу, которую не дал бы тебе никто другой, все возможные наслаждения, все доступные тебе удовольствия. Но, боюсь, ты теряешь меня из виду… Только ты пробуждаешь во мне желание. Только с тобой я купаюсь в любви. Мне надоели другие. Я хочу только тебя. Безумно! Хочу обнять, облизать, раздавить тебя, чтобы твое тело стало легким, мягким, гибким и покорным (…) Я хочу любить тебя, как никогда, моя Гала. Я занимаюсь любовью часто и много, но отдал бы все за одну ночь с тобой. Все!..»*

Перечитывая долгожданное послание, прижимая его к сердцу и украдкой утирая слезы, Гала вглядывалась в размытые

чернильные строки, написанные на конверте. Она искала обратный адрес. Ни минуты не сомневаясь, русская девочка хотела исправить допущенную ею ошибку. Рассчитывать на помощь восставших против нее родителей Поля не приходилось. Неоткуда было взять деньги и тогда Гала решила продать несколько вещей из коллекции мужа.

Оскорбленный, растерянный Макс стоял в дверях, преграждая ей дорогу.

– А как же я?

– Не хочу думать об этом. Я знаю только одно: я люблю Поля.

– Я тоже люблю Поля.

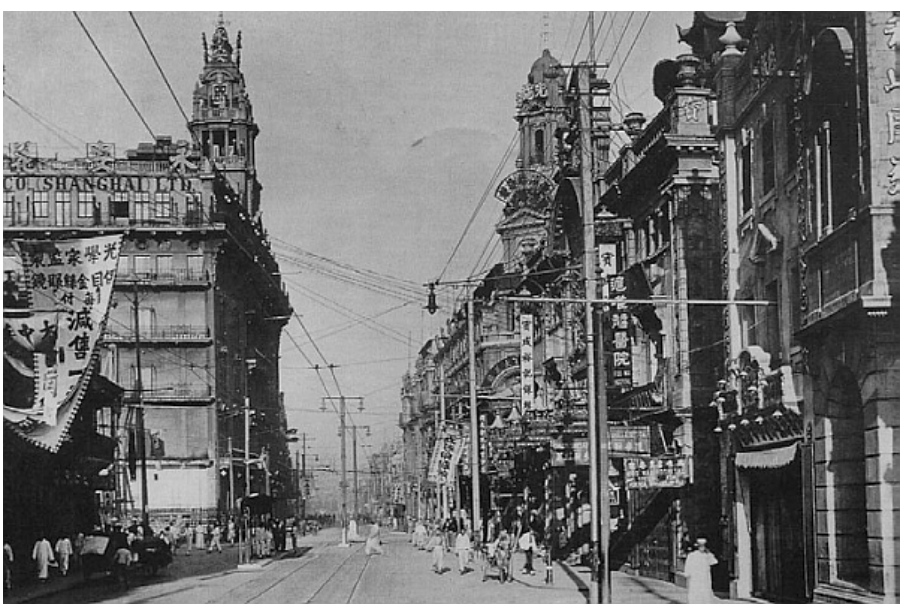
– В таком случае, ты должен понять меня.

– А я? Должна же быть какая-то ответственность…

Гала усмехнулась.

– Что-то не припомню, чтобы Тцара говорил об ответственности.

Боясь даже представить себе, что выстроенный им дом оказался картонным и вот-вот осыпется из-за чьих-то нелепых метаний, Эрнст обратился к владелице художественной галереи в Дюссельдорфе Иоганне Эй с просьбой купить у него несколько картин по сниженной цене. Получив согласие галеристки, а затем и деньги Макс отправился следом за Гала в Сингапур. Напрасно.



Сингапур в 20-х гг. XX века

Поль ждал ее одну. Он стоял на причале – похудевший, бородатый в светлой, просторной рубахе. Ее мужчина, ее поэт… В глазах его стояли слезы, в пальцах подрагивала зажженная сигарета.

> *«Если бы ты только понимала, как я тебя люблю и, как мне неприятно причинять тебе боль. Почему это не взаимно? Я скучаю по тебе. Мне тяжело. Тяжело, когда я слышу знакомую мелодию на пластинке, когда вижу любовное признание в книге или фильме. Все полно тобой.»*

Там, в Сингапуре, Гала сделала свой выбор.

По возвращении в Париж, Макс Эрнст был вынужден собрать свои пожитки и удалиться в снятую ему Полем студию на Монмартре. Ощущая некоторую вину перед другом, Поль содержал его до тех пор, пока между затаившимися соперниками не произошел давно назревавший скандал.

Последней совместной работой Поля Элюара и Макса Эрнста стал сборник стихов «Au defaut du silence». Двадцать текстов, посвященных божественной Гала и двадцать рисунков, на которых уродливое лицо русской девочки было искажено злобой, ужасом, страданием.

Именно такой жизни желал Макс женщине, которая изгнала его из своей постели.

VII
Это она!

Как и прежде, им приходилось пересекаться с Эрнстом на литературных вечерах, на прогулках, в общих компаниях, однако, о непринужденном общении не могло быть даже речи. Семья Элюаров вернулась к прежней жизни, но это была лишь видимость. Прежней жизни не получалось. Слишком саднили раны, слишком неприятны оказались воспоминания. Во время ссор, которые теперь все чаще вспыхивали между Гала и Полем, муж и жена обвиняли друг друга в предательстве, а примиряясь, утешали себя мыслью о том, что у них свободный, а значит, честный брак. Окончательно разладились отношения Гала со свекром и свекровью. Отобрав у непутевой русской дочь, мадам Грендель и ее муж оскорбляли невестку при любом удобном случае. Поборница семейных ценностей, рано потерявшая мать и отца и воспитавшая пятерых братьев и сестер в одиночку, свекровь Гала не могла простить невестку.

В 1927 году после смерти отца, Поль унаследовал огромное состояние. Ее муж, ее гений, на которого когда-то Гала возлагала большие надежды, рассорился с Тристаном Тцара, охладел к дадаизму и писал стихи исключительно ради удовольствия. Все остальное время он вел богемный образ жизни, посещая рестораны и навещая друзей. Злые языки утверждали, что оставляя Гала дома, Элюар развлекается с многочисленными любовницами. Поговаривали, что и Дьяконова не теряет времени даром, но интрижки обоих носят несерьезный, кратковременный характер.

Так продолжалось вплоть до 1929 года, когда на одной из дружеских вечеринок Поль Элюар свел знакомство с испанским художником-сюрреалистом Сальвадором Дали.

Сальвадор Дали в конце 20-х гг.

Один из друзей Элюаров, известный французский поэт и писатель Андре Бретон обозначил сюрреализм, как «чистый психологический автоматизм, с помощью которого словами, рисунком, любым другим способом делается попытка выразить движение мысли». Сочетание сна и реальности, тесное взаимодействие со своим сознанием, свобода и иррациональность – все, о чем писал Фрейд, все, что было так близко вчерашним дадаистам Максу, Элюару, Бретону, Арагону, Магритту.

Молодой художник, которого встретил Поль выбивался из

привычной ему компании. Элюару пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться, когда поэт увидел худющего юношу, затянутого в узкие брючки и шелковую рубашку с пышным воротником. Его набриолиненные волосы были зачесаны назад, неестественно поднятые к небу кончики усов забавно топорщились, на тонкой, черной от загара шее болтался черный же галстук в белый горошек.

Парень был невероятно стеснителен и даже боязлив. Представившись друг другу, собеседники очень быстро нашли общие темы и проговорили несколько часов кряду. Когда вечер подходил к концу молодой человек пригласил поэта в свою мастерскую, в Кадакес.

– Приезжайте вдвоем с супругой.

Еще до встречи с Гала, Дали слышал о ней от своего друга, художника Эрнста Макса. Макс говорил о русской жене поэта сдержанно, иногда зло, порой с горечью, не вдаваясь в подробности своих с Элюарами отношений.

В то время, как ее муж планировал поездку в Каталонию, Гала наслаждалась величественными пейзажами Швейцарии. Здесь они с Эженом встретились, здесь полюбили… Здесь исцелились от приступов удушья. И вот… рецидив. Она задыхается от происходящего. Нет смысла и дальше оставаться в этом, враждебном ей доме. Только покончив с прошлым и, начав свою жизнь с нуля, можно сохранить уважение к себе. За двенадцать прожитых в браке лет они с Элюаром выпили друг друга до дна. Он ничего не может дать ей больше, кроме упреков и скуки.

Вернувшись из одного путешествия, русская дива тут же отправилась в другое. На этот раз вместе с мужем и маленькой дочерью. По пути в Кадакес Поль восторженно хвалил какого-то художника, с которым познакомился, обедая в одном из французских ресторанов.

– Он такой неуклюжий, смешной, яркий. Он непременно тебе понравится, – горячо уверял Элюар размышлявшую о чем-то своем жену.

> *«На какой-то миг мне показалось, что во время моей последней поездки в Швейцарию, муж незримо присутствовал рядом, – писала в своем дневнике Гала – что он слышал все мои мысли и, согласившись с ними, пытался теперь избавиться от меня, подталкивая в объятия первого встречного».*

Вопреки ожиданиям Поля, Кадакес привел его жену в невообразимый ужас. Ее раздражал жаркий климат, вымощенные

булыжником щербатые мостовые, узкие улицы, убогие рыбацкие халупы, с развешанными во дворах снастями. Особенно невыносимыми казались Гала резкие, пронзительные крики чаек, от которых у дивы разыгрывалась страшная головная боль. Местная еда вызывала у Дьяконовой отторжение, утроба старинной церкви Святой Марии с ее барочным алтарем приводила в уныние. Даже воздух в этой деревне отвратительно пропах соленой рыбой.

Церковь Святой Марии в Кадакесе

«Однажды утром перед домом остановилась машина. Из нее вышел Поль Элюар со своей женой. Они устали от длительного путешествия – только что побывали у Рене Кревеля в Швейцарии. Они тут же отбыли в отель „Мирамар“, чтобы как следует отдохнуть, и договорились встретиться с нами в пять часов.

Лицо Гала Элюар было, на мой взгляд, очень интеллигентным, но выражало усталость и досаду – ну и дыра этот Кадакес», – вспоминал Дали.

Больше всего Гала не нравился этот молодой, безвкусно одетый и что-то бубнящий себе под нос Сальвадор.

«…она призналась, что приняла меня за противного и невыносимого типа из-за моих лакированных волос, которые придавали мне вид профессионального танцора аргентинского танго.»

Что интересного может создать этот мальчишка?

Но она ошиблась. Очутившись в мастерской художника, Гала почувствовала, как невидимая сила пригвоздила ее к полу. Окружившие, захватившие ее полотна, с четкими или размытыми очертаниями геометрических фигур, солнечными бликами, затененными лицами, фрагментами тел, сценами совокупления напоминали русской девочке то, что делал Макс. Но это… Это было много талантливее, глубже, интереснее.

«Все мои планы, мысли и внимание были заняты Гала. Не в силах говорить с ней, я окружил ее тысячей мелких забот: принес ей подушки, подавал стакан воды, поворачивал ее так, чтобы она лучше видела пейзаж. Если бы я мог, я бы тысячу раз снимал и надевал ей туфли. Когда во время прогулки мне удавалось хотя бы на секунду прикоснуться к ее руке, все мои нервы трепетали и я слышал, как вокруг меня падают дождем зеленые плоды, как будто я не касался руки Гала, а до срока тряс неокрепшее пока деревце моего желания. Гала, которая с уникальнейшем в мире интуицией видела мою малейшую реакцию, не замечала, что я без памяти в нее влюблен. Но я хорошо чувствовал, как растет ее любопытство.»

В один из дней, загорая на пляже, укладывая растрепанные волосы, поправляя сползающие бретельки купальника, она

обернулась и увидела стоявшего у окна Дали. В его круглых, выразительных, почти вылезающих из орбит глазах, Гала отметила целую гамму чувств: робость, задумчивость, внимание и… трепет.

«Я подошел к окну, которое выходило на пляж. Она была уже там. Гала, жена Элюара. Это была она! Галючка Редивива! Я узнал ее по обнаженной спине. Тело у нее было нежное, как у ребенка. Линия плеч – почти совершенной округлости, а мышцы талии, внешне хрупкой, были атлетически напряжены, как у подростка. Зато изгиб поясницы был поистине женственным. Грациозное сочетание стройного, энергичного торса, осиной талии и нежных бедер делало ее еще более желанной.»

«Она смотрела прямо мне в глаза и у меня сжалось сердце. Я знаю… Это… Гала.»

Его галлюцинация, игра подсознания, мечта его детства… Он столько лет искал ее в других. Находил. Понимал, что ошибался. И вот, она перед ним.

«Лето в Кадакесе. Я ухаживаю за Гала. Мы обедаем с друзьями на берегу моря под вьющимся виноградом, оглушенные гудением пчел. Я на вершине счастья, вдобавок я уже ношу в себе зреющую тяжесть любви, она рождается и вцепляется мне в горло, как золотой, массивный осьминог, сверкающий томительными самоцветами».

VIII
«Хочу этого мальчика!»

Точно осыпавшиеся лепестки магнолии, покачивались на приколе кремовые лодки, согревала глаза золотистая рябь водной глади, соблазнял дикими пляжами мыс Креус. Она внимательно наблюдала, с каким изяществом этот мальчик брал с тарелки вымоченного в винном соусе, зажаренного лангуста и жевал его. Перехватывая ее взгляды, Дали смущенно опускал глаза и симпатично пунцовел. Даже смуглая кожа не могла скрыть его румянца. Ей, тридцатипятилетней женщине, не лишенной рационализма, вкусившей семейной жизни и адюльтера, теперь было не свойственно влюбляться с первого взгляда. То, что Гала ощущала по отношению к Дали, даже отдаленно не напоминало ее чувства к Полю или Максу.

Немного удивленный решением жены остаться в Каталонии еще на несколько месяцев, Поль снова дал ей свободу: *«Я буду счастлив, если будешь счастлива ты».*

Стоило солнцу Элюара закатиться за горизонт, Дали понял, что у него появился шанс. Он должен сделать все возможное все, чтобы сблизиться с Галючкой. Убегая из отцовского дома, Сальвадор ночи напролет проводил со своей русской девочкой. Он дарил ей завораживающее молчание гротов и кристальную чистоту лагун. Он рассказывал ей о том времени, когда мечтал о ней, он поведал ей об умершем брате Сальвадоре, которого он никогда не видел и с которым сравнивали его родители:

> *«Мой брат умер от менингита семи лет, года за три до моего рождения. Отчаявшиеся отец и мать не нашли иного утешения, кроме моего появления на свет. Мы были похожи с братом как две капли воды: та же печать гениальности (Позже, в 1929 году, у меня появилось четкое осознание своей гениальности, и оно так укрепилось во мне, что не вызывает никаких так называемых возвышенных чувств. И все же должен признать, что эта вера во мне – одно из самых приятных постоянных ощущений), то же выражение беспричинной тревоги. Мы различались некоторыми психологическими чертами. Да еще взгляд у него был другой – как бы окутанный меланхолией, „неодолимой“ задумчивостью. Я был не так смышлен и, видимо, взамен наделен способностью все отражать.»*

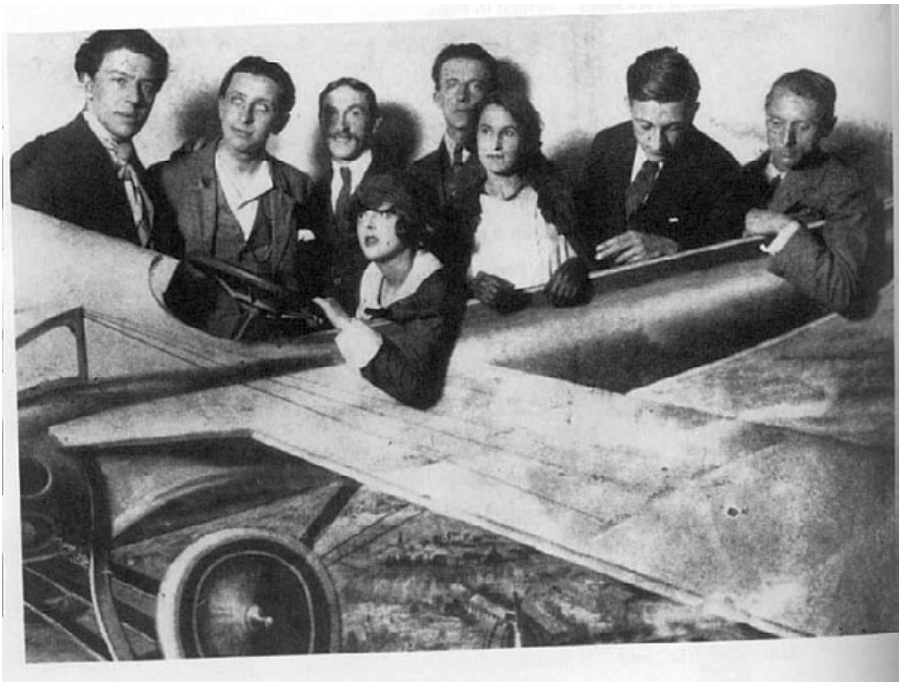
Дали рассказал ей о кратковременном тюремном заключении за потасовку в университете и, о первой поездке в Париж, где состоялась встреча молодого человека с Пабло Пикассо, с которым они пересекались, когда Дали был подростком. Говорил он ей и о той боли, которая гнездилась в его душе вот уж десять лет.

Сальвадору исполнилось шестнадцать, когда самая дорогая и близкая женщина его жизни сгорела от рака. Его нежная мамочка прощала ему все капризы и нелепые выходки. Даже, когда он увидел на прилавке овощного магазина косу из чесночных головок и, пожелав взять ее себе, упал в дорожную пыль и разразился громкими рыданиями, его терпеливая мать не стала наказывать его.

> *«Смерть моей матери была для меня самой большой из потерь. Я обожал ее. Для меня она – единственная и неповторимая. Я знал, что ее золотая, ее святая душа настолько выше всего самого человечного, и не мог смириться с утратой существа, на которое бессознательно рассчитывал невидимыми изъянами моей души. Она была так добра, что я думал: „Этого хватит и на меня“. Она любила меня возвышенной и всепоглощающей любовью – а значит, не могла заблуждаться. Даже мои злые выходки должны быть чем-то чудесным! Ее смерть показалась мне насмешкой Судьбы. Невозможно, чтобы такое произошло с ней или со мной. Мстительное чувство наполняло мое сердце. Стиснув зубы, я поклялся, что вырву мать у смерти и судьбы, даже, если потребуются для этого снопы света, которые в один прекрасный день дико засверкают вокруг моего прославленного имени».*

– С отцом у нас довольно сложные отношения, – признался Сальвадор. – Почти сразу после погребения мамы он женился на ее младшей сестре, предав всю нашу семью.

Слушая Дали, Гала с удивлением отмечала, как теплеет и наполняется нежностью ее сердце. Своей чистотой и откровенностью он, сам того не осознавая, освободил от скверны и скепсиса ее помыслы и душу. Дали не был похож на лицемера, на любителя пожить за чужой счет Макса, в нем отсутствовали занудство и мягкотелость Поля. С каждой новой минутой она проникалась к нему любовью. Какая-то непостижимая сила тянула ее к этому мальчику. Ей хотелось остаться с ним навсегда. Чувства переполняли ее до боли в груди… До крика.



Андре Бретон, Елена и Поль Элюары и Макс Эрнст среди друзей сюрреалистов

«Друзья-сюрреалисты уехали в Париж. И Элюар тоже. Гала осталась в Кадакесе. С каждой новой встречей мы как бы говорили себе: „Пора с этим покончить“. Начался сезон охоты, и наши прогулки сопровождались выстрелами, отраженными гулким горным эхом. Чистое и ясное августовское небо исчезло, пришли спелые осенние облака. Скоро будем собирать плоды нашей страсти. Сидя на куче камней, Гала ела черный виноград. И становилась прекрасней с каждой ягодой. Виноград таял, и тело Гала казалось мне созданным из мякоти белого муската. Завтра? Мы думали об этом непрерывно. Принося ей гроздья, я давал ей выбирать: белый или черный.

В решающий день она оделась в белое и такое тонкое платье, что увидев ее рядом на тропинке, я вздрогнул. Дул сильный ветер, и я изменил наш маршрут, повернув с Гала к морю, к скамье, высеченной в скале и укрытой от ветра. Это было одно из самых пустынных мест в

Кадакесе. И сентябрь повесил над нашими головами серебряную подковку луны. У нас в горле стоял ком. Но мы не хотели плакать, мы хотели покончить с этим. У Гала был решительный вид. Я обнял ее:

– Что вы хотите, чтобы я сделал?

Волнение мешало ей говорить. Она пыталась несколько раз, но не могла. Слезы текли по ее щекам.

Я настаивал на ответе. Тогда, разжав зубы, она сказала тонким детским голоском:

– Если вы не захотите это сделать, не говорите об этом никому!

Я поцеловал ее приоткрывшиеся губы. Я никогда еще так не целовался, так глубоко и не думал, что такое может быть. Все мои эротические „Парсифали“ пробудились от толчков желания в так долго подавляемом теле. Я исчезал в этом бесконечном поцелуе, который разверзся подо мной как бездна водоворота, в который меня затягивало преступление и который, я чувствовал, грозил проглотить меня…

Я оттянул голову Гала за волосы и истерично велел ей:

– Немедленно скажите мне, что вы хотите, чтобы я с вами сделал. Ну скажите же мне, тихо, глядя в глаза, самыми безжалостными словами, самыми непристойными, пусть даже будет стыдно нам обоим!

Я не хотел упустить ни одной детали этого разоблачения, таращил глаза, чтобы лучше видеть, чтобы лучше чувствовать, как я умираю от желания. Лицо Гала приобрело самое прекрасное выражение, какое только может быть у человека, и оно показало мне, что нас не спасет ничто. Мое эротическое влечение довело меня в этот миг до уровня слабоумия, и я повторил:

– Что-вы-хо-ти-те, что-бы-я-сде-лал-с-ва-ми?

Ее лицо изменилось, стало жестким и повелительным:

– Я хочу, чтобы вы вышибли из меня дух.»

«Галя – единственная женщина, которую он действительно любил, – писал университетский приятель Дали, режиссер Луис Бунюэль – *Ему случалось обольщать и других женщин, в особенности американок-миллиардерш. Но при этом он только раздевал их, варил крутые яйца, клал им на плечи и, не говоря больше ни слова, отправлял домой. Практически он никогда не*

интересовался женщинами. Как человек, склонный к воображению, с некоторыми садистскими тенденциями, он даже в молодости не был женолюбом и насмехался над друзьями, увлекавшимися женщинами. Невинности его лишила Галя. После чего он написал мне на шести страницах великолепное письмо с описанием радостей плотской любви.»

«Никогда в жизни еще я не занимался любовью. Мне казалось, что для этого акта требуется ужасная сила, диспропорциональная моей физической мощи; это было не для меня. До встречи с Гала я искренне считал себя обреченным на одиночество, потому как относил себя к импотентам.

Я избегал девушек. Они казались мне самой большой опасностью для моей души, такой уязвимой перед бурей страстей. Однако, я собирался быть всегда влюбленным, но при условии, что никогда не встречу предмет своего желания. Эти влюбленности, все более и более нереальные и неудовлетворенные, позволяли моим чувствам скользить от одного женского образа к другому(…) Из этого я извлек веру в непрерывность перевоплощения, будто бы я влюблен только в одно существо с тысячью лиц».

Мать, жена, подруга, любовница, натурщица, богиня, развратница и скромница, впоследствии Гала стала для Дали тем существом с тысячью лиц, о котором он мечтал. Но прежде им нужно было пройти долгий путь и доказать, прежде всего себе, что они имеют право на счастье.

Первыми взбунтовались родные художника. Без зазрения совести их мальчик разгуливал по Каталонии с француженкой. Это все равно, как если бы он вывел в свет проститутку. Кроме того, у француженки сомнительное происхождение. Болтают, что она из России. И это еще не все! Подружка Дали замужем и у нее есть ребенок.

Презрительно величая Гала «ля мадам», отец Сальвадора наотрез отказался принимать ее в своем доме и, дабы проучить непокорного сына, переделал завещание в пользу дочери.

Красивая, стройная испанка, первая и до сих пор самая любимая натурщица Дали, его сестра Анна Мария невзлюбила Гала, как только увидела ее.

В своей книге Анна Мария вспоминала:

«Одно лето – и Сальвадора словно подменили. Он отдалился от своих давних друзей, от нас и от себя

самого. Река его жизни вдруг резко сменила русло.»

– Она ужасная, порочная женщина. Она развращает брата, вовлекает в сомнительные авантюры, наверняка снабжает его алкоголем и наркотиками – нашептывала Анна Мария отцу. – Ты ведь знаешь, папа, что многие сюрреалисты принимают наркотики? Это помогает им глубже проникнуть в свой внутренний мир. Сальвадор говорил мне…

Как и когда-то главным для Гала оставалось то, что она ощущала. Она выметала из своего сознания все, что мешало ей чувствовать себя счастливой. Полю не понадобилось много времени, чтобы понять, что его место в сердце русской девочки снова занял другой. «Очередное увлечение. Пройдет», – говорил себе поэт, разглядывая испанца. Ему и в голову не могло прийти, что этот клоун может отнять у него жену.

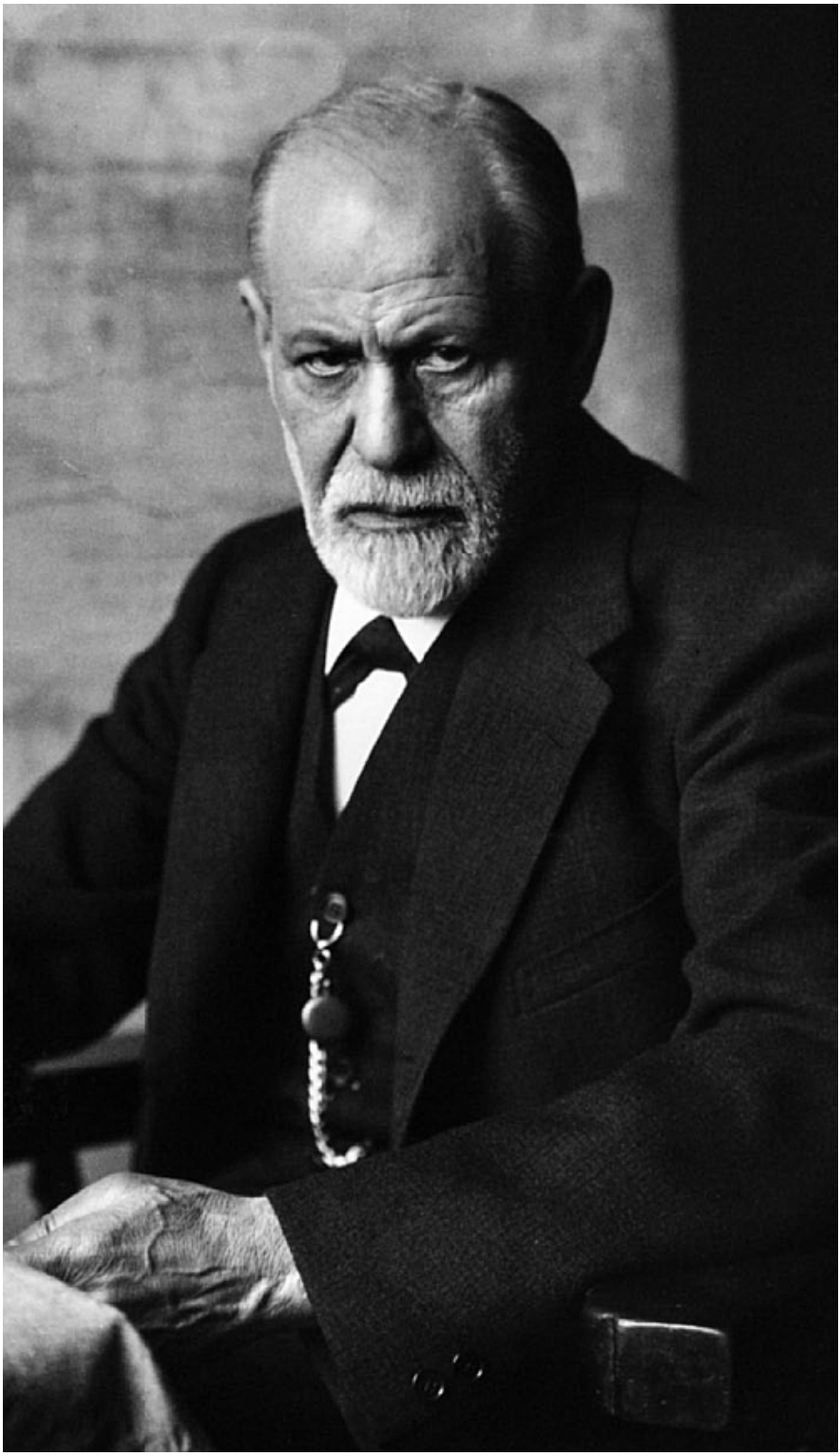
Приезжая в Париж, Дали как ни в чем не бывало останавливался в доме Элюаров. В отличие от Эрнста, Сальвадор с уважением относился к чужому пространству, покупал краски и холсты на собственные деньги и… даже подарил хозяину его портрет. Это был портрет-извинение, портрет-сожаление, плата за украденное счастье.

> *«Я чувствовал, что на меня возложена обязанность запечатлеть лик поэта, с Олимпа которого я похитил одну из муз» – писал позже Сальвадор Дали.*

В 1929 году на выставке сюрреалистов в Париже публику и журналистов ожидал настоящий шок. Испанский художник Сальвадор Дали представил картину под названием «Священное сердце». Возможно, она не привлекла бы такого внимания и даже осталась незамеченной, если бы не… крупные чернильные буквы, оставленные Сальвадором на холсте. Надпись гласила: «Иногда я с наслаждением плюю на портрет своей матери».

Выставка только открылась, а таблоиды всего мира уже пестрели этими словами. *«Дали плюет на портрет своей матери», «У художника нет ничего святого», «После случившегося мать Сальвадора Дали перевернулась в гробу», «Трудное детство испанского художника Сальвадора Дали».* Каждый интерпретировал увиденное по-своему. Беспринципность? Детские обиды? Безумие? Как когда-то в студенческие годы, творчество молодого художника, его личность стали предметом ожесточенных споров.

Объяснить свой поступок мог только сам Дали.



Увлеченный психоаналитическими теориями Фрейда с юных лет, Сальвадор хорошо знал о вреде подавления эмоций. Долгие годы он носил в себе боль потери, *лелеял* свои раны, но вот в его жизни, наконец, появилась женщина, которая убаюкала, вытеснила своей любовью его страдания. Раны стали затягиваться. Дали поделился своими мыслями с консервативным миром. Это был всего лишь сеанс психотерапии, попытка освободить себя от бессонницы, самолечение, не имеющее ничего общего с безнравственностью. Во всяком случае, так он объяснил произошедшее Гала.

Донести это до публики и критиков было невозможно. Дали и не пытался. Пусть думают о нем, что хотят. Еще сложнее было объясниться с отцом. В том же году, с сожалением оставляя Гала в лоне семьи и, возвращаясь в Испанию, художник даже представить не мог, какой скандал ожидает его в отчем доме.

> *«О поступке Сальвадора мы узнали из статьи Эухенио Д'Орса. Ее опубликовала сначала мадридская „Ла Гасета Литерариа“, а чуть позже, в самом конце 1929 года, барселонская „Ла Вангуардиа“. Так мы узнали, что время, проведенное Сальвадором в Париже с теми людьми, наложило на него свой отпечаток и он публично растоптал самое дорогое осквернил память о матери», – вспоминала Анна Мария Дали.*

На пороге дома Сальвадор столкнулся с университетским товарищем Луисом Бунюэлем, приехавшим погостить и обсудить с Дали съемки их совместного фильма. Впоследствии кинорежиссер вспоминал, что никогда еще ему не приходилось присутствовать при такой бурной семейной сцене.

– Все эти годы ты говорил мне, что я предал семью, – кричал отец Дали. – Нет! Ее предал ты!!! Ты оставил совесть в постели этой женщины, перезрелой шлюхи, которая платит тебе деньги за то, что ты доставляешь ей удовольствие. Ради нее ты забыл дом, забыл семью. Ради нее ты осквернил память матери, которая души в тебе не чаяла. Причина позора, который вошел в наш дом – эта русская дрянь.

Не чувствуя себя виноватым, Дали все-таки мог понять негодование отца и его претензии к нему. Но допустить оскорбления в адрес своей Галючки, русской девочки, воплощенной мечты. Никогда!

– Тогда я проклинаю тебя! Я не желаю видеть тебя в своем доме. У тебя больше нет сестры, нет родителей, нет ни-че-го!

С этих пор Дали часто обращался к портрету отца сделанному им за 4 года до ссоры.

> *«Я очень много думал над этим портретом и много работал – почти всю зиму. Около тридцати предварительных рисунков, если не больше… Бесчисленное количество сеансов».*

Он разговаривал с изображенным на полотне мрачным человеком, напоминающим пастора с упрямо сжатыми губами, сведенными бровями и как будто высеченным из камня лицом. Дали высказывал ему накопившиеся обиды, делился успехами, договаривался. Договориться с живым человеком возможности не представлялось.

> *«Я был изгнан потому, что слишком прилежно изучил и буквально следовал тем атеистским, анархическим наставлениям, которые нашел в книгах своего отца. К тому же он не мог перенести, что я уже превзошел его во всем и даже в богохульстве», – писал Сальвадор в своем дневнике.*

Отец Дали был уверен, что столкнувшись с первыми же трудностями, его избалованный, блудный сын бросит свою «ля мадам» и вернется каяться. Для того, чтобы ускорить желаемое, Дон Сальвадор Дали Кузи употребил все свое влияние.

Теперь и он узнает, что такое одиночество. Звенящее, монотонное, оглушающее, когда все вокруг чужды, а служившие тебе пристанищем и опорой родственные связи, любовь, доверие рухнули в одночасье. По твоей ли вине или по вине кого-то другого – все равно. Но у него есть она и она не может оставить его в таком положении.

Гала размышляла об этом, перечитывая письмо своего маленького каталонца. В присущем ему патетическом тоне, Дали сообщал Галючке о том, что обрил голову, живет у приятеля, много пишет и хочет забрать ее себе. Навсегда.

А как же Поль? Впрочем, что Поль? Он был богат, доволен жизнью, снова писал стихи, развлекался в компании Арагона, Бретона и еще черт знает кого, торговал недвижимостью. Их кровать из мореного дуба уже не стонала и не прогибалась с той силой, с какой случалось это в первые годы совместной жизни. Русская девочка могла продолжать быть в окружении Поля, но ее

могло бы здесь и не быть. Жизнь Элюара мало изменилась бы от этого. А вот Сальвадору она действительно была нужна… Как и он – ей.

Продав одну из своих картин, Дали снова приехал к Элюарам. Представляя Дали состоятельным знакомым, Гала демонстрировала им полотна каталонца, читала вслух его прозу, стихи.

– Почему ты не пользуешься ножом, когда ешь? Это же так удобно.

Русская девочка учила его хорошим манерам и смеялась, когда видела, какой животный страх выходец из Кадакеса испытывает при виде метро.

> *«Гала, которая раскрыла мне принципы удовольствия и научила меня реалиям. Она научила меня одеваться, спускаться по лестнице, не падая тридцать шесть раз, не терять денег, есть, не бросая на пол куриные кости, и различать наших врагов.»*

С брезгливым изумлением наблюдали за Дали друзья Поля, некогда переболевшие дадаизмом, а ныне обратившиеся в сюрреалистическую веру.

«Где вы нашли этого идиота? Он ведет себя, как дикарь. То шарахается от благ цивилизации, то беспричинно хохочет, как умалишенный». Мнение богемы о Сальвадоре менялось сразу же, как только они видели его творения. Талантливому человеку позволено все. Очень может быть, что он – гений, а значит, немного не в себе.

Позже сестра Сальвадора Анна Мария, явившаяся свидетельницей знакомства Дали с новыми друзьями, писала:

> *«Своими отравленными стрелами, все заранее обдумав, сюрреалисты хотели поразить вечные ценности: любовь, добро, семью, веру. Им было ненавистно все, что способно пробудить в душе нежность и одарить счастьем. Они посягнули на основы бытия. Но ты, Сальвадор… Я не могу поверить, что сердцем ты с ними. Когда-нибудь ты отряхнешь прах этих черных лет и из этой грязи вырастет новое дерево – новый росток твоей жизни. Не дай грязи похоронить себя. Ведь Небо, как и прежде, над нами. И к нему тянется все живое, всякая завязь – тянется и становится цветком, веткой, шумящим деревом. И солнце оберегает его, а грязь остается там, где ей и полагается быть, – внизу, – и уже не опасна.»*

Год в Париже минул, как сон. Год ее прощания со всем, что было и оставалось дорого, но уже не могло вдохновлять и удерживать. Поль не мог поверить в происходящее.

– Я хочу этого мальчика.

– Но послушай… Ты ведь и Макса хотела когда-то.

Зачем же ломать наши отношения, нашу многолетнюю любовь, нашу семью?

– Макс – другое. Ты знаешь это. Я хочу этого мальчика и больше никого и ничего.

– Он беден, как церковная мышь, – кричал Поль.

– Это не имеет для меня никакого значения.

К стеклу прильну лицом, как скорбный страж,
А подо мной внизу ночное небо,
А на мою ладонь легли равнины.
В недвижности двойного горизонта,
К стеклу прильнув лицом, как скорбный страж,
Ищу тебя за гранью ожиданья,
За гранью самого себя.
Я так тебя люблю, что я уже не знаю,
Кого из нас двоих здесь нет.

Обретенная свобода, проповедуемая дадаистами, совсем не радовала Поля. Он признавался друзьям, что теперь не может пройти мимо Сены без желания утопиться. А что же Сальвадор?

В 1930 году сон художника длинной в 25 лет стал явью. Дали обрел Гала. Русская девочка теперь принадлежит ему, вы слышите, господин Трайтер?

IX
Двадцать девять тысяч франков

Удаляясь от пристани, где осталось их прошлое, Гала и Сальвадор начинали свою историю с чистого листа. Ни беспечная Елена Дьяконова, до этого момента ведущая беззаботную жизнь, ни юноша из Кадакеса, только недавно выбравшийся из-под отцовского крыла, не задумывались о том, что ожидает их впереди. Подобно двум парусникам, вошли они в бескрайнюю акваторию и, подгоняемые ветром поплыли навстречу своему будущему.

Их общим домом стали две небольшие комнаты в одном из отелей Марселя. Гала не случайно выбрала этот город. Все здесь напоминало Дали родные берега. Тот же запах морепродуктов в воздухе, те же надрывные крики чаек, такое же беспощадно раскаленное солнце. В этом городе крепло их пробудившееся чувство. Глядя на то, как стекает по стенам древней базилики свет заходящего солнца, как засыпают суда в порту а белотелые известняковые фьорды контрастируют с прозрачно-синими водами залива, Гала пыталась не думать о не столь радужном завтра.

> *«Обычно мы заказывали обед в номер. Лишь изредка спускались в столовую, а на улицу носу не казали несколько месяцев. Это время запомнилось мне, так же как и Гала, как самое бурное и волнующее в нашей жизни. Во время этого добровольного „затворничества“ я познавал и впитывал любовь так фанатично, как и работал. Гала раскидывала карты, они сулили нам трудную дорогу. Я слепо верил всему, что она предсказывала мне, как будто это могло рассеять все, что угрожало моему счастью.»*

Когда через два месяца у влюбленных закончились деньги, они вынуждены были выехать из отеля и распрощаться с любезно приютившим их городом. Паре ничего не оставалось, как только вернуться в Испанию, что они и сделали.

В Кадакесе молодого художника никто не ждал.

– Б гостинице нет свободных номеров!

– Но как же… Я только что слышал…

– Дон Сальвадор, я вас умоляю. Я не хочу неприятностей. Вы же понимаете, если ваш отец узнает.

Перед Дали и его «ля мадам» закрывались двери местных отелей, друзья отказывали художнику в постое.

После продолжительных поисков, влюбленные поселились в продуваемом всеми ветрами, ветхом рыбацком домике, выкупленном у вдовы рыбака и затерявшемся в одной из бухт Порт-Льигата. Уже через месяц жизни в Испании Гала невозможно было узнать. Как были бы удивлены мадам Грендель и Поль, если бы увидели ее теперь. Девочка из России старательно драила полы, ловила и чистила морских ежей и рыбу, готовила еду, мыла и убирала посуду.

> *«Если я не заработаю денег, Гала опять придется творить чудеса из того немногого, что у нас еще остается. Никогда грязные уши, цыганская жизнь и засаленные простыни не вступали к нам на своих длинных лапах. Мы не знали жареной-пережареной картошки и унизительных визитов служащих с неоплаченными счетами за газ и электричество и безнадежными звонками у запасного входа пустой кухни. Никогда не сдавались мы бытовой прозе. Мы выкручивались благодаря чудесам стратегической ловкости Гала. Располагая небольшими средствами, мы питались скромно, но хорошо. Мы никуда не ходили. Гала сама шила себе платья, а я работал в сто раз больше, чем любой посредственный художник. Я полностью выкладывался, готовясь к новым выставкам и продавая работы редким товарищам. Гала иной раз упрекала меня, что я работаю за низкую плату, а я отвечал – удивительно, что есть еще товарищи, ведь я гений, а гениям предназначено умирать с голоду.»*

Чувствуя себя ответственной за «малыша» Дали, Галючка самозабвенно заботилась о любимом, не позволяя ему отвлекаться на быт и побуждая с утра до вечера заниматься творчеством.

По вечерам, когда в доме все сияло чистотой, она надевала лучшие свои платья и они с Сальвадором гуляли по побережью.

Много позже Дали писал: *«Наша бедность, отсутствие у нас денег были нашим секретом. Почти всегда у нас не было ни гроша, и мы жили в страхе нищеты. Тем не менее, мы знали, что не показывать этого – наша сила. (…) Мы могли умереть с голоду, и никто никогда не узнал бы об этом. „Genio y figura, hasta la sepulfura“, „с голоду помирай, а виду не подавай“ – вот каким был наш девиз. Мы были похожи на испанца, которому нечего есть, но, как только пробьет двенадцать, он идет домой и садится за*

пустой, без хлеба и вина, стол.»

Отмирало лето, солнечные лучи становились все короче и жизнь в лачуге без удобств, воды, тепла и света казалась все тягостнее, а порой, и вовсе невыносимой. При наступлении первых холодов, Гала не на шутку простудилась. Обострилась застарелая болезнь, начались боли в груди, за ними последовали приступы кашля.

«У Гала обнаружился плеврит. Я так тревожился, что впервые почувствовал, как огромную архитектуру моего эгоизма расшатывает подземное землетрясение. Неужели кончится моя любовь? Часами я придумывал забавы и маленькие подарки к выздоровлению Гала. Плеврит сделал ее такой хрупкой, что она стала похожа на принцесс, нарисованных Рафаэлем Кичнером, – казалось, они вот-вот умрут от слабости, надышавшись ароматом огромной гардении. Меня охватила жалость и при каждом движении Гала мне хотелось плакать. Эта нежность сопровождалась порой некоторой долей садизма. Я вскакивал, крича на нее: „Ты слишком красива“, и тут же осыпал ее поцелуями, сжимал в объятиях. Чем больше я чувствовал ее сопротивление моим слишком пылким объятиям, тем больше мне хотелось ее сжать. Мои порывы изнуряли ее, но это лишь разжигало меня. Наконец Гала заплакала. Тогда я исступленно набросился на нее, исцеловывал лицо, сосал нос, сжимал щеки, сплющивал ей нос, сосал губы, что вызывало у нее гримасу, и снова обнимал ее, прижимая ей уши к щекам. Я стискивал ее маленькое личико в безумном бешенстве, как будто месил кусок теста для хлеба. Желая ее утешить, я заставлял ее плакать.

Однажды вечером я заставил ее впервые выйти, и на какой-то машине мы поехали на Барселонскую международную выставку. С закрытыми глазами она поднималась по длиннющей лестнице. Я поддерживал ее за талию, но она была так слаба, что мы останавливались через каждые четыре-пять ступенек. Наконец мы оказались на какой-то террасе, откуда видна была вся выставка.

– Посмотри, – сказал я ей. Она открыла глаза и увидела удивительный мир. На первом плане выступали огромные фонтаны, которые рассыпались на невероятной высоте и постоянно меняли свои цвета и формы. Небо прорезали зигзаги фейерверка.

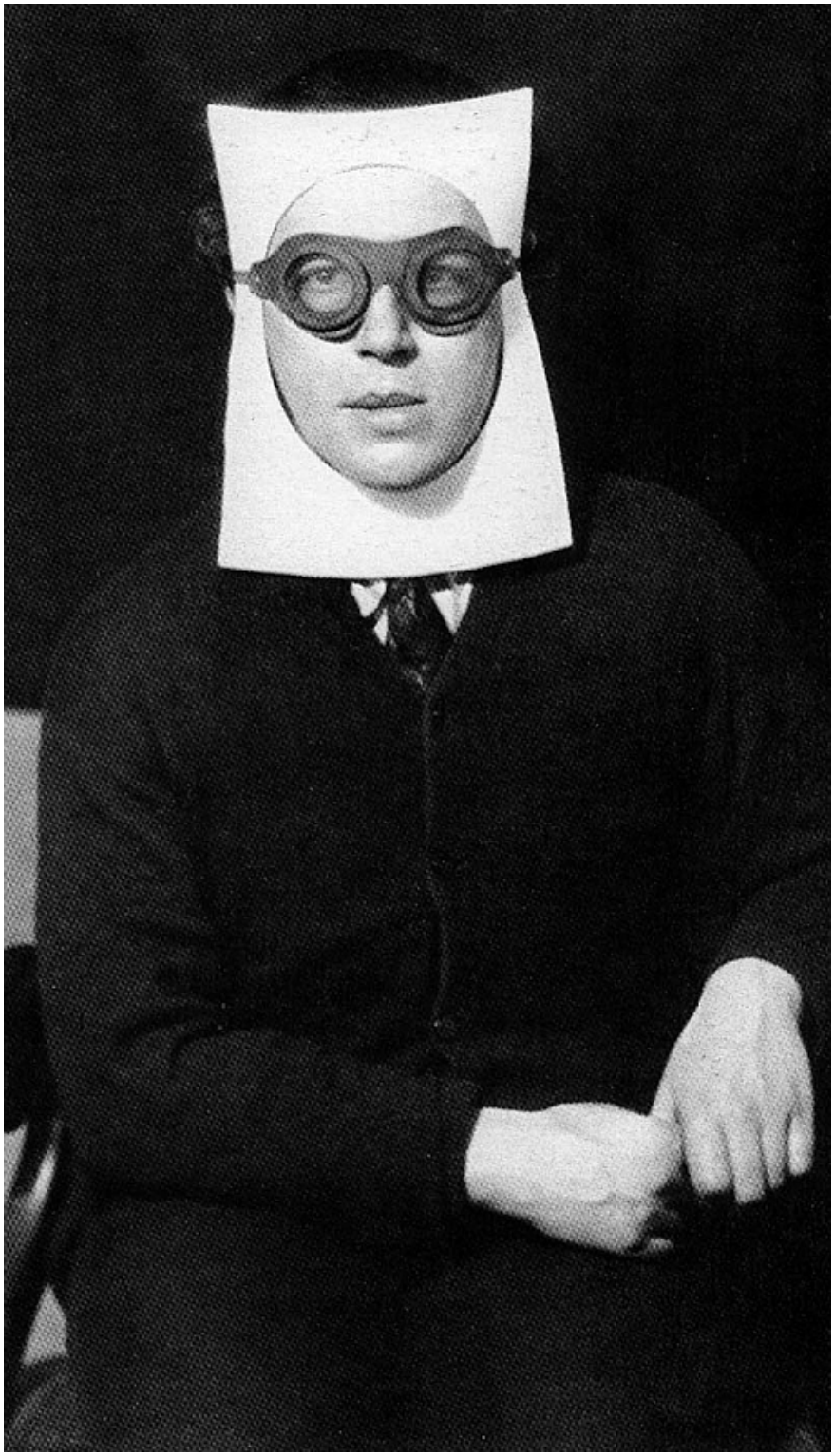
Ни один ребенок не удивлялся бы так, как Гала.»

Однажды потеряв мать, Сальвадор не мог позволить смерти забрать еще и Гала. Не имея ни монеты в кармане, Дали вывез жену в теплый климат Андалузии, расплатившись за аренду квартиры, в которой они поселились, одной из своих картин.

Письма Поля находили Гала всюду, где бы она ни оказывалась. Точно птицы, выпорхнувшие из опаленного вечерним светом парижского окна, узкие конверты летели в Марсель, Кадакес, Порт-Льигат, Андалузию. Поль не скрывал от жены свой роман с французской танцовщицей, помощницей иллюзиониста и натурщицей Нуш, с которой познакомился сразу после разрыва с супругой. Но, если Гала вернется… Если она только вернется, весь мир перестанет для него существовать.

> *«Мне остается только покончить с собой. Ничто для нас не начинается. Все существует в настоящем, все должно существовать для нас в настоящем, и в эту минуту я с тобой и в Клаваделе, в Бре, в Обонне и Арозе, точно так же как здесь – с тобой отсутствующей, с моей великой тоской по тебе. Если мне придется сочинять свое прошлое, настоящее, будущее, – я покончу с собой. Я не хочу этого, как не хочу вникать в чужую жизнь и любовные рассуждения других.»*

В одном из писем Гала в Андалузию Поль позвал ее обратно, в Париж. Он хотел начать все сначала. Подумав, жена ответила согласием. Через несколько месяцев, прибежав к поезду с охапкой цветов, поэт остолбенел. На перроне стояла его любимая девочка и держала за руку… Дали.



– Значит, ты уступил им свой дом? – желая удостовериться в том, что не ослышался, переспросил Бретон Элюара.

– Да.

– Ты окончательно свихнулся, друг мой, – заключил Андре. – Зачем тебе это? Если бы ты спал с ними… с ней…

– Кто тебе сказал, что я с ней не сплю?

– О! – Бретон оживился, в глазах его заплясали чертики. – Да что ты? Думаешь, она вернется к тебе?

– Уверен. Мы действительно занимались любовью пару раз, когда Сальвадор отлучался. Гала все еще любит меня.

Доброта и самонадеянность не позволяли Полю рассматривать никаких других вариантов, кроме любви. Для Гала же эти встречи были чем угодно: потворством внезапно одолевшей ее похоти, привычкой, жалостью, манипуляцией. Ей и Дали нужно было удержаться здесь, в этом доме, во что бы то ни стало. Их единственным желанием было обеспечить свою жизнь и благоустроить ставший общим дом в Порт-Льигате. На все это требовались деньги, много денег. Гала благоразумно решила, что легче и быстрее они добьются своей цели в Париже – столице искусства, где водятся не только художники, но и те, кто готов оплачивать их труд.

Обнадеживая Поля, Гала не собиралась возвращаться к бывшему мужу. Спустя годы, в одном из своих дневников Дали написал, что в то время он и Гала «вдвоем жили одной только мечтой».

> *«Целыми днями Гала пропадала у торговцев красками, антикваров и художников-реставраторов, скупая у них кисти, лак и все прочее, что понадобится мне в тот день, когда я, перестав, наконец обклеивать свои полотна лубочными картинками и бумажными обрывками, всерьез займусь настоящей живописью. Словно мать страдающему отсутствием аппетита ребенку, она терпеливо твердила:*
>
> *– Полюбуйся, малыш Дали, какую редкую штуку я достала. Ты только попробуй, это ведь жидкая амбра, и к тому же нежженая. Говорят, ей писал сам Вермеер».*

Тристан Тцара, Андре Бретон, Сальвадор Дали и Макс Эрнст среди друзей

Примкнув к обществу сюрреалистов, среди которых были Эрнст Макс, Поль Элюар, Андре Бретон, Сальвадор изо всех сил старался превзойти своих сотоварищей. Его «проникновение в себя» оказалось гораздо глубже и «отвратительнее», чем многие могли предполагать.

– Ты видел его последние работы? – кипятился Бретон, встречая Поля в дверях.

– Нет. Что-то интересное?

– Если я начну пересказывать подробности, тебя стошнит. Он мастерски владеет техникой, но содержание… Дали, случайно, не копрофаг?

– Ах, ты об этом, – Поль с наслаждением выдохнул облако сизого табачного дыма. – Не думаю… Гала рассказывала, что все его странности от фобий. Мальчик боится смерти, болезней, часто подвержен депрессиям. Отсюда то, что ты видишь.

– И все равно… Это слишком.

«Сюрреалисты проявили известную терпимость к моим скатологическим сюжетам. Зато, объявили вне

закона, наложив табу на многое другое (…) Изображать кровь мне разрешили. По желанию я даже мог добавить туда немного экскрементов, но на экскременты без добавок я уже права не имел. Мне было позволено показывать половые органы, но никаких анальных фантазмов. На любую задницу смотрели очень косо. К лесбиянкам они относились вполне доброжелательно. Но совершенно не терпели педерастов».

Полагая, что сюрреалисты должны превыше всего остального ставить освобождение человека от рационализма, не связывая себя моральными и эстетическими ограничениями, Сальвадор раздражался. Ему мешали свободно мыслить, творить, демонстрировать глубины своего подсознания, исцеляться от страхов и терзаний. К тому же, с каждым днем цензура Бретона и его товарищей, как казалось Дали, становилась всеобъемлющей.

«Мне надо было найти противоядие, поднять знамя против плодов духовного рабства и узости мышления. У меня появилась идея бросить против диких предметов декадентский предмет, цивилизованный европейский „стиль модерн.(…)Напрасно пытался я вдолбить сюрреалистам, что все эти скатологические детали могут лишь принести удачу всему нашему движению. Напрасно призывал я на помощь пищеварительную иконографию всех времен и народов – курицу, несущую золотые яйца, кишечные наваждения Данаи, испражняющегося золотом осла, – никто не хотел мне верить. Тогда я принял решение. Раз они не хотят г…, которое я столь щедро им предлагаю, – что ж, тем хуже для них, все эти золотые россыпи достанутся мне одному. Так что знаменитую анаграмму „Avida Dollars“, „Жажду долларов“, старательно подобранную Бретоном двадцать лет спустя, можно было бы с полным правом провидчески составить уже в то время“.»

Не вдохновленная созерцанием отображенных на полотне экскрементов, Гала морщилась, давая понять Дали, что он перестарался. Но она и ограждала «малыша» от разъедающих его нервную систему ненужных переживаний, напоминая, что общение с Полем и его друзьями необходимо им для дела. Если же говорить о внутреннем мире Дали, то…

«Гала предупредила меня, что залог моей силы состоит в том, чтобы держаться на равной дистанции

от всех без исключения художественных и литературных течений».

Регулярно наведываясь в музеи и встречаясь с галеристами, приглашая в гости состоятельных коллекционеров, наводя мосты с ценителями искусства и теми, кто считал себя таковыми, русская девочка без устали рекламировала творчество удивительного испанского художника-сюрреалиста Сальвадора Дали.

– «Приспособление и рука». Взгляните на этот эксперимент с геометрическими формами. А это полотно написано в кубистической манере, «Плоть на камнях».

Не понимая, что именно изображено на холстах, представленных мадам Элюар, гости не решались выказать свое невежество, восторгались и… приобретали картины. Дальше всех в своей любви к искусству и желании идти в ногу со временем зашел виконт Шарль де Ноайя.

– Мне нравится то, что делает этот испанец, – заявил Шарль, внимательно рассмотрев несколько полотен Сальвадора. – Но… ничего покупать из увиденного здесь я не стану.

Гала уже показалось, что небосвод над ней затянуло тучами, как вдруг выглянуло солнце: – Я предпочел бы, чтобы Дали написал картину специально для меня.

Через три дня любовники получили послание от Ноайи.

Письмо на твое имя, малыш, – радостно сообщила Гала, распечатывая розовый конверт с изображенной на нем la tour Eiffel. Потребовалось несколько секунд, чтобы у русской девочки надолго пропал дар речи. Когда же Галючка смогла заговорить вновь, Дали, вытирающий кисти, услышал радостный вопль.

В конверте лежал чек на двадцать девять тысяч франков.

X
Восхождение

Париж, Кадакес, Париж, Кадакес. Перед любой дорогой, любым путешествием Дали испытывал животный страх. Каждый раз он уверял свою Галючку, что это его последняя дорога, последнее путешествие, ведущие в небытие. Не позволяя депрессиям «малыша» затягиваться Галючка следила за тем, чтобы Сальвадор регулярно успокаивал нервы холодным душем. Она убедила Дали в том, что Испания хороша для того, чтобы вить здесь гнездо и наслаждаться жизнью, Франция им нужна для того, чтобы заниматься искусством, налаживать полезные связи, зарабатывать имя и деньги. Именно Гала настояла на том, что каждое лето они с Дали будут возвращаться на дорогую его сердцу родину, заниматься расширением и благоустройством дома, купаться, бродить по пляжу, но с наступлением холодов любовники будут уезжать в Париж.

«Нам хотелось, чтобы у нас было свободное пространство, куда можно было бы время от времени убегать. Этим свободным пространством стал Кадакес, где мы укрывались месяцами, оставляя позади Париж, кипящий, как горшок колдуньи. Перед тем, как уехать, я бросал в горшок несколько специй, чтобы они сварились за наше отсутствие, – необходимые группе сюрреалистов идеологические лозунги. Для педерастов я реанимировал классический романтизм паладинов. Для наркоманов я выдвигал теорию, полную образов гипнологии, и говорил о масках собственного изобретения, которые позволяют видеть цветные сны. Для светских людей я ввел в моду сентиментальные конфликты стендалевского типа или давал отражение запретного плода революции. Сюрреалистам я предлагал другой запретный плод: традицию.

Перед отъездом я готовил список моих последних визитов: утром кубист такой-то, монархист такой-то, коммунист такой-то; после обеда – избранные люди света; вечер для Гала и меня! К этим вечерам мы рвались всей душой, и в ресторане пары за соседними столиками были поражены тем, с какой нежностью мы беседуем, с каким трепетом влюбленных в разгар медового месяца. О чем мы говорили? Мы говорили о нашем уединении, о том,

что возвращаемся в Кадакес. Там мы увидим озаренную солнцем стену, что укроет нас от ветра, колодец, который напоит нас водой, каменную скамью, на которой мы отдохнем (…) и продолжим этот титанический труд, чтобы жить вдвоем, чтобы не было никого и ничего, кроме нас самих.»

Влюбленные уже не осознавали, что разучились отдыхать. Движение к цели, титанический труд продолжался и здесь, среди скал и утесов, в рыбацком домике, который стараниями Гала рос и с каждым днем становился просторнее. Комната четыре на четыре, в которой ютились Гала и Дали обросла «соседками», затем – вторым этажом и, в конце концов, превратилась в роскошный особняк. Благоустройству жизни влюбленных невольно поспособствовал и Поль Элюар, из чьей обители Гала вывозила не только книги и картины, но посуду и мебель, купленные когда-то на деньги поэта. Привязанность Сальвадора к дому в Кадакесе была столь же священна, как его любовь к божественной Галючке. Прогуливаясь вечером по набережной, Дали смотрел на стены дома, виднеющегося вдалеке и казавшегося художнику «кусочком сахара, запачканным желчью».

Это был дом его отца. Это туда, получив от дона Сальвадора Дали Кузи последнее оскорбительное письмо, художник отправил пробирку со своей спермой и записку: «Надеюсь, теперь я отдал все, что должен был тебе отдать»? Спустя годы, будучи уже пожилым человеком, Дали сожалел об этом дурацком поступке и признавался:

«В сущности, отец был для меня человеком, которым я не только более всего восхищался, но и которому более всего подражал – что, впрочем, не мешало мне причинять ему многочисленные страдания. Молю Господа приютить его в своем царствии небесном, где, уверен, он уже и пребывает, ибо три последних года его жизни были отмечены глубочайшим религиозным кризисом, принесшим ему в конце концов утешение и отпущение последних причастий.»

«Сальвадор написал, что кадакесский дом, хранящий память о нашем детстве и юности, издалека кажется ему белым сахарным кубиком, запачканным желчью. Наш дом и правда похож на сахарный кубик, но ведь, как это ни горько, желчью запачкал его сам Сальвадор, пусть даже по чужой воле», – писала сестра Дали.

В конце второй мировой войны Дали удалось снова побывать

в отчем доме:

> *«Я постучался в дверь.*
> *„– Кто там?*
> *– Это я.*
> *– Кто это?*
> *– Я, Сальвадор Дали, ваш сын“.*
> *Было два часа утра, и я стучал в дверь своего родного дома. Я обнял сестру, отца, теток. Они накормили меня супом из хамсы с томатом и оливковым маслом. Мне показалось, будто ничего не изменилось со времен революции».*

(Несмотря на боязнь путешествий, Дали мечтал увидеть Америку. Мечта эта впервые посетила художника, когда ему в руки попали номера журналов «New Yorker» и «Town and Gauntry». Он смотрел на репродукции и за спиной Сальвадора вырастали крылья.

> *«Это было уже навязчивой идеей. Я хотел съездить туда, повезти туда свои проекты, возложить хлеб на этот континент».*

Мечта Дали сбылась благодаря одной из почитательниц таланта художника, доброй приятельницы Ноайи. Это была его первая поездка в Америку и он, действительно, гулял по улицам Нью-Йорка с белым батоном в обнимку.)

Приезжая в Кадакес, влюбленные с еще большим рвением принимались за работу: он писал картины и изобретал, чем бы еще удивить капризную публику, она мыла, мела, выращивала овощи и фрукты, ловила рыбу, торговалась с крестьянами, покупая у них творог, молоко, мясо и сметану. Рядом с Дали Гала стала более сдержанной и молчаливой, чем была когда-то. Но все, кто встречал ее на улице, понимали: она – влюблена, счастлива, ее глаза излучают свет.

> *«Из моего хаоса Гала неустанно ткала полотно Пенелопы. Едва она раскладывала по местам документы и мои заметки, как я снова все приводил в беспорядок в поисках какой-либо совершенно не нужной мне вещицы, что было не более чем внезапным капризом. Почти всегда я оставлял лишнее в Париже по совету Гала, которая отлично знала, что именно понадобится мне для работы. Пока я не спал, не ложилась и она, наблюдая за тем, что я делаю еще более напряженно, чем я. Поэтому я нередко*

пускался на жульничество, извлекая удовольствие из драмы и желая видеть ее страдающей.»

Порой, Дали казалось, что еще немного и он сорвется. Лопнет терпение, откажут руки, ослепнут глаза, но…

«Я говорил себе: спокойно, продолжай свое. Вместо того, чтобы отступить на шаг, я делал пять шагов вперед, поддерживаемый Гала, такой же упрямой и несгибаемой, как я.»

Благосклонно прощая обиды женщине, которая по закону все еще оставалась его женой, Поль Элюар не уставал писать стихи и письма, каждый раз адресуя их ей, *«… похотливой и разнузданной, такой, к какой ты меня приучила».*

– Зачем она тебе нужна? – уговаривал убивающегося от тоски поэта друг Бретон. – Твою постель согревает Нуш – одна из самых красивых женщин в наших краях. Ман Рэй облизывается, глядя на ее формы, Пикассо мечтает писать ее портреты. Зачем тебе Гала?

– Я люблю свою жену 18 лет. Если бы не она, ты не знал бы меня, ты не знал бы Поля Элюара.

Андре Бретон, Сальвадор Дали, Рене Кревель и Поль Элюар, 1930 г.

1931, 1932, 1933, 1934 годы – плодотворное время для Дали. В Испании, в барселонской галерее «Каталония» впервые состоялась выставка сюрреалистических работ художника. В Нью-Йорке, в галерее Жюльена Леви были выставлены 3 картины Дали, что положило начало его огромному успеху в Америке. Сальвадор опубликовал в Париже свой кинопроект «Babaou» («Бабау»), дополнив сценарий кинематографическим обзором и очерком о Вильгельме Телле. Тогда же он приступил к работе над иллюстрациями к «Седовласому револьверу» Бретона и написал картины «Рождение текучих желаний», «Невидимая арфа, совершенная и посредственная», «Портрет виконтессы де Ноайя», «Неплоские яйца на плоской тарелке», создал 42 иллюстрации к «Песням Мальдорора» графа Лотреамона. В лондонской галерее Цвеммер прошла его первая персональная выставка в Англии (16 картин, 20 рисунков и 17 набросков.

Одной из самых известных, прославившихся во всем мире, не потерявшей своей актуальности и сегодня картин стала работа «Постоянство памяти», на которой художник изобразил «размягченные часы».

«– А почему они такие мягкие? – спросил кто-то из публики.

– Какая разница, мягкие или твердые? – ответил я. – Ведь главное, чтобы они показывали точное время.»

«Мне нужно было дивное изображение, но я его не находил. Я отправился выключить свет, а когда вышел, буквально „увидел“ решение: две пары мягких часов, одни жалобно свисают с ветки маслины. Несмотря на мигрень, я приготовил палитру и взялся за работу. Через два часа, когда Гала вернулась из кино, картина, которая должна была стать одной из самых знаменитых, была закончена. Я усадил Гала и закрыл ей глаза:

– Раз, два, три… Теперь можешь смотреть!

Я наблюдал за тем, как она разглядывает картину и как отражается на ее лице очаровательное удивление. Так я убедился, что изображение производит эффект, ибо Гала никогда не ошибается.

– Думаешь, через три года вспомнишь эту картину?

– Никто не сможет ее забыть, увидев только раз».

Кажется, в тот период во Франции не осталось ни одной газеты, которая не написала бы о многочисленных выставках художника. На этот раз рецензии были, как на подбор. Сальвадор Дали снова стал притчей на устах критиков, журналистов, публики. Его работы вызывали восхищение, скепсис,

раздражение, одним словом – интерес.

> *«В день успеха все крысы, все грязные цыганские уши, все розовые щеки легкой жизни были бы у наших ног. Строгость и самоограничение держали нас в постоянной форме, в то время как другие утопали в легкой жизни. Кокаин, героин, алкоголь и педерастия, повсюду кокаин, героин, пьянствография, опиум и педерастия стали средством достичь легкого успеха. Франкмасоны порока помогали друг другу с сентиментальной привязанностью из общего страха перед одиночеством. Наша сила, Гала и моя, была в том, чтобы жить чисто среди этой скученности – не курить, не колоться, не нюхать, не расстилаться – всегда одни и вместе, как это было в моем детстве и отрочестве.»*

Каждый раз, приезжая в Париж, Гала наносила визиты вежливости виконту Шарлю де Ноайя. Вдохновленный успехами Дали, на этот раз Шарль сделал гостье предложение, которого она, безусловно, ждала.

– Я хотел бы создать что-то вроде общества любителей искусства. Пусть это будет клуб под названием «Зодиак». В него войдут 12 близких мне людей. Мы станем поддерживать вашего протеже, общими усилиями выплачивая Дали две тысячи пятьсот франков в год. За это вы дадите нам возможность ежемесячно выбирать одну большую или одну маленькую картину и два рисунка из новых работ, которые нам понравятся.

Ноайя сдержал обещание. Помимо самого виконта в клуб «Зодиак» вошли Робер де Ротшильд, князь Поль Сербский, графиня Пекки-Блюнт и другие богатые особы. Любопытно, что двоих благодетелей Дали в «Зодиак» привел не кто иной, как… Поль Элюар. Гала виконт отвел почетную роль импресарио художника и познакомил со своей подругой и частой гостьей Коко Шанель. Знакомство это впоследствии переросло в крепкую дружбу. Благодаря модельеру у Галючки появился целый гардероб нарядов, достойных жены крупного художника, у Дали – мудрый, но… ревнивый советчик.

XI
Дали у моды в услуженье

Ревность Коко объяснялась тем, что Сальвадор дружил еще и с модным парижским модельером и дизайнером Эльзой Скиапарелли.

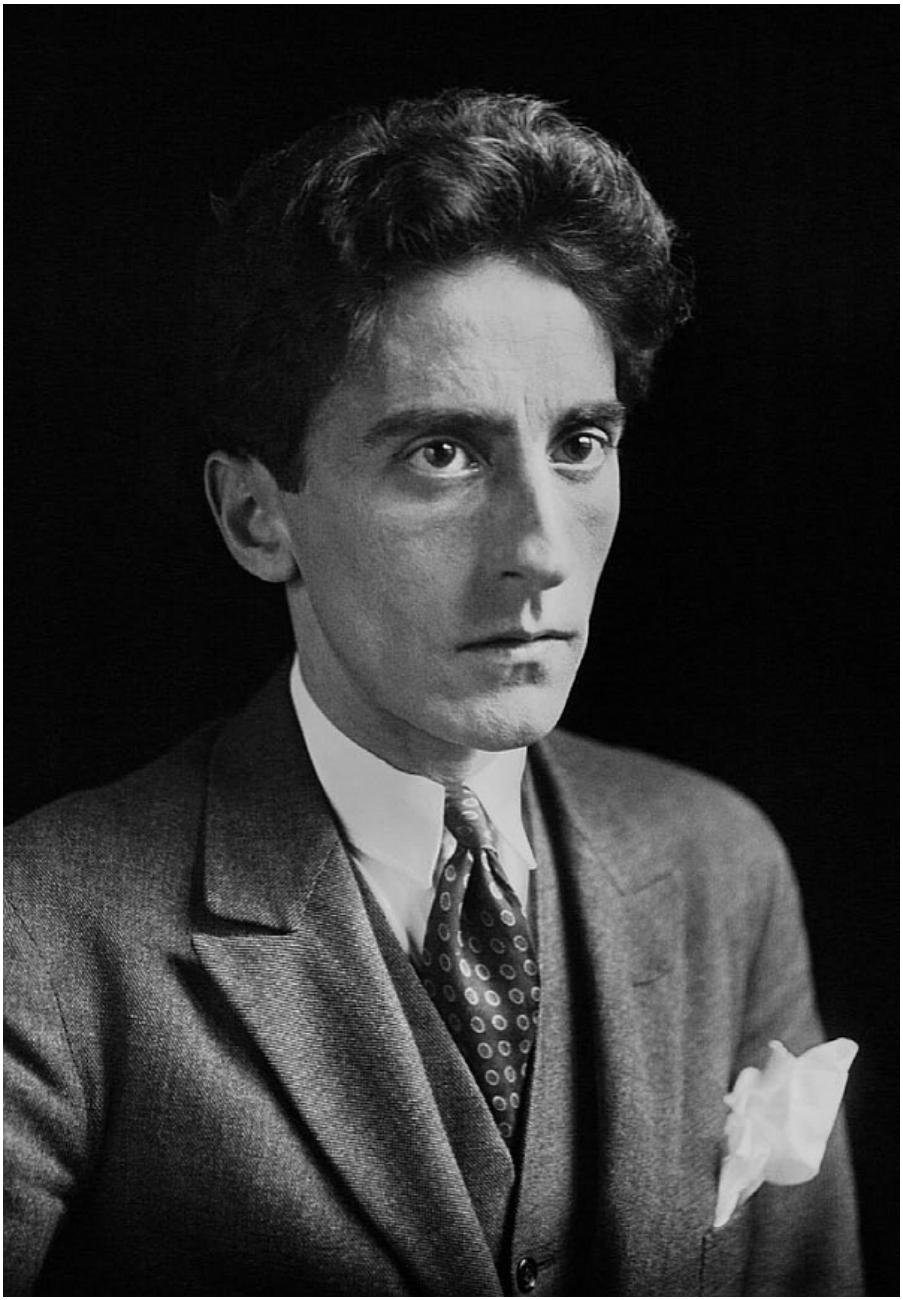
> *«Они вели между собой гражданскую войну из-за моды. Я завтракал с одной, потом пил чай с другой, а к вечеру снова ужинал с первой. Все это вызывало бурные сцены ревности. Я принадлежу к редкой породе людей, которые одновременно обитают в самых парадоксальнейших и наглухо отрезанных друг от друга мирах, входя и выходя из них когда заблагорассудится. Я поступал так из чистого снобизма, то есть подчиняясь какому-то неистовому влечению постоянно быть на виду в самых недоступных кругах.»*

Художник помнил, как один из приятелей Эльзы поведал ему о вечеринке, устроенной Коко Шанель. Среди приглашенных гостей была и Скиапарелли.

Одетая в черное бархатное платье Эльза села на заранее приготовленный хозяйкой, свежевыкрашенный белой краской стул.

Встречаясь на одной территории, Коко и Эльза превращались в шипящих, грациозно выгибающих спинки и готовых расцарапать друг другу физиономии кошек. Конкуренция этих двух, безусловно талантливых женщин, началась задолго до появления в их жизни Дали. «Одежда для Коко – профессия, для меня – искусство», – заявляла журналистам «макаронница-выскочка», как называла ее Шанель. Легкомысленная жеманница для окружающих, Эльза проживала непростую, полную драматизма жизнь. Скороспелый брак, раннее материнство, расставание с мужем – события развивались стремительно, как в кино. Мелькали кадры и, вдруг, пленка оборвалась. Всеми покинутая Скип сидела в пустом, холодном доме, держа в руках корзину, в которой спала ее новорожденная дочь. Не было денег, нечего было есть, не в чем было выйти в люди. Нужно было склеивать пленку, писать сценарий и продолжать историю своей жизни дальше. Ради того, чтобы достать молоко, мясо, фрукты и прокормить свою девочку, Эльза бралась за любую предложенную ей работу. Сама она недоедала и частенько падала в голодные

обмороки. В один, не предвещающий ничего необычного день, отправляясь на очередную встречу с работодателем и раздумывая, что надеть, девушка увидела у знакомой необычную, связанную вручную кофточку. Подобные кофточки вязала некая армянка, живущая в нескольких кварталах от дома Эльзы. Она-то и стала первой сотрудницей и помощницей будущего дизайнера. Скип отлично рисовала и придумывала новые модели. Воплощенные в жизнь, они улетали с прилавка за считанные дни. Своим трудолюбием и внимательным отношением к женщинам из разных социальных слоев, Скиапарелли добилась того, что ее продукцию с одинаковым удовольствием покупали консьержки, продавцы, представители аристократических семейств, знаменитости. Кетрин Хепберн, Марлен Дитрих, Мишель Морган, Мэй Уэст, Глория Свенсон и другие шли к «паршивой итальянке» за шиком. Из всех парижских кутюрье, Эльза первая распознала всю прелесть застежки-молнии. Работа с прославленным художником-сюрреалистом стала очередной блестящей идеей сообразительной Скиапарелли. Информация о том, что Дали работает с ненавистной ей Скип просто-таки взбесила Шанель. Коко рвала и метала.



Жан Кокто

«Эта паршивая итальяшка решила на тебе заработать, дорогой», – нашептывала Сальвадору Шанель. Но Дали уже не мог остановиться. Вместе с очаровательной, неунывающей

Скиапарелли и Жаном Кокто они создавали сюрреалистические костюмы, бижутерию, шляпки.

> *«Всю ночь видел творческие сны. В одном из них была разработана богатейшая коллекция модной одежды, модельеру там хватило бы идей по меньшей мере на семь сезонов, на одном этом я мог бы заработать целое состояние. Но я забыл свой сон, и эта забывчивость стоила мне утраты этого маленького сокровища. Я ограничился тем, что попытался лишь в общих чертах воспроизвести два платья для Гала на предстоящий сезон в Нью-Йорке.»*

– Ми-лый! – нежно ворковала Эльза, кокетливо хлопая накрашенными ресницами и нагнетая интригу. – Угадай, кто купил то сумасшедшее платье с твоим любимым омаром на юбке (не секрет, что Сальвадор Дали часто использовал в своем творчестве образ омара)? Сама герцогиня Виндзорская.

Скиапарелли восторженно хлопала в ладоши и… принималась трясти свою фантазию, как грушу. За несколько лет совместной работы трио Кокто, Скиапарелли, Дали придумали не один десяток авангардных нарядов, бижутерию из леденцов, огрызков карандашей и ластиков, перьев и таблеток.

– Ожерелье из аспирина!

– Платье-слеза! Платье с нарисованными ребрами, хребтом, костями таза! Вам уже страшно?

– Сумка-яблоко! Да! Еще перчатки с накладными ногтями.

– Кольцо-телефон! К нему такие же серьги!

Неожиданным коммерческим успехом у покупательниц пользовались шляпки разных форм и фасонов: шляпка-таблетка, шляпка-баранья котлета, шляпка-чернильница. Самой удивительной в этой коллекции стала шляпа, сделанная в форме туфельки, которую с удовольствием носила сама Скиапарелли, ее подруга и клиентка Дейзи Феллоуз – редактор франко-американского журнала «Harper's Bazaar» и… жена художника. Галючка единственная из женщин знала историю создания этой шляпки. Однажды, фотографируя свою любовницу, «малыш», шутя положил ей на голову домашнюю туфлю. Как оказалось впоследствии, эта шутка понравилась не только им двоим.

XII
Кровь на холсте

Под бетонным животом кружевного моста искрились воды Сены. Умытые дождем, благоухали белоснежно-розовые свечи каштанов. Поль поднял глаза к небу. Плыли, суетились, сталкиваясь друг с другом взбитые в пену облака. Исчезая, они напоминали Элюару время его жизни с русской девочкой. Он мысленно возвращался к прежним дням и собирал разбросанные по ступеням своей памяти обрывки фраз, музыку шагов…

«– Vous de la Russie?
– Oui, je suis de la Russie.
… можете звать меня Гала».
«Я люблю тебя бесконечно – это единственная правда»
«Тебе не нужна эта русская»

В 1932 году состоялся развод Эжена и Гала Грендель. Четырнадцатилетняя Сесиль осталась на попечении отца. Промчались годы и уже взрослая женщина, дочь Поля Элюара и Елены Дьяконовой рассказывала журналистам о мучительной жизни, проведенной в пансионе, об одиночестве и бабушке Жанне Грендель – единственном человеке, который заботился о ней. Будучи матерью «де юре», Елена Дьяконова прекрасно понимала, что давно не имеет отношения к этой девочке, воспитанной другой женщиной. Гала казалось бессмысленным разрушать устоявшийся мир бабушки и внучки. Кроме того, у Галючки уже был один ребенок – Дали. И все-таки расставание с Сесиль больно ударило по Дьяконовой. Не желая повторения этой боли, сразу же после развода с Полем, Галючка решилась на необратимую хирургическую контрацепцию (стерилизацию). По свидетельству Дали, его Елена Троянская сделала все, чтобы никому не показать свои переживания до и после запланированной операции. (Были ли они?) Сам Сальвадор признавался, что не понимал всю серьезность происходящего.

RE
24
MATIN

«Я оставил Гала в клинике и уехал. С аппетитом поужинав устрицами и жареным голубем, после трех кафе я попал домой, где продолжил начатое днем. Все это время мне не терпелось вернуться к работе. Я думал только о ней, хотя меня слегка удивляло собственное бесчувствие по отношению к жене и ее операции. Но как я ни силился, все же не чувствовал ни малейшего беспокойства. Как же так? Я утверждал, что обожаю Гала, и вместе с тем так равнодушен к ее страданиям (…) В два часа уснул тяжелым сном ангела. В шесть утра проснулся, но уже демоном. Самая страшная тревога пригвоздила меня к постели(…) Меня покрывал холодный пот, терзали угрызения совести. Начинался день. Неистовые крики птиц подняли и меня. Я бросился в клинику и в такой дикой тоске вцепился в белый халат хирурга, что ему пришлось уделить мне исключительное внимание. Неделю я проплакал не переставая и вне зависимости от обстоятельств, к общему удивлению группы сюрреалистов. Наконец, в воскресенье опасность миновала. Смерть почтительно попятилась. Галючка улыбается.»

Не желая тревожить и без того впечатлительного «малыша» темами, далекими от искусства, Гала никогда не упоминала о детях. Сальвадор ни о чем не спрашивал. Когда же назойливые журналисты интересовались, не хотят ли они с супругой заиметь потомство, Дали отвечал: «Дети никогда меня особенно не интересовали». Чем старше становился художник, тем витиеватее отвечал на набивший оскомину вопрос.

«Я спросила, почему у него и Гала не было детей», – вспоминала модель и певица Аманда Лир.

«– Гений не должен способствовать появлению на свет посредственных и прозаичных существ, в этом-то и заключается трагедия Пикассо. Вы видели его дочь? Нет? Было бы просто трагедией, если бы такие божественные создания, как мы с Гала, произвели на свет негениального ребенка. Мы оба ненавидим семью. Моя меня выгнала, Гала почти не видит свою дочь от Поля Элюара. Мы ничего не хотим иметь в этой жизни, кроме нас самих.»

Кто знает, что скрывалось за этими словами: искренняя позиция гения, мужчины или его нежелание сыпать соль на Галючкины и заодно на свои раны.

Не сдаваясь житейским неурядицам, Гала и Дали продолжали усиленно работать. В 30-е годы, действуя в согласии с традициями сюрреализма, художник занялся изготовлением… бесполезных вещиц.

> *«Я изобрел искусственные ногти с маленькими зеркальцами. В них наливают воду, в которой плавают рыбки. Кроме того, я создал: очки-калейдоскоп – их следует надевать в машине, если вокруг скучные пейзажи; дополнительные фальшивые груди, которые можно надевать на спину; ванну без ванны с искусственно подающейся водой, фотографические маски для современных репортеров; комбинированные макияжи, позволяющие стереть с лица все тени; туфли на пружинках для облегчения ходьбы; осязательное кино, которое посредством очень простого механизма позволяет трогать все, что видишь: ткани, меха, устрицы, мясо, сабли, собак и пр. Во второй половине дня Гала одержимо и преданно пускалась в крестовый поход с моими проектами под мышкой. Ее терпение превышало все границы человеческой выносливости. Она возвращалась вечером осунувшаяся, чуть живая от усталости, – и с теми же рулонами, плодами моего увлечения(…)*
>
> *– Раз не пошли искусственные ногти, может, попробуем осязательное кино, очки-калейдоскоп или аэродинамические автомобили? Гала наспех обедала и отправлялась на автобусе в новый крестовый поход. Но перед этим крепко целовала меня в губы и говорила „Мужайся!“»*

«Абсурдные и нелепые» изобретения Дали стали пользоваться большим спросом и не только в Испании и Франции, но и в Италии, в Америке. Постепенно в моду вошли творчество и манера поведения, пропагандируемая «малышом». Получая газеты и журналы, художник не без удовольствия находил в текстах упоминание о себе.

> *«Сегодня я видел на витрине удивительную вещь, – писал журналист. – Напоминает то, что делает Сальвадор», «Мне хотелось бы приобрести что-нибудь в стиле Дали».*

Достижения «ненормального» испанца раздражали и злили менее успешных, нежели Дали, сюрреалистов. Больше всех негодовал Бретон. Еще недавно в одном из своих манифестов Андре писал о единстве целей сюрреализма и коммунизма. Дали подписался под его сочинением. Теперь же этот молодой наглец тешил своим лжеискусством буржуа. Зачем рабочему классу идиотские ногти и весь тот хлам, над которым чахнет этот горе-художник?

> *«Мы не только стояли особняком от художников Монпарнаса, но равно отмежевались от коммунистов, сумасшедших, буржуа. Мы стояли в стороне, чтобы сохранить и отстоять наш разум», – вспоминал великий мистификатор.*

– Ты думаешь не об обществе, не о тех, кто будет приходить на твои выставки, тебе глубоко плевать на наши принципы и концепции. Ты думаешь только о себе, – кричал Бретон, брызжа слюной. Дали не спорил.

> *Бретона можно называть кем угодно, но прежде всего это человек порядочный и негибкий, как Андреевский крест. И за любыми кулисами, а особенно за кулисами конгресса, он весьма скоро становится самой обременительной и неуживчивой фигурой из всех попавших туда «посторонних тел». Он не умеет ни неслышно скользить, ни прижиматься к стенкам.*

Встречая расстроенного «малыша», Гала вспоминала о Поле и умоляла бывшего мужа уладить вспыхнувший между ее мальчиком и Бретоном конфликт. Добросердечному Элюару, не способному отказать бывшей жене удавалось выполнять ее просьбы до тех пор, пока темой сочинений и творчества Дали не стала… любовь к фашизму.

> *«Тем временем Гитлер на глазах становился все более гитлеровским, и однажды я написал картину, где нацистская нянька преспокойно вязала на спицах, невзначай усевшись в огромную лужу. Идя навстречу настоятельным просьбам некоторых своих ближайших сюрреалистических друзей, я вынужден был вымарать с ее рукава повязку с изображением свастики. Вот уж никогда бы не подумал, что этот знак способен вызывать такие сильные эмоции. Лично я был им настолько заворожен, что буквально бредил Гитлером, который почему-то*

постоянно являлся мне в образе женщины. Многие полотна, написанные мною в тот период, были уничтожены во время оккупации Франции немецкими войсками. Я был совершенно зачарован мягкой, пухлой спиной Гитлера, которую так ладно облегал неизменный тугой мундир. Всякий раз, когда я начинал рисовать кожаную портупею, которая шла от ремня и, словно бретелька, обнимала противоположное плечо, мягкая податливость проступавшей под военным кителем гитлеровской плоти приводила меня в настоящий экстаз, вызывая вкусовые ощущения чего-то молочного, питательного, вагнеровского и заставляя сердце бешено колотиться от редкостного возбуждения, которое я не испытываю даже в минуты любовной близости. Пухлое тело Гитлера, которое представлялось мне божественнейшей женской плотью, обтянутой безукоризненно белоснежной кожей, оказывало на меня какое-то гипнотическое действие».

– Ты читал это? – метал гром и молнии Бретон, обращаясь к Полю Элюару. – «… гитлеровская плоть приводила меня в настоящий экстаз». Он не в себе! Он настоящий извращенец. Ему не место среди нас.

«Напрасно я повторял, что это черный юмор», – писал в своих воспоминаниях Дали. После окончательного разрыва с сюрреалистами, дабы подразнить Бретона, Сальвадор заявил: *«Сюрреализм – это я!»* – и добавил – *«Андре Бретон просто не хочет простить мне, что я остаюсь последним и единственным сюрреалистом».*

Сальвадор и Гала Дали, Поль Элюар и Мария Бенц

Что бы ни случалось в жизни «малыша», его Галючка по-прежнему оставалась рядом с ним. В 1934 году, через два года после развода с Эженом Гренделем, в Париже, в консульстве Испании был зарегистрирован брак между Сальвадором Дали и его Еленой Троянской.

Мария Бенц

Узнав о случившемся, в том же году женился и Поль Элюар. Поэт выбрал в жены все ту же танцовщицу Марию Бенц, известную в творческих кругах, как Нуш, с которой 4 года состоял в любовной связи. Свое вступление в брак Поль объяснил так:

> *«Если через какое-то время мне захочется покинуть Нуш, у меня, женатого, будет меньше угрызений совести потому, что тогда мне будет легче уладить ее материальное положение».*

Женитьба не утолила сердечной боли и тоски Эжена по Гала. Он все так же продолжал писать ей длинные письма, признаваясь в любви и выражая надежду, что его девочка одумается и вернется в их общий дом. Поль никак не хотел смириться с тем что каждый сантиметр, каждый изгиб ее тела теперь принадлежал другому. Она – существо с тысячью лиц: мать, жена, любовница, натурщица. С первой минуты их знакомства, с того момента, как он увидел ее на пляже в Кадакесе, Дали жаждал запечатлеть эту женщину на холсте. В образе Гала, который казался другим неприметным, некрасивым и даже уродливым, Дали обнаружил

идеальные, по его мнению, пропорции: маленькую грудь, стройную талию, округлые плечи, крутые бедра, соблазнительные ягодицы.

> *«А ведь, в сущности, я по-настоящему научился владеть кистью только благодаря страху прикоснуться к лицу Галы! Писать надо на лету, прямо не сходя с места, дожидаясь, пока в четко очерченных ромбовидных промежутках смешаются спорящие между собой тона, и накладывая краску на светлые места, дабы умерить их белизну.*
>
> *Мне нужно набраться смелости и еще больше полюбить целиком все лицо Галы.»*

При всей любви к жене, Сальвадор не старался приукрасить ее. Напротив, добиваясь нужного освещения, нахлобучивая на голову своей Галатеи нелепые головные уборы, водружая на любимую омаров, художник беспощадно уродовал свою Галючку. Уродуя, не видел ни тени сомнения или стеснения в ее маленьких, птичьих глазах. Только уверенность, твердость, любовь к жизни и к нему. «Галарина», «Мадонна Порт-Льигата», «Портрет с омаром», «Атомная Леда» – эти и другие картины, выполненные Дали в сотворчестве с женой, со временем стали вожделенной мечтой многих коллекционеров мира. «Удивительно, но от запечатленной на полотне Гала невозможно оторвать глаз, – разводили руками критики. – Женщина смотрит на вас, как живая».

> *«… я наконец раскрыл тайну цвета глаз Гала, они у нее подводно-ореховые. Этот цвет, так же как и цвет морских олив, весь день не давал мне покоя. И все это время меня не покидало желание получше вглядеться в эти глаза, ведь отныне это не только глаза Градивы, Галарины, Леды и Галы Безмятежной, но, что весьма примечательно, им предстоит украсить в будущем голову величиною в квадратный метр на задуманном мною полотне под названием „Септембренель“.»*

Сальвадор писал картины не только на холсте, но и на теле прекрасной своей Елены, и на ее лбу, на груди.

– Сегодня ты будешь медузой, – шептал «малыш», расписывая Гала. Измученная многочисленными поездками, связанными с делами мужа, утомленная хозяйственной работой, с затекшей спиной и шеей, Гала беспрекословно обмирала перед Дали по первому же его требованию. Он работал часами, а увлекаясь не

замечал ее усталости. Только когда его девочка стала терять сознание, Сальвадор не на шутку испугался. «Я пишу твоей кровью», – произнес он однажды и… начал подписывать свои картины «Гала-Сальвадор Дали».

XIII
Предчувствие

В 1936 году чета Дали во второй раз отправилась покорять Америку. Великий мистификатор мог гордиться собой.

> *«Мое второе путешествие в Америку можно было бы назвать официальным началом „славы“. Все картины были распроданы в день выставки.»*

Сальвадор Дали и Ман Рей

Фотографии Сальвадора, сделанные одним из самых модных и талантливых фотографов и художников того времени Маном Рэйем красовались на обложках американских глянцевых журналов и газеты «Time Magazine».

> *«Я был очень расстроен, поскольку думал, что речь идет о малотиражной газете. Лишь потом я понял чрезвычайную важность этого издания, которым зачитывается вся Америка. В одно мгновение я стал знаменит. Меня останавливали на улице и просили дать автограф. Хлынул поток писем из самых отдаленных*

уголков Америки: ко мне обращались с самыми экстравагантными предложениями.»

Ничуть не меньше самого Дали, вызывала интерес у окружающих его некрасивая, старая жена, появляющаяся вместе с художником на вернисажах, выставках, банкетах. Попавшую под прицел многочисленных фотокамер пару неустанно обсуждали во всем мире. Вот как охарактеризовала чету Дали писатель и журналист, биограф Гала Доминик Бона:

«Они представляли странную пару и, казалось, мало подходили друг к другу. У него – эксцентричная наружность, она – сдержанная и строгая. Когда Дали выходит в свет, он старается выглядеть как денди в котелке, с тростью с позолоченным набалдашником и с перстнями. Сальвадор даже отпускает усы, заставляющие обращать на него внимание. Он принимает стиль странный и вызывающий одновременно. Гала сопровождает мужа в безукоризненном классическом костюме от Шанель и настолько скупа на эффекты, слова и улыбку, насколько Сальвадор всем этим злоупотребляет. На первый взгляд, они являют противоположность друг другу: Сальвадор напыщенный – Гала скромна; он роскошный, щедрый, заметный – она неброская, скупая на саморекламу и никогда не стремится выделиться. Если бы Дали не относился к ней столь благоговейно, как к королеве, имеющей над ним беспредельную власть, можно было бы подумать, что Гала служит ему. Она покорно сопровождает Дали и, кажется, не обсуждает никаких его планов. Она всегда согласна с тем, что он изобретает и придумывает, со всеми его решениями и капризами. Она приноравливается, никогда не сердится, умеет благодаря ежедневному влиянию ловко сориентировать его стремления, предотвращая те, что могут иметь нежелательные последствия. В повседневной жизни Гала руководит Дали довольно энергично, даже авторитарно. Гала не завидует и не критикует знаменитую личность, с которой делит существование. Взяв на себя миссию создать для Дали покой и комфорт, соответствующие его мечтам, Гала с самого начала отвела себе неблагодарную роль служанки и организатора. Он мозг, он творец, – она обеспечивает безопасность гения».

Не только безопасность, но и безбедную жизнь обеспечивала

Дали его верная Галючка. Многие состоятельные люди считали в те дни за честь стать покровителями именитого творца. При желании достаточно было только забросить удочку и поймать крупную «рыбу». Что и делала расторопная Гала. Благодаря жене, Дали познакомился с английским коллекционером Эдвардом Джеймсом, который несколько лет подряд оказывал художнику солидную материальную поддержку. Теперь у них были деньги и можно было немного расслабиться. В своем дневнике Дали представлял себя благодарным мужем, любовником и чадом:

> *«… Я наводил глянец на Гала, стремясь сделать все, что в моих силах, чтобы она засверкала от счастья, лелея ее даже пуще самого себя – ведь без нее пришел бы конец всему. Деньги дали нам все, что только можно пожелать».*

Сальвадор Дали. Фото Мана Рейя

В 1938 году Сальвадор Дали проиллюстрировал сборник стихотворений бывшего мужа своей жены Поля Элюара «La vie immediate».

В этом же году, в одном из журналов Дали с удивлением и восторгом прочитал опубликованное письмо доктора Фрейда:

> *«До сегодняшнего дня я был склонен считать сюрреалистов, которые избрали меня своим патроном-покровителем, совершенно сумасшедшими, поскольку 95 процентов из них злоупотребляют алкоголем… Этот молодой испанец, с фанатичным выражением честных глаз, обладающий несомненным мастерством, заставил меня изменить мнение. Безусловно, было бы очень интересно проанализировать истоки подобного рода живописи. И все же, выступая в роли критика, должен сказать, что понятие искусства не может переходить черту, где соотношение между бессознательным материалом и сознательной работой над темой выходит за допустимые пределы».*

Сальвадор прекрасно помнил и впоследствии описал в одной из своих книг состоявшуюся встречу с кумиром юности, где он Дали, должно быть, выглядел полным идиотом:

> *«Фрейд ничего не знал обо мне – только живопись, которая его восхищала. Я казался ему разновидностью „интеллектуального“ денди. Позже я узнал, что произвел на него при встрече совершенно противоположное впечатление. Собираясь уходить, я хотел оставить ему журнал со своей статьей о паранойе. Раскрыв журнал на странице, где было напечатано мое исследование, я попросил его прочитать, если у него найдется для этого время, фрейд продолжал внимательно смотреть на меня, не обращая ни малейшего внимания на то, что я ему показывал. Я объяснил ему, что эта не причуда сюрреалиста, а статья, претендующая на подлинную научность. Несколько раз повторил ему название и пальцем подчеркнул его на странице. Он был невозмутим и равнодушен – мой голос от этого становился все громче, пронзительней, настойчивей. Тогда Фрейд, продолжая изучать меня, поскольку стремился при этом уловить мою психологическую сущность, воскликнул, обращаясь к Стефану Цвейгу: „Сроду не видывал такого – настоящий испанец? Ну и фанатик!“»*

Сальвадор Дали. Фото Мана Рейя

Находясь в Америке «малыш» Сальвадор начал писать новую картину. Центральную часть полотна занимала странная конструкция из рук и ног. На земле лежали рассыпанные бобы. Художник назвал эту работу «Мягкая конструкция с вареными бобами или Предчувствие гражданской войны». Предчувствие Дали оказалось пророческим.

«Первое известие о гражданской войне застало меня в Лондоне на ужине в Савойе.»

XIV
С войной на разных баррикадах

«Движимый мелочным чувством мести, Бретон составил из букв того дивного имени, которое я ношу, анаграмму „Avida Dollars“, „Жаждущий долларов“, или „Деньголюб“. Вряд ли, пожалуй, это можно считать крупной творческой удачей большого поэта, хотя, должен признаться, эти слова достаточно точно отражали ближайшие честолюбивые планы того периода моей биографии.»

В начале Второй мировой войны, в 1939 году в послании, адресованном Полю Элюару Андре Бретон писал: *«Я оказался прав, мой друг. Нынешний муж твоей бывшей жены самый настоящий Avida Dollars. Золотой телец забрал у Дали совесть. В то время, как его друзья проливают кровь в бою, Сальвадор, как ни в чем не бывало разъезжает по Америке в кадиллаке. Этого испанца, действительно ничего не интересует, кроме его собственного благополучия».*

Справедливости ради надо заметить, что и самого Бретона вполне устраивала сытая жизнь в США и он совсем не торопился пополнить список добровольцев, отправляющихся на фронт. Иначе складывалась судьба Поля Элюара, вести о котором Гала получала из его редких писем и писем их общих друзей, оставшихся в Париже. Переживший первую мировую войну в качестве санитара, и на этот раз Поль отказался покидать родину и примкнул к подпольной организации, состоявшей из борцов с оккупировавшими Францию нацистами.

Друг Поля Элюара, военный корреспондент, публицист и поэт Илья Эренбург вспоминал: *«Элюар был очень скромным. Один из участников Сопротивления в 1946 году рассказал мне, что однажды к нему пришел высокий человек, сказал пароль и дал пакет с листовками. День был холодный, он предложил пришедшему посидеть возле печурки. „Вдруг я понял, что видел это лицо в довоенном журнале. Я робко спросил: „Вы поэт?“ – „Да“. Это был Элюар. Я не мог удержаться: „Вы не должны зря рисковать… Мог бы принести другой“. Он удивился: „Почему „другой“? Все мы рискуем. А товарищи устали, набегались за день…“ Ив Фаржа ездил с Элюаром в партизанский район Греции летом 1949 года – за несколько месяцев до конца Сопротивления. Шли жестокие бои: люди уже защищали не гору Граммос, а*

человеческое достоинство. Я записал слова Фаржа: „Он, кажется, никогда не думал о том, что он большой поэт. Может быть, потому другие не могли об этом забыть“.

Тлела земля, замертво падали люди, сраженные вражескими пулями. Второй раз в своей жизни Грендель погружался в ад. Чтобы как-то поддержать боевой дух товарищей, в свободные минуты Поль делал то, что умел лучше всего – писал стихи. Сочиненный Элюаром, а после размноженный текст под названием «Liberte» распространяли пилоты английских самолетов, рассеивая листовки над Францией.

На школьных своих тетрадках
И на древесной коре,
На зыбких холмах песчаных
Я имя твое пишу.
На всех страницах прочтенных,
На всех страницах пустых,
На крови, камне и пепле
Я имя твое пишу.
[…]
На брошенных укрепленьях,
На сломанных фонарях,
На стенах тоски вседневной
Я имя твое пишу.
На гибели без возраста,
На голом сиротстве своем,
На шествиях погребальных
Я имя твое пишу.
[…]
Могуществом этого слова
Я возвращаюсь к жизни,
Рожденный дружить с тобою,
Рожденный тебя назвать Свобода!

«Лучшее, что вы можете сейчас сделать – оставаться в Америке, – писал Поль Гала и Дали. – *Париж бедствует. Дома не отапливаются – нет угля. Люди мерзнут, болеют. Перебои с едой. На все, даже на сигареты, введены талоны. О мясе и каштанах никто уже не мечтает. Рады обычным галетам».*

Желая хоть как-то помочь Полю, Галючка собирала посылки и отправляла их в Париж. Кофе, чай, сухое молоко, колбасы, сыры, банки с жирными блестящими маслинами были настоящим

богатством для оголодавших Поля, Нуш, Сесиль и мадам Грендель.

Хлебнув лишений, пережив две страшные войны, Поль Элюар до конца жизни оставался коммунистом и был верен своим идеалам. Великий мистификатор посмеивался над поэтом. 21 мая 1953 года Сальвадор Дали записал в своем дневнике:

> *«Элюар: столько метаться, чтобы остаться таким правоверным».*

Непросто пришлось во время Второй мировой войны и бывшему любовнику Элюаров Максу Эрнсту.

«Макс был арестован, как подданный страны противника, – писала Гала приятельница. – *Их с любовницей отправили в дом предварительного заключения, а после разлучили, этапировав Эрнста в лагерь для интернированных».* Только после окончания войны Гала случайно узнала, что Макс был освобожден из лагеря благодаря министру внутренних дел Франции Альберу Сарро, которого привлек… Поль Элюар.

Сальвадор Дали и Федерико Гарсия Лорка

Получал вести из Испании и Дали. Глядя на мужа, застывшего с конвертом в руках и уткнувшегося носом в стену, Гала поняла, что случилось что-то непоправимое.

– Лорка убит, – глухо сообщил жене художник.

Лорка, друг его бесшабашной юности. Сын богатого папеньки, гомосексуалист. Последнее обстоятельство так раздражало родителей Сальвадора Дали, что они запретили сыну общаться с этим мальчишкой. Но общение не прекратилось. Не добившись взаимности от Сальвадора, молодой человек начал ухаживать за его сестрой. Вместе они проводили музыкальные вечера. Федерико великолепно играл на рояле, отлично владел гитарой, любил декламировать под музыку. А еще… этот парень носил в кармане марионетку-другую и постоянно разыгрывал дурацкие сценки для покатывающихся со смеху друзей. Обучаясь в Мадридской школе живописи, Сальвадор с Бунюэлем и Лоркой жили в одном общежитии. Дали помнил, каким мнительным и ранительным был их приятель.

> *«По меньшей мере пять раз на день поминал Лорка о своей смерти. Ночами он не мог заснуть, если мы все вместе не шли его „укладывать“. Но и в постели он все равно умудрялся до бесконечности продолжать самые возвышенные, исполненные духовности поэтические беседы(…) И почти всегда кончались они разговорами о смерти, и прежде всего – о его собственной смерти.»*

И действительно, в одном из своих произведений «История и круговорот трех друзей» поэт-авангардист Федерико Гарсиа Лорка предсказал гражданскую войну, собственную гибель и неизвестность места своего захоронения.

Но хрустнули обломками жемчужин
Скорлупки чистой формы. И я понял,
Что я приговорен и безоружен.
Обшарили все церкви,
Все кладбища и клубы.
Искали в бочках, рыскали в подвале,
Разбили три скелета,
Чтоб выковырять золотые зубы.
Меня не отыскали.
Не отыскали?
Нет. Не отыскали.

В 1936 году друг Сальвадора Дали был схвачен франкистами и расстрелян в масличной роще недалеко от Гранады. Даже по окончании войны останки поэта не были найдены.

> *«Федерико страшно боялся физических страданий и смерти. Представляю, что он испытывал ночью в грузовике, увозившем его в оливковую рощу, где его убили… – писал Луис Бунюэль – Я часто думаю об этой минуте.»*

После случившегося многие приятели осудили Дали. Художник не шел воевать, не выступал с гневными речами в газетах. Все, что мир услышал от Дали о войне это слова:

> «Политика меня никогда не интересовала. Я считаю ее анекдотичной и жалкой».

> *«… Я узнал, что анархисты расстреляли человек тридцать моих друзей и среди них трех рыбаков из Порт-Льигата. Должен ли я возвращаться в Испанию, чтобы меня постигла та же участь? Чтобы выстоять, выиграть время, надо было стать сильнее, чем когда бы то ни было, заиметь золото, делать деньги, побольше и побыстрей – чтобы сохранить форму. Деньги и здоровье! Я совершенно перестал пить и стал холить себя, доходя в этом порой до какой-то исступленной одержимости».*

Прошло 9 лет и осуждение Дали переросло в лютую ненависть.

Причину этой ненависти объяснял в письмах Полю Элюару Андре Бретон.

> *«Насколько мне известно, Дали связался с ярым нацистом и антисемитом Уолтом Диснеем. Они стоят друг друга. Помнишь сочинения этого чокнутого о пристрастии к „гитлеровской плоти“? Старик Уолт не лучше… Сразу после Хрустальной ночи, Дисней пригласил на студию Лени Рифеншталь и провел для нее экскурсию. Не так давно он отказался делать фильм, критикующий действия нацистов. Он, видите ли, не хочет терять германский рынок сбыта. Теперь они вместе работают: Уолт и Дали.»*

XV
Дали, Голливуд, Бунюэль

Бретон не врал. Сальвадор Дали и правда «связался» с Уолтом Диснеем, которого по понятным только одному Сальвадору причинам, испанец считал таким же сюрреалистом, как и он сам.

> *«Я приехал в Голливуд и близко познакомился с великими американскими сюрреалистами: братьями Маркс, Сесилем де Мишелем и Уолтом Диснеем.»*

Луис Бунюэль среди друзей

Желание Дали работать в киноиндустрии не было случайным. Первый опыт работы над кинокартинами случился у Сальвадора еще в 1929 году, когда вместе со своим университетским товарищем, режиссером Луисом Бунюэлем они приступили к работе над фильмом «Андалузский пес». Проект его

зародился в одном из французских ресторанов, обедая в котором, приятели обменялись впечатлениями от увиденных снов. Во сне Бунюэля «облако рассекало луну с той же легкостью, с какой бритва может рассечь глазное яблоко», во сне Дали из отрезанной руки выползали муравьи.

> *«У нас не возникло ни одного спора, – вспоминал Луис Бунюэль – Неделя безупречного взаимопонимания. Один, скажем, говорил: „Человек тащит контрабас“. „Нет“, – возражал другой. И возражение тотчас же принималось как вполне обоснованное. Зато когда предложение одного нравилось другому, оно казалось нам великолепным, бесспорным и немедленно вносилось в сценарий. Закончив сценарий, я понял, что это будет совершенно необычный, шокирующий фильм. Ни одна компания не согласилась бы финансировать постановку такой ленты*».

Возможно, именно поэтому работу Дали и сына оплатила мама Бунюэля. Как признавался в своей книге режиссер, мама дала даже больше денег, чем того требовалось, поэтому половину средств молодые люди с легкой душой прокутили в кабаках.

Первый показ сюрреалистического фильма состоялся в одном из кинотеатров Парижа в 1930 году. Отправляясь на премьеру, киноделы набили карманы своих брюк камнями, поскольку были уверены, что им придется отбиваться от разгневанных зрителей. Однако, к огромному удивлению создателей кинокартины, большая часть публики отнеслась к увиденному без негатива. Ко второму фильму «Золотой век», снятому в 1930 году Дали, по словам Бунюэля, отнесся спустя рукава. Сальвадор попросту не являлся на съемки и Бунюэль обвинил в этом Гала.

> *Тут мы в течение двух или трех дней писали сценарий. Но удовольствие, которое мы испытывали, работая над «Андалузским псом», исчезло, – вспоминал Луис – Мы не находили общего языка. Возможно, это было влияние Гали? Каждый из нас отвергал предложение другого.*

На взаимных упреках совместная работа друзей закончилась.

> *«Наконец Бунюэль закончил фильм и я почувствовал разочарование потому, что он не принял во внимание мои предложения и представил мои идеи в карикатурном виде», – писал не скрывая досады Дали.*

Не пришелся по душе «Золотой век» и публике. Демонстрация фильма, которая состоялась в одном из клубов Парижа, вызвала недовольство правого крыла Лиги патриотов. Фильм охарактеризовали, как «большевистский» и в знак протеста изуродовали выставленные в фойе кинотеатра работы Эрнста, Дали, Рейя и т. д Общие друзья Сальвадора и Луиса поговаривали, что художник всегда завидовал режиссеру. Дали утверждал обратное:

> *«Когда мне было двадцать семь лет, я, чтобы иметь возможность приехать в Париж, сделал вместе с Луисом Бунюэлем два фильма, которым суждено навеки войти в историю, это – „Андалузский пес“ и „Золотой век“. С тех пор Бунюэль, работая в одиночку, снял и другие фильмы, чем оказал мне неоценимую услугу, ибо убедительно продемонстрировал публике, от кого в „Андалузском псе“ и „Золотом веке“ исходило все гениальное и от кого – все примитивное и банальное.»*

Оригинальный постер фильма «Андалузский пес»

Порядком наслышанный о скандальной славе художника-

провокатора, Дисней предложил Дали сделать мультипликационный фильм, отвечающий всем канонам сюрреализма.

– Отличный шанс, малыш. Вставай и иди, – благословила Сальвадора Гала.

В 1945 году «ненормальный» испанец приступил к работе над анимационным фильмом «Destino». В его распоряжение были даны студия и помощник-художник Джон Хенч. Уолт надеялся, что такой мастер как Дали в короткие сроки сможет состряпать коммерчески успешный продукт, но продюсера ожидало разочарование. За восемь месяцев работы был создан восемнадцатисекундный мультипликационный фильм-отрывок, невероятное количество рисунков и набросков. Последние были спрятаны в стол, время мультфильма сократили до двенадцати секунд, а затем по указанию самого Уолта Диснея проект и вовсе был заморожен. В качестве причины продюсер назвал финансовые трудности.

Это было второе поражение, которое Дали потерпел в Голливуде. В начале 40-х гг заключив контракт с киностудией «XX век Фокс», художник приступил к работе над картинами и рисунками для фильма «Moontide» с Жаном Габеном в главной роли. Однако, перемены в политической обстановке страны не позволили явить созданное миру.

Оригинальный постер фильма «Moontide»

Судьба «Destino» также оказалась плачевной. Мультфильм был предан забвению на целых пятьдесят лет. Мысль завершить начатый Дали проект принадлежит Рею Диснею, племяннику легендарного мультипликатора. Он предложил Бэйкеру Блодуорту стать продюсером картины, а французу Доминику Монфэри – режиссером. В команду художников, состоящую из 25 человек, вошел и Джон Хенч, которому исполнилось к тому времени 95 лет. С его помощью, а также благодаря записям из дневника жены Сальвадора Дали, и стала возможной реализация замыслов гениального сюрреалиста. Премьера «Дестино» состоялась в 2003 году, за год до столетия маэстро, на французском кинофестивале в Анси.

Более успешным оказалось сотрудничество Сальвадора Дали с режиссером и продюсером Альфредом Хичкоком. Работая над созданием нового психологического детективного триллера «Завороженный», Хичкок раздумывал над тем, кого можно пригласить в качестве постановщика и художника мистических сцен и вспомнил о… Сальвадоре Дали.

«*В мою задачу входило оживить на экране сны,* – вспоминал художник. – *Хичкок предположил, что самый подходящий для этого человек – сюрреалист».*

Одной из наиболее впечатляющих сцен фильма критики сочли сцену с подвешенными к потолку роялями и танцующей под ними публикой. По замыслу Дали подвешенные к потолку рояли должны были быть настоящими, но хитрые кинематографисты решили облегчить себе задачу, наняв в качестве танцоров карликов и повесив на канаты миниатюрные макеты фортепиано. Дали был вне себя. Хичкок уступил разгневанному художнику и не прогадал.

XVI
Золотые идеи Гала

Желанный гость на всех вечеринках, закрытых показах, банкетах, за несколько лет жизни в Америке Дали успел сделать многое. Здесь были написаны его картины «Солнечный столик» (1936), «Поэзия Америки» (1943), «Метаморфозы Нарцисса» (1936–1937), «Загадка Гитлера» (1937), «Невольничий рынок с явлением незримого бюста Вольтера» (1938), «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения» (1944) и другие. Менялась жизнь общества, менялся и характер картин Сальвадора. *«Творчество Дали сегодня – это умелая игра с цветовыми ассоциациями, внедренная в картины реклама, глубокий психологизм»,* – писали американские критики. Приблизительно в то же время великий мистификатор занялся подготовкой декораций для балета театра «Метрополитен» «Вакханалия». Спустя годы, оформив еще не один балет и создав декорации к таким спектаклям, как «Кафе де Чинитас», «Сентиментальный диалог» и «Безумный Тристан», Дали с выражением читал Гала отзыв критика из «Нью-Йорк Таймс»:

> *«Театральная сцена гораздо больше соответствует творческому духу Дали, нежели картинная галерея. Его сюрреализм раскрывается во всей своей полноте именно на широком пространстве сцены. Мне пришло в голову, что, пожалуй, декорации Дали можно было бы использовать в балете, где нет танца, а есть одна лишь музыка. Вот это было бы новшество! Я и правда не понимаю, как можно танцевать на фоне творений Дали».*

Гениальность испанского художника не знала границ. Едва критики успели написать хвалебную рецензию о сделанных им декорациях, как герой Дали перекочевал в колонку «криминальные новости».

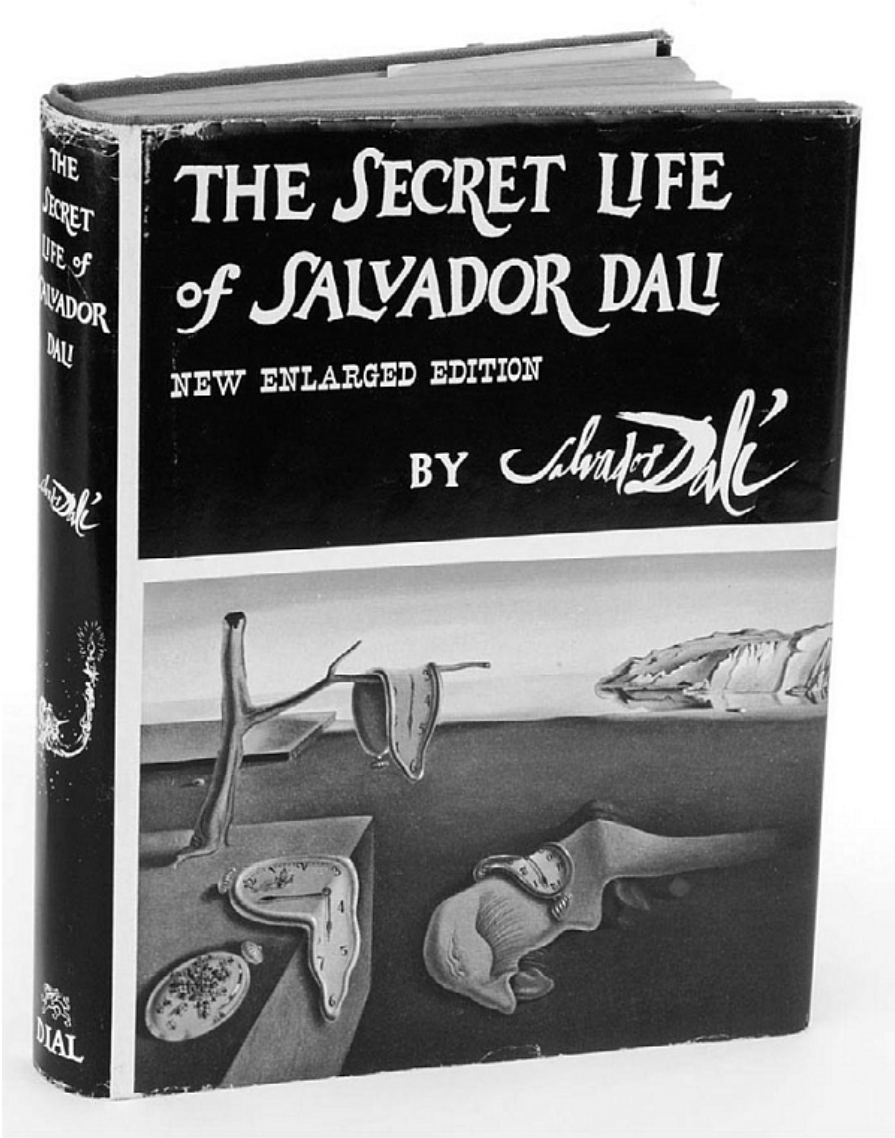
> *«Приехав в Нью-Йорк, я был немало удивлен видом витрин на Пятой авеню. Все подражали Дали. Бонвит Теллер снова попросил оформить две его витрины. Я согласился, мне ведь и самому хотелось публично продемонстрировать, что такое подлинный Дали в отличие от ложного. И все же я поставил условие: пусть мне позволят сделать все, что придет мне в голову. На*

чердаке одного из старых магазинов мы нашли восковые манекены времен 1900 года. Длинные мертвые волосы придавали им устрашающий вид. Пыль и паутина окутывали их много лет. – Ни в коем случае, – сказал я мистеру Лиру, – не трогайте эту пыль. Это самое прелестное. Этими манекенами я угощу публику Пятой авеню, как угощают бутылкой арманьяка, бережно извлеченной из погреба. С тысячей предосторожностей манекены спустили вниз. Я решил, по контрасту, обить витрину атласом и уставить зеркалами. Тема двух витрин была простой: день и ночь. День: один из манекенов вступает в мохнатую ванну – каракулевый футляр, до краев наполненный водой. Прекрасные восковые руки держали зеркало, символизируя миф о Нарциссе. Настоящие нарциссы росли прямо на ковре и мебели. Ночь: я поставил кровать, балдахин который венчался головой черного буйвола, держащего в пасти окровавленного голубя. Ножки кровати были сделаны из копыт буйвола и задрапированы неровно обожженным черным атласом. В отверстия можно было разглядеть искусственно горящие угли, которые, кроме всего прочего, образовывали подушку, на которой покоилась голова манекена. Рядом с кроватью находился призрак сна-мечты, увешанный сверкающими драгоценностями, о которых мечтала восковая спящая красавица. Как же я разозлился и удивился, увидев, что все изменили, даже не удосужившись предупредить меня. Мои пыльные манекены были подменены обычными. Не было кровати и спящей красавицы! Остались лишь стены, обитые атласом, то есть то, что я сделал шутки ради. Увидев, как я побледнел, Гала поняла, что я в ярости, и умоляла меня успокоиться. – Иди поговори с ними, – сказала она, – но пожалуйста, не теряй головы. Пусть они уберут весь этот мусор и больше ни слова об этом (…) Я выразил желание, чтобы сняли мою подпись под витринами или же восстановили декорации в том виде, как представил я.»

Не дослушав возмущенного художника, директор магазина заявил, что все останется, как есть и тогда…

«Я вошел в витрину и одно мгновение неподвижно рассматривал через стекло людей, шедших по тротуару. Мое появление, видно, показалось необычным, потому что вмиг собралась толпа людей. Только этого я и ждал.

Схватив ванну двумя руками, я приподнял ее и хотел опрокинуть. Она оказалась тяжелее, чем я думал, и мне хотелось бы одолжить силушки у Самсона. Ванна, наконец тронулась с места и медленно двинулась к стеклу. Вот я толкнул ее – и стекло разбилось вдребезги, вода разлилась по тротуару, а толпа с криком отпрянула. Холодно взвесив ситуацию, я предпочел выйти через разбитое стекло, нежели в дверь магазина. И спрыгнул на тротуар. Через секунду после этого сверху отломился огромный кусок толстого стекла и со звоном рухнул. Еще немного – и мне отсекло бы голову. Сохраняя спокойствие, я застегнул пальто, боясь простудиться. Я прошел десяток метров – и тут чрезвычайно предупредительный детектив положил мне руку на плечо, извинившись, что задерживает меня.»



Обложка первого издания книги «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим»

Все, что создавал в то время Дали пользовалось неизменным интересом у американской публики. Не стала исключением и первая книга художника, беллетризованная автобиография «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим».

«Обычно писатели издают свои мемуары в конце

жизни, подытоживая свой опыт, – писал Дали. – Наперекор всем, мне казалось умнее сперва написать мемуары, а уж потом пережить их (…) Я убил свое прошлое, чтобы избавиться от него. Так змея избавляется от своей старой кожи.»

«Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим» вызвала шквал противоречивых мнений у читателей и всплеск негодования у пуританской критики.

«Я хотел не столько рассказать о своей жизни, сколько показать гениальность изнутри», – без тени смущения, самоуверенно заявлял автор бестселлера журналистам.

Сальвадор Дали со скульптором Америго Тодом и художницей Эвой Фишер

Книга эта, как и почти все, что создал Дали увидела свет благодаря прекрасной Елене Троянской. Собирая исписанные мелким почерком, разрозненные тетрадные листы, на которых Сальвадор записывал свои наблюдения, фиксировал мысли и чувства, Гала складывала их в отдельную папку, перечитывала, редактировала и уверяла «малыша», что из написанного могла бы получиться отличная книга. Она заставляла его не останавливаться, продолжать вести свой дневник и он покорно подчинялся ее воле. Обладая способностью подмечать красноречивые детали, будучи великолепным рассказчиком, незаметно для себя Сальвадор начал писать не только о своих чувствах, своей жизни, любви, искусстве, но и отражал исторические события, которые происходили на его глазах. В

своем дневнике, точно на холсте, Дали воспроизводил портреты своих друзей, которым, так же, как и ему самому суждено было стать частью истории. Луис Бунюэль, Поль Элюар, Коко Шанель, Эльза Скиапарелли, Андре Бретон, Макс Эрнст, Федерико Гарсиа Лорка обрели на страницах книг Дали вторую жизнь. Примечательно, что Дали самостоятельно иллюстрировал свои книги. А их было четыре: «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим», «Дневник одного гения», «Пятьдесят магических секретов мастерства» и роман «Скрытые лица»

В 1941 году Гала невольно показала Дали еще одну грань искусства, прикоснувшись к которой, художник, заставил весь мир задыхаться от восторга. Желая порадовать супругу в день ее рождения, великий мистификатор вкрадчиво поинтересовался:

– Что ты хочешь, сердце мое?

– Хочу бьющееся сердце из рубина, – игриво ответила русская девочка. – Это сердце стало прославленным драгоценным украшением из коллекции Читхэма, которое выставлялось по всему миру.

Именно с этого диалога началась история ювелирной коллекции Сальвадора Дали. Рождались и расцветали на бумаге фантастические цветы, улыбались губы обнажая жемчуг зубов, сверкали бриллиантовые хрусталики намалеванных глаз, завораживали линии религиозных и мифических символов, отлитых в драгоценном металле. Дали тщательно обдумывал и прорабатывал каждую деталь будущего украшения: цвет, форму, размер. Он лично отбирал камни и строго следил за тем, чтобы воплощенные в золоте изделия соответствовали или даже превосходили то, что было изображено на эскизах художника.

– Вы творите настоящие чудеса. Ювелирное искусство поистине ваше призвание, господин Дали, – щедро осыпал Сальвадора похвалами американский миллионер Каминс Кетервуд. Именно он стал обладателем первых двадцати двух изделий, созданных по эскизам испанского художника. Но это было только началом долгого и интересного путешествия драгоценностей. Вскоре они перекочевали в фонд Оуэна Чеэзема, который стал выкупать все ювелирные украшения, созданные рукой Дали. К 1970 году общее количество придуманных и воплощенных в золоте изделий достигло тридцати девяти. Кочуя из одного музея в другой, от одного состоятельного коллекционера к другому, драгоценности стали собственностью трех юридических лиц Японии. Один из этих покупателей сделал все, чтобы произведения искусства, созданные великим Дали вернулись на родину – в Испанию.

«Испытываю восхитительные муки от желания сделать что-

нибудь еще более необыкновенное и прекрасное. Эта божественная неудовлетворенность есть признак того, что в недрах души моей нарастает какое-то неясное давление, сулящее принести мне огромные наслаждения», – делился со своим дневником воодушевленный художник.

В 1945 году Гала получила еще два письма. В первом – Поль писал своей бывшей, но по прежнему любимой русской девочке о том, что их, уже замужняя дочь Сесиль ожидает ребенка.

> *«Приезжай, а если не сможешь, напиши ей. Она все еще любит тебя, любит ностальгической любовью».*

Второе письмо было от сестры Лидочки, чудом разыскавшей адрес Гала и отправившей ей лишь два слова: *«Умерла мама».* Ни на одно из писем Гала не ответила. Такое поведение Леночки Дьяконовой, граничащее с эгоизмом, ее подруга Анастасия Ивановна Цветаева объясняла тем, что *«… в Гала не осталось ничего от прежней девочки. Отдалившаяся от близких и прежних друзей, не испытавшая ужасов и лишений военного времени, она не могла понять своих русских, истерзанных голодом подруг. Гала стала иностранкой».* Иностранку эту волновал только Дали.

До 1948 года чета Дали жила в Калифорнии, в студии Паббл-Бич. Здесь художник написал две картины «Невольничий рынок с незримым бюстом Вольтера» и «Лицо войны»

В зените славы, с набитыми деньгами карманами *(«Анаграмма „Жажду долларов“ стала мне вроде талисмана. Она словно превращала поток долларов в мерно струящийся, ласковый дождик»)* в 1948 году Дали и Гала возвращались домой, в Кадакес. Отполыхала война, возрождалась, оправляясь от ран испанская земля.

XVII
Возвращение домой

«Я открыл дверь моего дома. Все исчезло: мебель, книги, посуда… зато стены были покрыты непристойными или политическими надписями, споривши друг с другом. Сверху донизу были слова в честь победы анархистов из FAI, коммунистов, сепаратистов, социалистических республиканцев, троцкистов».

Манерный Париж, раскованная Америка, томная Италия. Уезжая на другие континенты, отдаваясь блеску и суете шумных городов, принимая многочисленных визитеров, позируя перед фотографами, Дали очень скоро начинал изнывать. Душа его кровоточила. Жаждущая отдохновения и свободы, она неистово стремилась домой, туда, где бордовели на солнце чешуйчатые черепичные крыши и небо, распростертое над морской гладью напоминало размытую акварель. По утрам здесь пахло водорослями, а вечером местные хозяйки распускали на больших сковородах солнечно-желтые кусочки масла, добавляли мидии, гребешки, рис, вино и по кварталам разливался аромат знакомой Дали с детства еды. Собираясь в один букет вкусы, звуки, запахи, воспоминания, ассоциации делали его жизнь реальной. Где бы ни находился художник, он предвкушал возвращение домой, в Испанию. Здесь он писал картины, слушал Баха и радиорепортажи с велогонки «Тур де Франс», здесь, отдыхая от работы, играл в футбол с соседом и старинными приятелем. И все было бы хорошо, если бы заискивающего со своими снами и галлюцинациями, видениями и фантазиями Сальвадора не преследовали навязчивые страхи. Гала отлично помнила, как во время знакомства с одним из приятелей «малыша», она услышала от «доброжелателя», что Дали болен шизофренией. С юности психика гения не была устойчива, его часто мучила бессонница, беспричинная тоска. Возраст и напряженная работа усугубляли гнетущее состояние.

«Вспышка безумия угрожала моему успеху, так как я полностью ушел в свое воображение».

Отгоняя хандру и страхи, художник уговаривал себя:

«Ты в Порт-Льигате – это место ты любишь больше

всего в мире. Тебя больше не угнетают унизительные денежные заботы. Ты можешь заняться самыми главными, выношенными в глубине души произведениями. Ты совершенно здоров. Ты волен выбирать из всех кинематографических или театральных проектов, которые тебе предлагают. Гала будет счастлива, и ее не будут беспокоить заботы, омрачающие лицо.»

Временами он начинал вести себя так, как когда-то вел себя его погибший друг Лорка. Художник наотрез отказывался засыпать, если рядом не было его ненаглядной Гала.

– Гала, поди сюда, принеси мне подушку и крепко сожми мою руку. Может быть, мне удастся заснуть.

Не позволяя ей лечь, Дали требовал, чтобы жена, к тому времени шестидесятичетырехлетняя женщина сидела рядом с его ложем и «баюкала» своего мальчика. Обладающая фантастическим терпением, Гала не только исполняла все прихоти своего Сальвадора, но и подталкивала его вперед. Больному, тоскующему, уставшему, она не позволяла Дали спускаться с Олимпа, на который они взбирались с таким трудом. Кто-то из современников Дали полагал, что таким образом жена поддерживала в муже жизнь, не давала ему предаваться депрессии и растрачивать зря драгоценное время. Кто-то утверждал, что падкая на деньги, Гала загоняла художника в могилу.

«Встань и иди, – говорила она. – Ты еще ничего не успел. Не торопись умирать».

Под влиянием Гали, буквально загипнотизировавшей его, он перешел от одной крайности к другой и начал делать деньги, вернее, золото, оно было его божеством всю вторую половину жизни, – писал Бунюэль. – *Но я убежден, что и сегодня он лишен всякой практической сметки.*

И снова чета Дали стала налаживать свой быт, приводя в порядок и перекраивая разграбленный во время войны дом в Порт-Льигате. Правда теперь ни Сальвадору, ни Гала не нужно было заботиться о деньгах. Сориентировавшийся в авангардном искусстве мир без подсказок и просьб охотно приобретал картины, книги, одежду, украшения, головные уборы, созданные непревзойденным мастером. Несмотря на это, Дали продолжал работать с маниакальным упорством. Он писал книги, картины, устраивал персональные выставки в Париже. А в 1950 году он приехал в отчий дом, чтобы отдать последнюю дань умирающему отцу.

– Во всех наших бедах виновна твоя русская дрянь. Отец был прав, – заявила с порога Анна Мария.

Сальвадор смотрел на сестру с жалостью. От ее былой красоты не осталось и следа. Художник знал, что во время войны сестру арестовали и в застенках она подвергалась жестоким, мучительным пыткам.

– Это она, Гала, донесла на меня – исступленно кричала Анна Мария.

Дали ничего не задерживало здесь более. Оттолкнув разъяренную сестру он просто затворил за собой дверь. На этот раз – навсегда.

В послевоенный период художник обратился к классическому наследию, создавал картины на религиозные сюжеты. Среди лучших его работ, написанных в начале пятидесятых годов критики отметили такие, как «Взрыв головы Рафаэля» (1951), «Христос Святого Иоанна Креста» (1951), «Обнаженный Дали, созерцающий пять упорядоченных тел, превращающихся в корпускулы, из которых неожиданно сотворяется Леда Леонардо, оплодотворенная лицом Гала» (1950).

Неотъемлемой частью жизни и творчества Сальвадора Дали стала… реклама. Агрессивная, яркая, она уже по свойски расположилась на его холстах. Ненавязчиво оброненная на песок пачка сигарет «Camel» в «Солнечном столике» и застывшая в воздухе, предлагающая приторное, тягучее удовольствие бутылка «Кока-Колы» в «Поэзии Америки», как оказалось, были только началом. Прошло несколько лет и Дали начал сниматься в рекламных роликах, за участие в которых, гений каждый раз запрашивал сумму равную 10 тысячам долларов.

– Сколько, ты сказала, он хочет?

– 10 тысяч. У тебя проблемы со слухом?

– Неплохо…

– Ты забыл, с кем имеешь дело. Это Дали! Он – король сюрреализма, потрясающий художник. Он работал с Бунюэлем, Хичкоком, Диснеем…

– Убедила. Сдаюсь.

Надо отдать должное Сальвадору Дали, он честно отрабатывал свои деньги, не капризничал и превосходно выполнял все, что от него требовалось. «В рекламе „Lanvin“ у Дали закручиваются усы», – восхищалась публика. Однажды, на вопрос молодого человека, как Дали проделал трюк с усами, художник ответил:

«– Мои усы постоянно осциллируют и не бывают одинаковы даже два дня кряду. В настоящий момент они в

некотором расстройстве, ибо я на час спутал время вашего визита. Кроме того, они еще не поработали. В сущности, они еще только выходят из сна, из мира грез и галлюцинаций. Немного поразмыслив, я подумал, что, пожалуй, для Дали эти слова выглядят чересчур банально, и почувствовал некоторую неудовлетворенность, которая толкнула меня на неподражаемую выдумку.

– Погодите-ка! – сказал я ему. Я побежал и прикрепил к кончикам своих усов два тонких растительных волоконца. Эти волокна обладают редкой способностью непрерывно скручиваться и снова раскручиваться. Вернувшись, я продемонстрировал молодому человеку это чудо природы.»

Рекламировал ли художник средство от похмелья «Alka-Seltzer», услуги авиакомпании «Braniff» или шоколад «Lanvin», это всегда было эмоционально, выразительно, ярко. И сегодня рекламные ролики с участием великого мистификатора смотрятся, как произведения искусства.

Логотип «Чупа-Чупс», созданный Сальвадором Дали

Приблизительно в то же время, по просьбе своего приятеля, Дали придумал логотип *для* конфеты на палочке «Chupa-Chups» – желтый цветок с сочными красными буквами в центре. За час работы, художник «содрал» с друга кругленькую сумму, объяснив это тем, что все, к чему прикасается его рука, должно превращаться в золото. Интересно, что из-под кисти великого мистификатора вышла не только «желтая ромашка», но и логотип, статуя и афиша, сделанные для Евровидения 1969 года. И после смерти Дали, производители рекламы не раз эксплуатировали творчество художника при создании рекламных принтов. Особой популярностью пользовались все те же мягкие часы, символизирующие неумолимо утекающее время.

«Дали Атомикус» Фото Ф. Халсмана, 1948 г.

В последний раз Гала видела Поля до войны. Он был весел, строил планы, читал ей новые стихи и представил красавицу-жену Верочку, известную под артистическим псевдонимом Нуш. Она, действительно, была настоящая красавица. На долю секунды в Гала проснулась ревность. Ангельское личико, тело богини. Она видела Нуш на фотографиях Мана Рэйя. Гала знала, что Нуш пользуется большой популярностью в парижском свете, что она прекрасно поет, танцует, занимается живописью. Кроме того, девушка быстро нашла общий язык с мадам Грендель и Сесиль. Ей, Гала, было далеко до этого ребенка. И все-таки, Поль по прежнему, как мотылек порхал около бывшей жены, не замечая страданий Веры. Он все еще любил свою русскую девочку и подтверждал свою любовь частыми пылкими посланиями. Во время войны письма от Эжена приходили все реже, тон их становился все суше. Коротко, чтобы не сильно волновать Гала, бывший муж писал, как они с Нуш чудом спаслись от гестапо, как пережили голод, разучились смеяться, поседели. Рожденный в рубашке, Элюар пережил избежал расстрела, бомбежки, лагерей, но почти потерял зрение и теперь вынужден был ходить в очках.

«Все изменилось, кроме моего сердца, – писал Поль. – Прошлое ушло очень далеко, но не ты, потому, что ты навсегда осталась во мне, моя маленькая Гала».

Почти сразу после войны сорокалетняя Нуш умерла. Измученная, она упала на улице и мгновенно скончалась. В качестве причины смерти, врачи назвали кровоизлияние. Вероятно, только тогда Поль Элюар осознал, кого он потерял.

«Без Нуш моя жизнь была бы невозможна», – писал поэт своей взрослой дочери.

Нуш —
Откровенность порывов,
Легкость близости.
Без подозрительности, без тревоги
Твои глаза отдаются всему, что видят (…)
Ночью твои ресницы растворяются в темноте…

Скромная, маленькая, изящная, увековеченная такими мастерами, как Дора Маар, Ли Миллер, Пабло Пикассо, Нуш прожила с Полем 16 лет, она прошла с поэтом все тяготы войны, голод, болезни, она пронесла в себе боль ревности.

Тоска Элюара словно парализовала их с Гала переписку. Общие друзья сообщали, что Поль сражен горем, но продолжает работать, ездит по миру, принимает участие в литературных

конференциях.

В 1951 году Гала получила последнее письмо от Эжена. Он сообщал, что снова счастлив и женится на некой Доминик Лемор. А через год…

– Галючка… – нервно крутя и покусывая ус, Дали комкал в руке телеграмму. – Галючка… Поль умер. Инфаркт…

> *«Я вложил всю свою жизнь в любовь к тебе. Я вложил всю свою жизнь в нашу любовь. Я хотел подарить тебе свободу, которую не дал бы тебе никто другой, все возможные наслаждения, все доступные тебе удовольствия. Но, боюсь, ты теряешь меня из виду…»*

До самой своей смерти Галючка хранила письма Поля.

Отныне состояние четы Дали насчитывало даже не миллионы, миллиарды долларов. Гала уже не нужно было метаться по галереям Парижа и домам состоятельных людей, чтобы заработать на кусок хлеба. Елена Троянская, прекрасная Редивива, она не успевала контролировать многочисленные источники дохода. Да это было и невозможно. Не прекращающий работать Дали превращал в предметы искусства едва ли не все, что попадалось ему под руку. В перерывах между написанием картин и книг, художник занимался скульптурой, расписывал тарелки, вилки, чашки, пепельницы, стаканы, галстуки, купальники, календари, бумажные салфетки. К ужасу и зависти окончательно порвавшего с Дали, но все-таки интересовавшегося его жизнью Бретона, на «avida dollars» работали стеклодувы, швеи, журналисты, фарфоровые заводы, мебельщики, одержимые «далианством» ремесленники.

Подчиненные расписанию, оговоренному много лет назад, всю весну и лето Сальвадор и Гала жили в Кадакесе, а осенью отправлялись во Францию, останавливаясь по пути в самых дорогих отелях и обедая в лучших ресторанах.

> *Вечером Гала приходит в восторг от моих картин. Я ложусь спать счастливым. Счастливые картины нашей фантастической реальной жизни. О милый Сентябрь, эти дивные полотна делают нас еще прекрасней. Спасибо, Гала (Это ведь благодаря тебе я стал художником. Без тебя я не поверил бы в свои дарования! Дай же мне руку! А ведь правда, что я люблю тебя с каждым днем все сильней и сильней…*

Их временным домом в Париже каждый раз становился роскошный отель «Мерис», расположенный в дворцовом здании

между площадью Согласия и Лувром, в нескольких шагах от Елисейских полей, здания парижской Оперы, Вандомской площади и модных бутиков улицы Фобур Сен-Оноре. Засыпая в апартаментах короля Испании Альфонса XIII, нежась в мраморной ванне, любуясь из окна на сад Тюильри с его живописными аллеями и богатой палитрой цветников, Гала, наконец, могла ощутить себя избранной.

Пройдя через нищету и унижения, самоотречение и многочисленные жертвы, Галючка могла позволить себе вкушать красивую жизнь. Вкушая ее, девочка из России, обернувшаяся по мнению Анастасии Цветаевой, иностранкой, боялась и не желала потерять все, что имела теперь.

«Если что-нибудь случится с Дали, я останусь на улице, без гроша в кармане, не имеющая возможности продать ни одной картины», – жаловалась Галючка в минуты слабости своей кухарке Паките.

Заключенный в 1934 году в посольстве Испании брак с Дали Гала называла неофициальным. Относительно спокойной она ощутила себя только в 1958 году, когда в церкви Дельс Анджельс состоялось их с Дали венчание. В тот момент жениху было пятьдесят четыре, невесте – шестьдесят четыре года.

Сам Дали задумался о венчании с Гала в тридцатисемилетнем возрасте, о чем свидетельствует запись в его дневнике:

> *«Моя идиллия с Гала грозила обернуться смертью. В час, когда я пишу эти страницы, после семи лет совместной жизни, я решаю закончить эту книгу, как роман или волшебную сказку – и обязательно повенчаться с Гала в католической Церкви(…) Вот уж некоторое время я знаю, что начинаю любить женщину, на которой женился семь лет назад. Вернее, я начинаю любить ее по закону католической и римской Церкви и могу сказать себе, как Унамуно, который дал такое определение: „Если у твоей жены болит левая нога, ты должен чувствовать такую же боль в левой ноге“.»*

Сама Гала, несмотря на мнимую неустойчивость своего положения долго не спешила с венчанием, дабы не обидеть Поля. На это таинство Галючка решилась только через десять лет после смерти первого мужа.

> *Если уж суждено быть героем, то лучше стать героем два раза, чем ни одного. Точно так же со времен своего эпилога я не развелся, как это сделали все*

остальные, а, напротив, снова женился на своей же собственной жене, на сей раз в лоне апостольской римской католической церкви, тотчас же после того, как первый поэт Франции(Поль Элюар) который одновременно был и первым мужем Галы, своею смертью сделал это возможным. Мой тайный брак был заключен в Обители Пресвятой девы с Ангелами и наполнил меня исступленным волнением, превзошедшим все возможные границы, ибо теперь я знаю, что не существует на земле сосуда, который был бы способен вместить драгоценные эликсиры моей неутолимой жажды торжественных церемоний, ритуалов, священного.

И все же, многочисленные страхи не покидали женщину с тысячью лиц. Она, как будто, заразилась ими от Дали. Боязнь нищеты и смерти, недоверие по отношению к людям и самая острая, самая мучительная – боязнь старости.

Отправляясь даже в кратковременные путешествия, молчаливая Гала брала с собой не только одежду, но и два саквояжа, один из которых был битком набит банкнотами, другой – лекарствами. В последние годы жизни, побаиваясь путешествовать в одиночку, уставшая от причуд Дали, она приглашала в компаньоны своего шофера Артуро, которого семья наняла, когда мальчику исполнилось четырнадцать. Сорок лет подряд Артуро, как и кухарка Пакита служил Дали верой и правдой, исполняя обязанности садовника, мажордома, личного водителя.

С начала 60-х годов семья Дали потеряла покой. Каждое лето, к обновленному дому художника стремились толпы паломников.

Некогда скромная рыбацкая изба, стараниями ее хозяев, превратилась в настоящее чудо света.

«Наш дом растет как некая биологическая структура, размножаясь клеточным почкованием. В каждый важный момент нашей жизни рождается новая ячейка», – писал Дали.

Украшенные скульптурной вязью девственно белые глухие стены, два огромных яйца, отлитые из гипса и установленные на крыше, как символ семейного гнезда. Здесь же – оливковая роща и высаженные Гала гранатовые деревья.

«*Больше других фруктов малыш любит ярко-красные и бледно-розовые зернистые плоды. Он много раз изображал их на своих*

картинах, – записывала в дневнике Гала.

Прежде тихое, почти райское местечко, Порт-Льигат наполнилось шумом, смехом туристов, детскими криками, плачем.

Чтобы не допустить хаоса и напора, грозящего снести их жилище, добродушная кухарка и шофер брали удар на себя. Они принимали гостей, усаживали на скамьи и соломенные стулья, расположенные во дворе, угощали незваных гостей прохладительными напитками, лангустами, испанским вином.

– Просим немного подождать. Дон Сальвадор очень занят, он работает над своей новой картиной. Как называется? Пока это секрет. Всего несколько минут и дон Сальвадор выйдет в сад. Художника забавляла возня под окном. Добродушно посмеиваясь в усы, Дали наблюдал, как волнуется и раздувает щеки покрасневшая кухарка, как мечется в поисках еще одного стула Артуро. Потомив визитеров под палящим испанским солнцем, великий мистификатор спускался в сад и на глазах у восторженной публики устраивался на сооруженном под балдахином из белой ткани „троне“. Один. Без Гала. Вот как описывает реакцию Галючки на гостей Доминик Бона:

> *„Гала почти никогда не присутствует. Если она неожиданно появляется, то к концу сеанса, с наступлением ночи. Она внезапно возникает, здоровается, почти не раскрывая рта, изображает на лице приличествующую случаю улыбку и исчезает тоже неожиданно, часто даже не попрощавшись. Насколько Дали любезен и вежлив с иностранцами, настолько Гала надменна и чопорна с ними. Иногда ее поведение граничит с грубостью. Она окидывает посетителей насмешливым взглядом, не скрывая ни своего безразличия, ни своего раздражения. Она их не принимает, она их терпит, потому, что они развлекают Дали, потому, что они необходимы для культа его „Я“."*

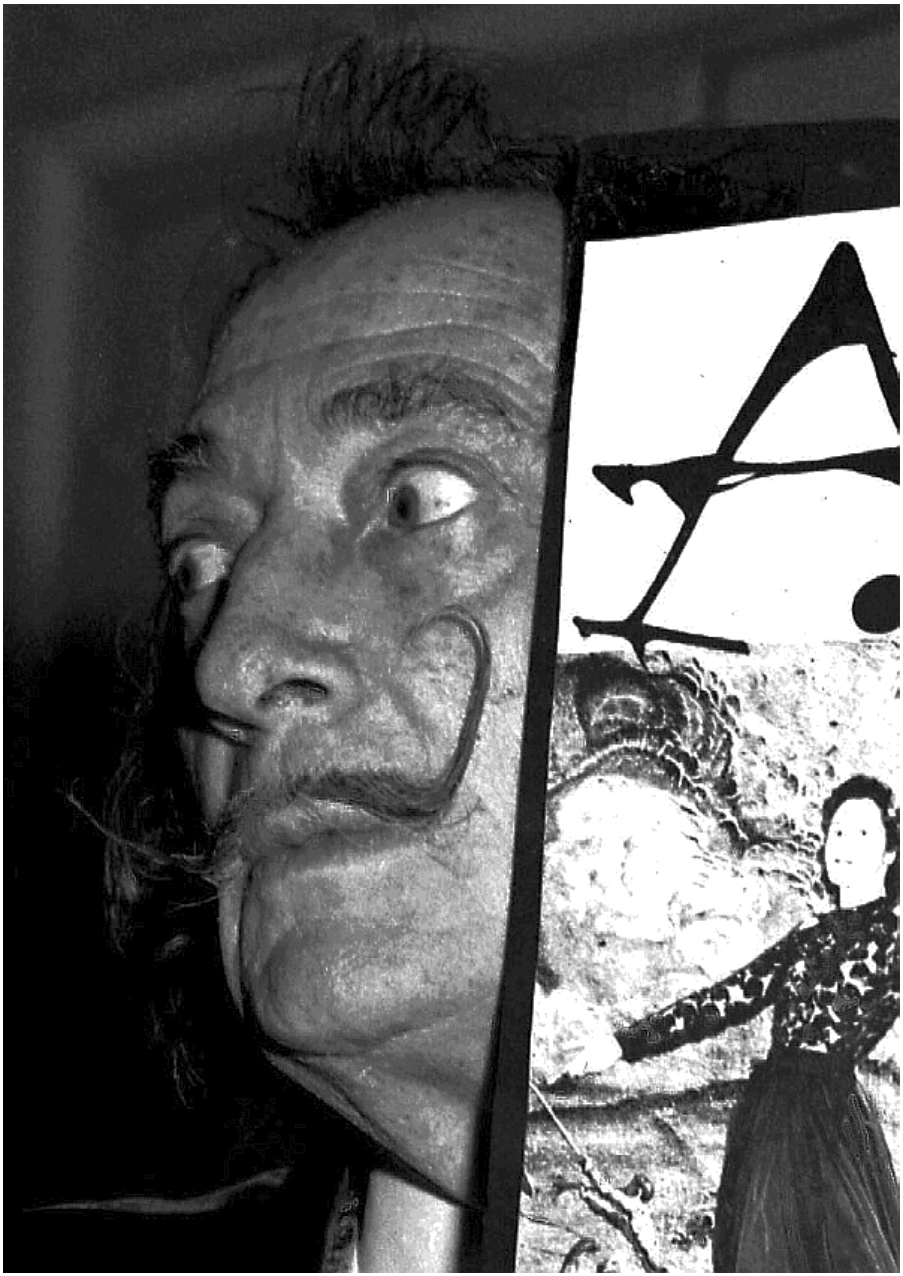
«Там можно встретить кого угодно, – цитирует Доминик Бона сценариста Анри Франсуа Рэя. – *Просто любопытный, иностранец, хиппи, хорошенькая девушка, журналист, приехавший все за тем же вечным интервью…*

Я встречал там иногда самые странные и самые смешные экземпляры… Среди посетителей патио нет ни одного нормального. Все они более или менее далийские».

XVIII
Снимая маску

«Сальвадор Дали – загадочный художник? Не думаю, что разгадать эту загадку так трудно, – размышлял писатель Жоан Жозеп Тарретс в своей книге. – Должно быть, под влиянием Галы Сальвадор Дали создал, следуя законам гротеска, свой образ – до крайности экстравагантный, – образ художника, которому все нипочем. Но эта наигранная поза – лишь способ совладать со своей природной застенчивостью. Все это безудержное кривлянье ради одного: фотографий на первой полосе и на всех обложках. Кто спорит – любая его работа достойна и первой полосы, и любой обложки. Но разве журналисты заметят стоящую вещь без скандальной подсказки? И вот Дали выкладывается изо всех сил, лицедействует до изнеможения. Помню, однажды мы беседовали у него в мастерской – тихо, мирно и даже не об искусстве, а так – о том, о сем. Вдруг в дверь позвонили, в прихожей раздались голоса. Дали вскочил и я увидел актера перед выходом на сцену:

– Прости, – сказал он, – я должен, надеть маску Дали».



Сальвадор Дали в 1972 г.

Современники Сальвадора утверждали, что в последние годы художник ощущал потребность носить «маску» постоянно. Снимать ее Дали позволял себе только в присутствии жены и

нескольких близких ему людей. Происходило это и в минуты, когда маэстро был сильно чем-либо раздражен, что случалось редко. Довольствуясь россказнями Мюнгхаузена от искусства, праздные зеваки, как ни старались, не могли добраться до его души, не могли разглядеть человека-Дали. Для них он оставался великим, гениальным, непостижимым, сумасшедшим.

Со временем чета Дали обросла эскортом, в который входили модели художника – от горбунов, карликов и персонажей почти сказочной внешности до красивых молодых людей и девушек. Во всех совместных путешествиях Дали и Гала сопровождали личные секретари, журналисты, переводчик, стилист. Не обходилось без эксцессов. Подозрительная и мучимая ревностью Гала прямо-таки возненавидела испанку Наниту Калашникофф, рекомендованную ее мужу одним из приятелей, с которым художник занимался серфингом. Старательная, исполнительная Нанита появлялась по первому зову «малыша», но столкнувшись с мадам Гала, тут же спешила ретироваться.

– За что ты платишь этой рыжей девке? – кричала Галючка на мужа. – Ты позволил ей мыть себе голову, причесывать себя. Завтра эта проститутка залезет в твою постель, а еще через месяц она заставит тебя развестись со мной и приберет к рукам все мое состояние.

Еще большую ярость вызывала у Гала подобострастная идиотка Мафилда Дэвис, в чьи обязанности входила продажа творений Дали. Навязчивая, алчная до денег, Мафилда всеми силами старалась завоевать расположение художника. Поддерживая его имидж, девушка каждый раз делала себе безумные, сюрреалистические прически.

– Я люблю проводить время с чудаковатыми людьми, – успокаивал Дали разбушевавшуюся Галючку.

– Но ты должен любить проводить время не с чудаковатыми, а с полезными людьми, – возражала Галатея

> *«Пикассо был художником, и только художником. Дали претендовал на большее, – писал Луис Бунюэль. – Даже если иные черты его личности вызывают отвращение скажем, мания саморекламы, выставление себя напоказ, манерность и оригинальничание, которые для меня давно утратили свое значение, как и слова „Любите ли вы друг друга?“, – это настоящий гений, писатель, рассказчик, мыслитель. Ни на кого не похожий. Долгие годы мы были близкими друзьями, и наше сотрудничество в период „Андалузского пса“ оставило прекрасные воспоминания о полной гармонии вкусов. Но*

никому не известно, что это самый непрактичный человек в мире. Его же считают опытным дельцом, умеющим оперировать деньгами. На самом деле, до встречи с Галей, он ничего не смыслил в деньгах, и моя жена, Жанна, должна была покупать ему билеты на поезд.»

Стены дома в Порт-Льигате держали глухую оборону. Сюда редко пускали туристов и никогда – «свиту».

– Здесь все принадлежит мне, – заявляла Гала. Ни твоя ненаглядная Нанита, ни хищница Дэвис не будут расхаживать по этим комнатам.

Всяк входящий в дом великого мистификатора и его музы, включая друзей и партнеров Дали, знал, что «Здесь предлагают выпить и поесть. Ночлега не предоставляют».

Тех, кто оказывался в этом доме удивляла аскетичная обстановка, в которой жил гений. Кипельно белые, не несущие никакой информации стены. Столовая с длинным дубовым столом, деревянными стульями и утопленным в стене камином. Студия Дали с установленными в ней стеллажами, на которых притаились тысячи коробочек с масляными красками: «indian-red», «mars-red», «cadmium-red», «mars-orange» и др. Развешанные в прихожей фотографии великих усатых людей, среди которых – Сталин, Сервантес, Шекспир. Гардеробная, украшенная вырезанными из журналов и газет снимками Гала и Сальвадора. Спальня с металлической кроватью и потолком, выкрашенным в красно-желтую полоску (цвета флага Каталонии).

И, наконец, святая святых…

«Мастерская Дали стала для меня просто откровением, – писала в книге воспоминаний певица и модель Аманда Лир. – *Она была надежно защищена красивой старинной дверью в каталонском духе. Я спустилась по ступенькам и попала в заставленное помещение, сакральное место, где Дали предстал передо мной в рабочей одежде, с чистыми очками на носу и палитрой в руках(…) Маленький, смуглый человечек сидел на табуретке и возился с углом холста*».

«– Это Беа, он помогает мне перемещать холст. Еще он выполняет всякую подсобную работу.

Позже я узнала, что маленький Беа делал многое из того, о чем Дали не упомянул. Он писал детали картин, тяготившие Дали, занимался фоном, небесами, а также большинством так называемых реалистических частей картины, которые он просто-напросто копировал с фотографий. Одна из таких фотографий, в процессе работы исполнявшая функции центрального персонажа

картины, была приколота прямо к холсту.»

В одной из комнат, за диваном спряталась коллекция тростей Дали, насчитывавшая не менее тридцати экземпляров.

– Иногда, когда я иду по улице, меня вдруг охватывает страх, как тогда, когда я впервые увидел метро или, оказавшись в Париже, вынужден был перейти кишащую несущимися во весь опор машинами шоссе, – признавался Дали своей Галючке. – Мне кажется, что в следующую минуту из-за угла выскочит бешеная собака и вонзит мне в ногу свои острые зубы. Меня могут ограбить, наконец, мне могут сломать голову.

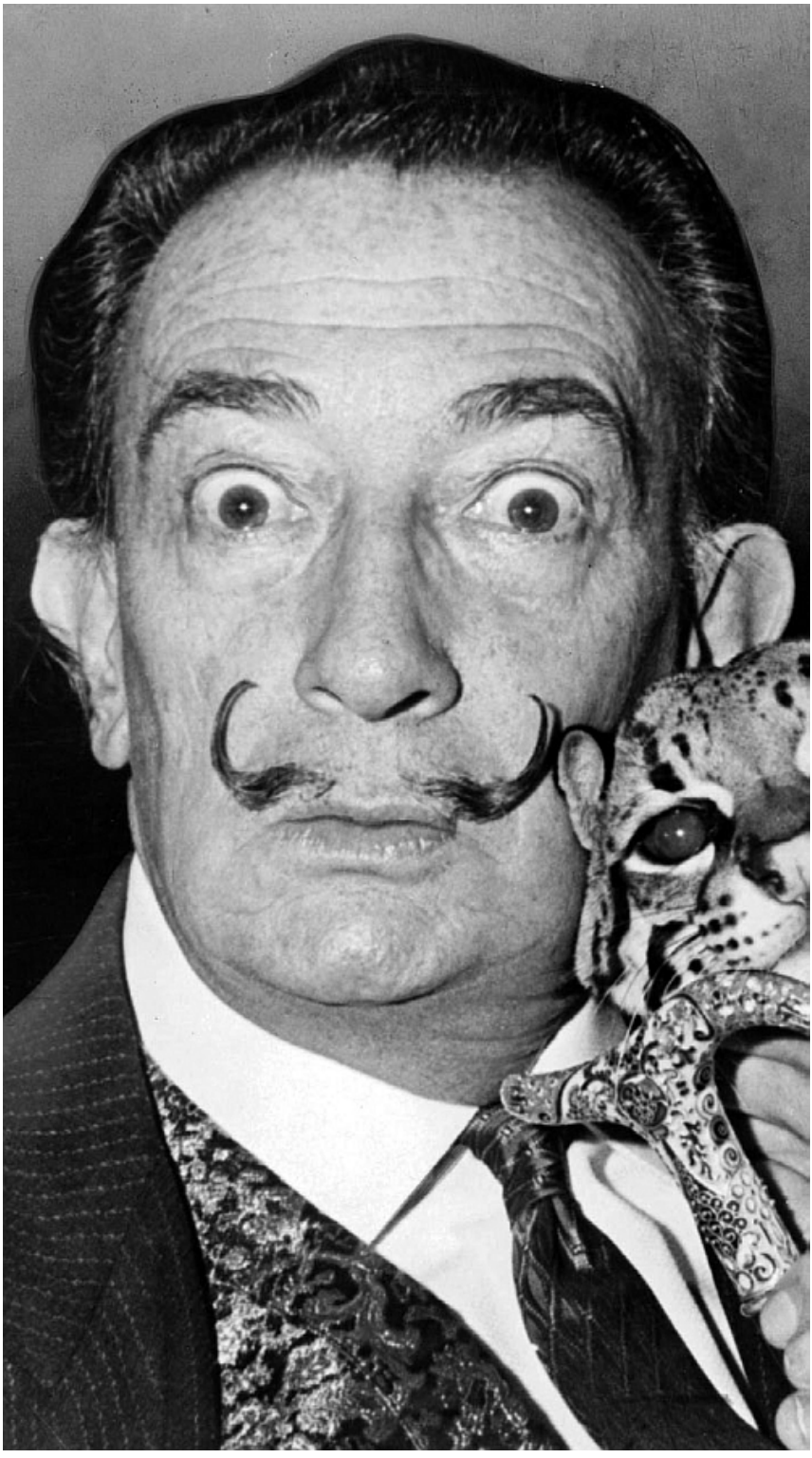
Чтобы избавить «малыша» от преследующей его паранойи, Гала посоветовала ему носить с собой… трость.

– Так ты будешь чувствовать себя намного увереннее и, в случае чего, всегда сможешь отбиться от собаки или хулигана.

Ее умение находить выход из любой ситуации приводили Дали в восторг. Мудрая, добрая, заботливая, иногда она становилась до крайности раздражительной и ревнивой. Он мог успокоить свою девочку только, когда она понимала, что он взялся за кисть и снова работает. Созерцание Сальвадора за работой сигнализировало Гала: «Все хорошо. Все по-прежнему хорошо. Мы вместе. И это главное».

В 1962 году Дали заключил десятилетний контракт с издателем Пьером Аржилле на создание иллюстраций.

«Я напал на золотую жилу», – радостно сообщил художник жене. В результате, за прописанные в договоре 10 лет, Сальвадор Дали успел сделать более 200 офортов. Среди них иллюстрации к таким книгам, как «Алиса в стране Чудес» Льюиса Кэрролла (1969), «Библия»(1969), «Божественная комедия» Данте (1964), «Фауст» Гете (1969), «Декамерон» Бокаччо (1972), «Дон Кихот» Сервантеса (начал работу в 1957), «Ромео и Джульетта» Шекспира (1975) и другие. Выполняя эту работу, Дали беспрестанно ворчал. Издатель категорически запретил ему использовать новые технологии и наказал работать по традиционной технологии. Но упрямый Дали сделал то, что хотел. Работая над «Доном Кихотом», Сальвадор отказался от кисти и карандашей. Вместо них он использовал… пневматический пистолет, расстреливая основу будущей литографии специально изготовленной дробью, начиненной тушью.



И снова художника ждал оглушительный успех.

XIX
Замок для утомленной принцессы

Почти семидесятилетняя женщина, Галючка устала опекать, заботиться, заключать контракты, контролировать, ревновать, бороться с фобиями Дали. Даже желанные гости стали для нее нежеланными. В их дом постоянно приходили миллиардеры, редакторы, актеры. Разыгрывая радушную хозяйку, устраивая щедрые на угощение и развлечения приемы, подавая аперитив, женщина с тысячью лиц была не в силах скрыть своей усталости и равнодушия.

Все чаще Гала оставляла мужа в одиночестве и уезжала в полюбившуюся ей Тоскану. Она отдавала душу и тело на откуп уединению, наслаждалась видом живописных холмов любовалась на тяжелые гроздья янтарного винограда.

У стареющего Дали появился новый повод для волнений. Он боялся, что однажды его маленькая Галючка купит себе дом в Италии и останется там навсегда.

Сальвадор не желал расставаться с ней ни на минуту. Что будет, если он внезапно умрет и не успеет попрощаться с ней, своей прекрасной Еленой, Галариной, Градивой?

Что будет, если в пути у нее откажет сердце? Время просыпалось, как песок. Гений, честолюбец, «avida dollars» он вкладывал свои секунды, минуты, часы в созданные им вещи: в картины и книги, в мебель и одежду. Не так много времени оставалось на любовь. В последние годы им, тем более, было не до постели. Гала пресытилась своим малышом. Впрочем, и она уже не наполняла его тем экстазом, которое получал он когда-то, глядя на ее молодую упругую грудь, ее обнаженную спину, ее бедра… Втайне от жены, не желая обидеть ее он тешил себя эротическими спектаклями, которые демонстрировали ему его многочисленные модели. Дали изменял жене… руками, глазами, фантазиями

> *«Его дружки и подружки, модели и актрисы играют роль марионеток: он расставляет их и заставляет действовать. Молодые люди разыгрывают перед ним фантазмы – те, что он не может реализовать сам из-за страха контакта. Ему нужны эти посредники между его желанием и им самим. Это развлекает его: много времени уходит на подготовку сеансов. Он говорит, что месяцами во время сиесты обдумывает их детали. Дали не может*

остаться наедине с девушкой: ему необходимо видеть перед собой, по меньшей мере, еще двух человек: двух девушек, или двух юношей, или юношу и девушку – их может быть и больше, если, конечно, сценарий того требует. Он никогда не устраивает partouze. Дали не участвует в коллективных оргиях – он придумывает эротические сцены в больших или меньших масштабах, разрабатывая формы, движения, цвета для своего удовольствия, только для удовольствия. Действующие лица должны ему повиноваться. Чаще всего он инсценирует свои фантазмы в номере отеля „Риц“ в Барселоне, в одной из самых шикарных и чопорных гостиниц в мире», – писала в своей книге журналист Доминик Бона.

«Сам я избегаю контактов», – заявлял Дали. Бывший манекенщик Жан-Клод дю Бари создавший в Барселоне собственное агентство, подтверждал слова Сальвадора:

«Дали никогда не притронулся ни к одной из моих манекенщиц. Он всего лишь наблюдал за их шалостями».

Лишь однажды Дали решился на измену Гала. Долгие годы он был влюблен в актрису Грету Гарбо. И хотя в Голливуде многие звезды, такие, как Бриджит Бардо, Софи Лорен, Чарли Чаплин, Пол Ньюман, Джина Лоллобриджида не упускали случая сфотографироваться с экстравагантным художником, с Гретой Гарбо встретиться гению никак не удавалось. Когда же актриса согласилась приехать к Сальвадору в гости, она застала его в банном халате, приготовившегося к бурной ночи. Усмехаясь, дива напомнила ему, что на часах пять вечера, а в это время суток она предпочитает совершать прогулки и дышать свежим воздухом… Художник был вынужден натянуть штаны и выйти в сад. После четырехчасовой прогулки дива ретировалась, оставив на губах раскрасневшегося от смущения мечтателя следы затяжного поцелуя.

«Моя Гала целуется гораздо лучше», – заявил позже Дали.

Желание великого мистификатора удерживать супругу на длинном поводке не отпускало художника. Много лет подряд Галючка сжигала себя на костре его славы и эгоизма. Нужно было дать ей возможность изредка отдыхать от него.

В преддверии семидесятишестилетия жены, Сальвадор Дали задался целью построить для нее обитель, о которой она так мечтала.

«Я часто подумывала о монастыре. С возрастом я стала любить одиночество и простоту».

Однажды художник оказался в сорока километрах от Фигераса, в сонном местечке Пуболь (в переводе с каталонского – тополь). Взгляд его остановился на полуразрушенном средневековом замке, напоминающим своей формой испанский кулич mona de Pascua с растрескавшейся, разошедшейся корочкой-«молнией» посередине. Такой пекла маленькому Дали его мама.

Обнесенное высокими каменными стенами, изъеденное временем здание с прилегающей к нему церковью, грязным внутренним двориком и запущенным садом находилось в плачевном состоянии. Сползающая кровля, одряхлевшее перекрытие крыши могло испугать кого угодно, но только не Дали.

К тому же, этот земной уголок так напоминал любимую Галючкой Тоскану.

– Даааа, – озадаченно почесал затылок приятель Сальвадора, архитектор Эмиль Пиньо, разглядывая сооружение, готовое вот-вот превратиться в развалины. – Непростую ты задал нам задачу. Но, – Пиньо хитро прищурился и поднял указательный палец – если за дело берутся художники…

Закипела работа. Тысячи раз всходило и пряталось за горизонтом солнце, тысячи раз проливался на землю Пуболя дождь, тысячи раз Дали спорил с Пиньо, а Пиньо спорил с Дали. На месте обрушенных стен поднимались новые, блистали своей чистотой отремонтированные залы, рождался и наполнялся лазурной влагой бассейн, украшенный керамическими бюстами Вагнера. Украсили и напоили сад своими тонкими ароматами сотни пестрых, склоняющих головы перед будущей хозяйкой астр, роз, лилий.

С одержимостью фанатика, Дали неделями расписывал потолки и стены замка, а после – корпел над полотном «дорога в Пуболе», задуманным специально для жилища Гала.

Сальвадор вкладывал в этот замок всю свою любовь, всю нежность, всю благодарность, которые он испытывал к русской девочке, прекрасной Елене Троянской.

Бывший, отстраненный от дел секретарь Дали Питер Мур вспоминал:

«У Дали было много талантов. Талант к живописи, что очевидно, но еще и талант к жульничеству.

Если бы он не стал художником, то наверняка стал бы первоклассным жуликом. Дали купил замок Пуболь для

Голы за невероятно низкую цену – двадцать тысяч долларов. Еще пятьдесят тысяч он потратил на ремонт. Учитывая доходы художника, для него это были, в прямом смысле, карманные деньги. Добраться до замка по приличной асфальтовой дороге было невозможно. Проселок, соединявший замок с деревней, был в таком состоянии, что по нему даже танку не проехать, – сплошные рытвины и огромные валуны. На следующей неделе губернатор получил приглашение на чашечку чая в замок Голы, в Пуболь. Посмотрев на него, Дали сказал указывая на дорогу: „Через три недели генералиссимус Франко приедет к нам в гости, и, боюсь, он не одобрит такого положения вещей. Ремонт начался на следующий же день“.

Удивительно, но мнительного Дали не смутил тот факт, что у замка, которому он подарил вторую жизнь, была довольно мрачная „биография“.

– Ты только взгляни, что тут написано, – кричал Пиньо. – В средние века людей живьем сбрасывали в замковый колодец. Ты понял? Где здесь колодец? Вот! Сюда сбрасывали людей, „… либо сжигали, приковав к стене цепями“. А еще, старик Дали, местные жители рассказывают, что во время войны здесь было что-то вроде кутузки и в этой комнате пытали людей. Хорошенький замок, нечего сказать.

Но, предвкушающий удивление и похвалы Гала, Сальвадор ничего не слышал…

«Гала взяла меня за руку и вдруг сказала: „Еще раз спасибо тебе за все. Я принимаю замок Пуболь, но при одном условии: без моего письменного приглашения ты здесь появляться не будешь“. Это условие польстило моим мазохистским наклонностям и привело меня в полный восторг. Гала превратилась в неприступную крепость, какой и была всегда. Тесная близость и, особенно, фамильярность способны угасить любую страсть. Сдержанность чувств и расстояние, как показывает невротический ритуал рыцарской любви, страсть усиливают.»

Дали лукавил. Объектом его страсти теперь была совсем другая женщина.

Замок Пуболь

XX
L'Amant Dali

В начале 70-х годов в мире моды, а после на небосклоне французской эстрады зажглась новая звезда. Аманда Лир была живым воплощением всего того, что так нравится сильной половине человечества и вызывает зависть у слабой. Высокая, идеально сложенная, сексуальная блондинка с пухлыми губами, Аманда очень скоро стала объектом поклонения и вожделения многих мсье и лесбиянок. Журналы с фотографиями Аманды, пластинки с ее песнями расходились, как горячие пирожки. Знатные и не очень толстосумы готовы были легко расстаться со своим состоянием за одну только возможность раздеть ее. Каково же было всеобщее разочарование, когда выяснилось, что дива… любовница престарелого художника Сальвадора Дали. Впрочем это была не единственная новость, связанная с белокурым ангелом.

Во время одного из своих интервью, склонный к эпатажу великий мистификатор объявил, что в недавнем прошлом красавица была… мальчиком.

Сотни потерявших покой и сон журналистов пытались распутать интригу, закрученную стареющим авантюристом.

«Заявление, сделанное господином Дали о транссексуальности Аманды Лир подтвердила звезда кабаре „Carrousel de Paris“ Эйприл Эшли (настоящее имя Джордж Джеймсон), – сообщали читателями таблоиды.

– Каждый вечер в течение месяца уважаемый дон приходил смотреть мои выступления. Я очаровала его настолько, что он предложил мне стать моделью его будущей картины „Обнаженный гермафродит“, но… Мне показалось это скучным и я посоветовала господину Дали переключить свое внимание на Алена».

То, что «малыш» наблюдал на сцене одного из самых известных клубов трансвеститов в мире, делало его по-настоящему счастливым. В то время как его друзья вытягивали свою порцию удовольствия из наркотиков, секса и алкоголя, Дали получал его здесь. На этом празднике жизни непостижимым образом смешалось все, чем занимался Сальвадор. Каждый раз, приходя сюда, художник видел причудливый сон, в котором мужчины перевоплощались в соблазнительных красоток, поражающих своей женственностью. В эксцентричности действа, бьющей в глаза яркости происходящего, блеске фальшивых

украшений, легком привкусе извращения и полной свободе самовыражения Дали видел составляющие Его величества сюрреализма.

> *«Ален Тап был студентом и выступал в нашем кабаре под псевдонимом Пеки Д'Осло, – откровенничала в интервью болтливая Эйприл. – Мальчик отлично рисовал и хотел сменить пол. Я слышала, как он рассказывал Дали об ублюдках, избивших его за нетрадиционную ориентацию на улице. После встречи с доном Сальвадором Ален появился в клубе еще несколько раз, а после исчез. От общих друзей я узнала, что Дали дал парню денег на операцию, а потом посоветовал провернуть аферу. Окрутив первого встречного парня, заново родившаяся „красотка“ вышла за него замуж, взяла себе новое имя и, уж не знаю каким образом, получила новенький паспорт с британским гражданством. Думаю, здесь тоже не обошлось без Дали. Над мальчиком неплохо поработали. Настолько неплохо, что он стал любимой девочкой-моделью Оззи Кларка».*

Слова Эйприл нашли подтверждение в регистрационном офисе Челси, где щелкоперы выяснили: «11 декабря 1965 года двадцатилетний студент Пол Морган Лир заключил брак с 26-летней моделью. Имя ее Аманда… Тап».

– Все написанное – чушь, – отмахивалась сама Аманда. – Эту байку придумал Сальвадор, чтобы в очередной раз удивить публику. – Я – стопроцентная женщина. Просто у меня слишком низкий голос. Когда я однажды спросила у Дали, зачем он запустил утку о том, что я – мужчина, он рассмеялся:

– Вам бы радоваться, ненаглядный дружочек мой. Ведь вы вызываете всеобщее любопытство и у вас появится куча новых поклонников. Вы – не девушка и не юноша. Вы – существо ангельской породы. Вы – архетип. А к вашему сведению я принадлежу к тем людям, которые выступают за смешение полов? Красота – это всегда греческий идеал, гермафродит, божественное существо.

История с дивой вызвала еще большую волну интереса к личности Дали.

> *«Художник конкурирует с самим Господом», «Новый проект Дали – Аманда», «Спит ли великий мистификатор с дружком-транссексуалом?», «Аманда Лир – имя, придуманное Сальвадором и уходящее корнями в словосочетание L'Amant Dali (любовница Дали)».*

Уже после смерти художника весь Париж, а со временем и весь мир читал воспоминания модели и певицы, в которых Аманда Лир подавала автобиографию совершенно под другим соусом.

Хорошенькой, девятнадцатилетней, желающей освободиться от родительского гнета Аманде, приходилось самостоятельно «взбивать сметану», чтобы выкарабкаться из нищеты. Увлеченная живописью (по утверждению Аманды, она неплохо писала картины) и литературой, девушка все-таки сделала ставку на модельный бизнес.

> *«Однажды в октябре я приехала в Париж, – вспоминала Лир – чтобы скрыться от других и от самой себя и… подружилась с директрисой модельного агентства Катрин Арле. Она предложила мне представлять коллекции Пако Рабанна».*

После очередного показа, Аманда в компании нескольких друзей отправилась отдохнуть и поужинать в ресторан «Кастель».

За соседним столиком девушка заприметила знакомых близнецов, моделей Джонни и Денниса Майерсов. Они то и пригласили ее присоединиться к веселому, шумному обществу, в котором, кроме них было еще человек пятнадцать. Среди прочих выделялся мужчина экстравагантной внешности с блестящими зачесанными назад волосами, подкрашенными черным карандашом усами и «мертвенными чертами лица».

– Это знаменитый художник Сальвадор Дали, – шепнул девушке на ухо Джонни.

> *«Дали был наполовину лыс, слегка толстоват. Я нашла его претенциозным и, что таить, смешным со своими навощенными усами и жилетом, расшитым золотом. Он потрясал при каждой фразе тростью с позолоченным набалдашником. Его окружение состояло из профессиональных „девственниц“ и педерастов жанра мальчиков-парикмахеров.»*

В этой компании Аманда чувствовала себя чужеродным организмом.

«Знаменитый художник» не спускал с нее глаз.

«У вас прекрасный череп и высококачественный скелет», – наконец разродился он довольно своеобразным комплиментом.

Существует и третья версия знакомства Лир и Дали, описанная Пако Рабанном:

> *«Однажды Сальвадор Дали, которого я встретил случайно в „Сент-Режи“ в Нью-Йорке, попросил меня, когда я вернусь в Париж, прийти показать ему в отеле „Мерис“ несколько платьев из пластика и стали из расчета на будущий фильм, который он собирался снимать. В назначенный день я прибыл в „Мерис“ со своими манекенщицами, среди которых была Аманда Лир. Дали казался очарованным (…) Представив модели, я вернулся к себе, оставив в отеле „Мерис“ манекенщиц, которых Дали пожелал пригласить на вечер вместе со своими фаворитами. На один вечер – не тут-то было! Аманда скоро была потеряна для моих коллекций.…»*

Со временем девушка стала частым гостем на посиделках, которые Дали и его «свита» устраивали в ресторанах или в одном из гостиничных номеров отеля «Мерис». Поначалу девушка была

немало шокирована скабрезным шуткам мистификатора, с трудом воспринимала и обижалась на его чудачества и просьбы, как например – одеть трико с оголенной грудью или отправиться в дом к одному из его друзей в вызывающей шляпке, изображающей челюсти акулы, украшенные розами.

Дали был самодоволен и, как будто, издевался над ней. Узнав, что Аманда «возится с кистями», художник заявил, что это ужасно. *«Заниматься живописью могут лишь талантливые люди, а талант – мужское качество.*

Талант содержится в сперме», – уверил белокурую красавицу Дали. В другой раз, обратив внимание на то, с каким аппетитом девушка есть зажаренную садовую овсянку, принялся рассказывать ей, каким способом ловят и душат этих птиц, чтобы приготовить и подать их к столу. Дали не пил кофе, не употреблял вина, в частности, и спиртных напитков вообще, был вегетарианцем и ненавидел когда кто-то ел мясо в его присутствии. Кроме того, художник слишком много болтал о сексе.

> *«Философия молодых „неформалов“ базировалась на свободной любви, сексуальной свободе и прочих антибуржуазных теориях. Однако некоторые выходки моих друзей меня шокировали. Мои родители воспитали меня в религиозном духе, и если я не соблюдала церковных обрядов, то по крайней мере сохранила понимание того, что такое грех.»*

Запавший на высокую блондинку, красавицу и умницу Аманду, художник стал приглашать девушку на дружеские обеды, на вечерний чай, на прогулки по парижским улочкам, в музеи, в поездки по Европе, на корриду и скачки. Модель отвечала согласием.

Ей, второй после Гала Дали признался, что больше всего на свете он боится не своих галлюцинаций, не фантазмов и злых собак, а… кузнечиков.

> *«Ребенком я восхищался кузнечиками и охотился за ними с моей тетушкой и сестрой, чтобы затем расправлять им крылышки, так напоминающие своими тонкими оттенками небо Кадакеса на закате. Однажды утром я поймал небольшую, очень клейкую рыбку, которую в наших местах называют „слюнявкой“. Я зажал ее в руке, чтобы она не выскользнула, а выглядывающую из кулака голову поднес к лицу, чтобы получше разглядеть. Но тут же в страхе закричал и*

отбросил „слюнявку“ прочь. Отец, увидев меня в слезах, подошел ко мне, чтобы успокоить. Он не мог понять, что меня так напугало. – Я… сейчас… – пробормотал я, – увидел голову „слюнявки“. Она… она точь-в-точь как у кузнечика… Стоило мне заметить сходство рыбы с кузнечиком, как я начал бояться этого насекомого. Неожиданно появившись, оно доводило меня до нервных приступов. Мои родители запрещали другим детям бросать в меня кузнечиков, а те то и дело нарушали запрет, смеясь над моим страхом. Мой отец постоянно повторял: – Удивительное дело!. Он так их раньше любил. Однажды моя кузина нарочно сунула кузнечика мне за ворот. Я сразу же почувствовал что-то липкое, клейкое, как будто то была „слюнявка“. Полураздавленное насекомое все еще шевелилось, его зазубренные лапки вцепились в мою шею с такой силой, что их скорее можно было оторвать, чем ослабить хватку. На миг я почти потерял сознание, прежде чем родители освободили меня от этого кошмара. И всю вторую половину дня я то и дело окатывался морской водой, желая смыть ужасное ощущение. Вечером, вспоминая об этом, я чувствовал, как по спине бегут мурашки и рот кривится в болезненной гримасе. Настоящее мучение ожидал меня в Фигерасе, где снова проявился мой страх. Родителей, чтобы защитить меня, не было, и мои товарищи радовались этому со всей жестокостью, свойственной своему возрасту. Они налавливали кузнечиков, обращая меня в бегство, и, конечно, я уносился как сумасшедший, но спастись удавалось не всегда. Мерзкий полудохлый кузнечик падал, наконец, на землю. Иной раз, раскрывая книгу, я находил вложенное между страниц насекомое, еще шевелящее лапками.»

Беседуя с художником, Лир понимала, что за маской клоуна скрывается глубокий, ранимый человек.

«Я и не думала влюбляться, – признавалась Аманда на странице своей книги. – *Он был несколько староват, чтобы заменить мне отца, которого я потеряла, но он, подобно моему отцу, действовал на меня успокаивающе и был так же авторитарен. Мне хотелось, чтобы он меня утешал и обучал. Он знал много таких вещей, которые хотелось бы знать и мне. Иногда мне казалось, что он умеет проникать в суть вещей, опережать открытия. Он походил на пророка Знания. И он меня смешил. Для*

меня, пришедшей из мира, привыкшего к серьезности, приехавшей во Францию из города, где я жила бедно, Дали был вечным источником развлечений. Его комичность часто была непроизвольной, но именно он открыл для меня радость жизни. Быть может, находясь около него, я научусь быть счастливой, я, считающая мир таким безобразным?»

> *«Каждый раз экстравагантная приятельница Дали останавливалась в гостинице Порт-Льигата, которая находилась в ста метрах от дома мэтра, – вспоминал Питер Мур – Она звонила и радостно сообщала:*
>
> *– Я вернулась!*
>
> *Почти все время Аманда проводила растянувшись в шезлонге у бассейна, в микроскопическом бикини. Об отъездах Галы ни Дали, ни я ей не сообщали. Мы так и не узнали, кто же был осведомителем, – вспоминал Питер Мур.*
>
> *Однажды, через несколько дней после очередного появления Аманды (как всегда, неожиданного), Дали попросил меня зайти к нему в мастерскую, чтобы побеседовать о чем-то лично. Аманда позировала ему в длинной набедренной повязке, и ничто не прикрывало ее великолепную грудь.*
>
> *– Не обращайте внимания на Капитана, – сказал Дали, когда я вошел, – он привык к обнаженным натурщицам, он их даже не замечает. К тому же без очков он ничего не видит.»*

На одну из посиделок Дали притащил с собой жену. До сих пор большую часть своего времени Гала проводила в Нью-Йорке, Париже, Бельгии, регистрируя картины и улаживая дела своего мужа.

> *«Она была сухощавой, с узкими плечами и широкими бедрами. Одетая в красный бархатный костюм, она показалась мне очень молодой. У нее была точно такая же прическа, как на тех полотнах, где Дали изображал ее в образе Мадонны. Тяжелый узел волос был подхвачен черным бархатным бантом, подаренным Коко Шанель. Вплоть до смерти Галы в 1982 году я ни разу не видела, чтобы она была причесана по-другому. Она носила на шее колье из фальшивых камней, сквозь которые был виден белый воротничок ее блузки. Эта первая встреча с Гала повергла меня в трепет. Она сверлила меня своими блестящими глазками, пронзала взглядом, которым, по*

словам Дали, можно было пробить стену. Впрочем она все-таки меня поприветствовала и пожала мне руку со словами: „Добрый день, дорогая“.

Галарина была уже наслышана о новом увлечении мужа и происходящее приводило ее в ярость».

– Я отдала тебе большую часть своей жизни, – упрекала русская девочка, круша все на своем пути. – Теперь же, когда я постарела, ты решил выбросить меня на свалку. Выражение гнева, звон разбитой посуды и обиды оставались в недрах их семейного дома. Выходя на публику, Гала ослепительно улыбалась журналистам и обнимала Аманду. Они вместе шли в ресторан, вместе – в кино, вместе – на выставку.

Приближенные к чете Дали утверждали, что Гала никогда не позволяла себе семейных сцен в публичных местах. В отличие от Сальвадора.

– Ненавижу русских! – кричал во всеуслышанье рассерженный на улыбающуюся и невозмутимо потягивающую кофе супругу.

Лишь, возвращаясь в свой замок, Галючка развлекалась тем, что вырезала «лицо» соперницы из всех размещенных в газетах снимках, где они были сфотографированы втроем. Присущая русской девочке сдержанность с годами, а особенно после появления другой женщины в жизни ее «малыша», стала изменять своей хозяйке.

«После домашней колбасы на закуску последовал шедевр Пакиты, поварихи: омар в шоколаде(…) Контраст соленого и сладкого был так притягателен, что я несколько раз брала себе добавку. Гала краешком глаза следила за мной.

– С ума сойти, сколько она ест! – заметила Гала – нужно будет в следующий раз спрятать от нее съестное, иначе нам ничего не достанется(…) Я ответила, что оценила ее кухню и взяла добавку из вежливости.

– Из вежливости? Какая наглость! Кто бы мог подумать! Она приходит к нам в таких коротких юбках, что когда наклоняется, можно разглядеть ее нижнее белье, и она еще говорит о вежливости!

От ее инквизиторского взгляда, казалось, было трудно укрыться. Да, я как будто сдавала вступительный экзамен. Попивая кофе, разведенный водой, она продолжала сверлить меня глазами и время от времени задавала мне вопросы. Дали, которого, казалось,

забавляла эта очная ставка, указывал ей на то, какие у меня длинные волосы, нежные руки, заставлял ее заметить кольца, которые я носила. Он в этом явно переусердствовал, хотя его неловкость была трогательной. Можно было подумать, что он продает меня с аукциона.

Уязвленная всем происходящим, Гала сказала:

– Да, она очень красива. Как все девушки с обложек.

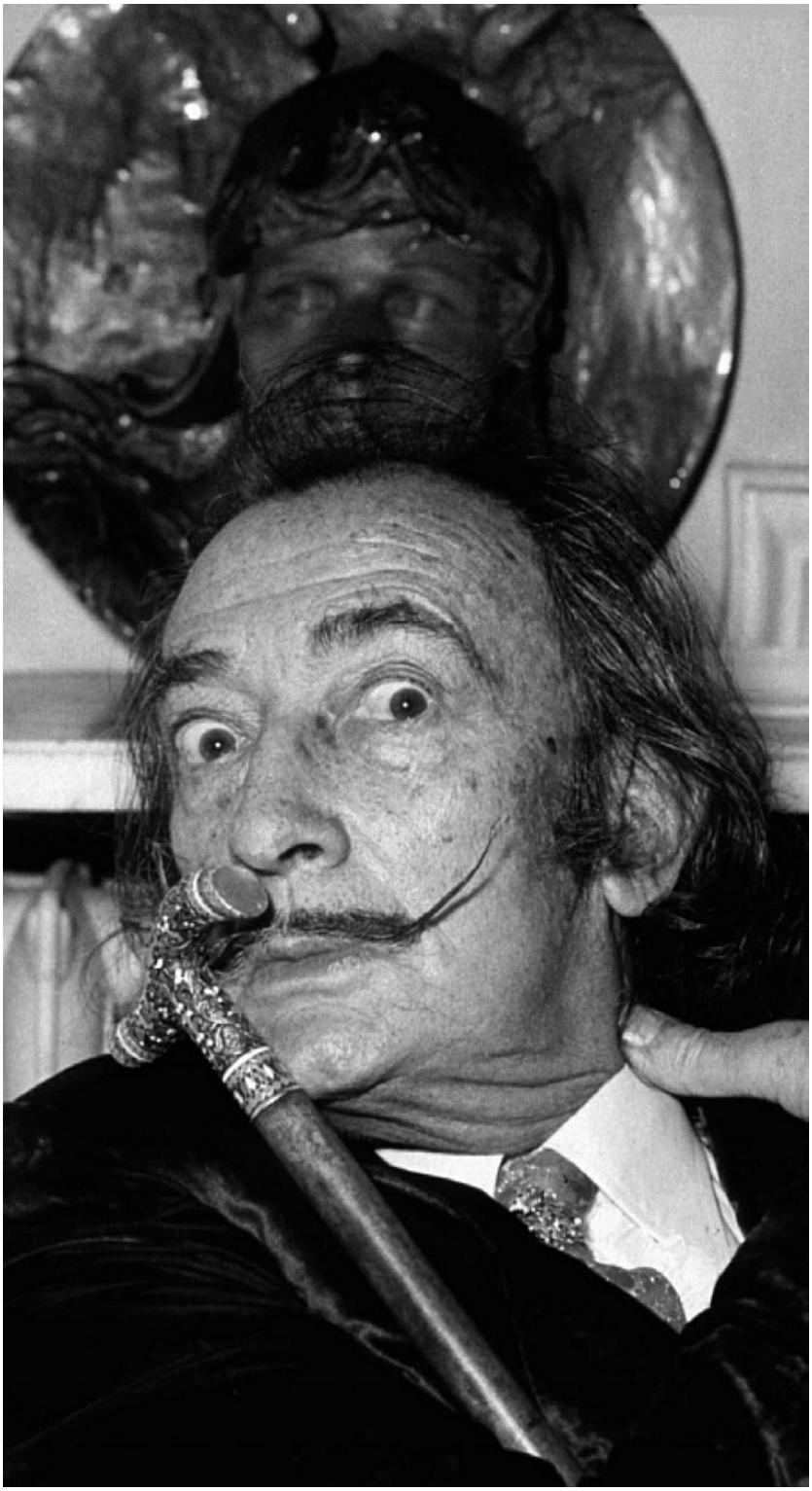
– Да нет, она не такая, ты увидишь, Гала; она интеллигентна, чувствительна, ты увидишь, моя маленькая olivona (Дали часто называл свою жену этим уменьшительным именем, которое обозначало „оливковое деревце“). Да и потом, – продолжал он, – у нее есть красавец-жених, настоящий английский принц, он тебе понравится, Галюшка, ты увидишь… Кстати, когда ваш жених возвращается в Париж? обратился он ко мне.

– Скоро, – ответила я.»

«В течение всей зимы, проведенной вдали от него, я думала о наших отношениях. Дали казался влюбленным в меня. Или он только делал вид, извлекая выгоду из моего присутствия, потому что я казалась ему наиболее интеллигентной из его придворных? Может быть, я просто подвернулась ему под руку как раз в тот момент, когда Гала, утомленная светским образом жизни, захотела немного побыть одна и предоставила его моему обществу? Но чего он хотел от меня? Я не собиралась выйти за него замуж, я не намеревалась даже спать с ним. Да и что бы я извлекла из этого? Он не осыпал меня подарками, не давал мне денег. Наоборот, я тратилась, чтобы сопровождать его. Да стоило ли вообще находиться рядом с ним? Он был жесток со своими друзьями, властен со мной. К тому же он символизировал собой многие вещи, которые я ненавидела: деньги, роскошь, условности, рутину, иногда фашизм, часто лицемерие. Даже его гениальность меня не привлекала. Конечно, я ценила его картины, но далеко не все. Я не прочитала ни одной его книги, и его теории часто казались мне искусственными. Фактически у меня не было причин видеться с ним. Конечно, если я не была влюблена в него.»

Только такому великому мистификатору и авантюристу, как Дали удавалось убить нескольких зайцев одновременно. Своим поведением он привлекал к себе внимание окружающих, оставался предметом живого интереса журналистов, увеличивал

спрос на продукцию, выпускаемую под маркой «Дали», заставлял думать о себе прехорошенькую юную барышню, вызывал ревность, а вместе с ней желание рвать, метать и… жить у 70-летней Галючки.



Сальвадор Дали в начале 70-х гг.

XXI
Послевкусие любви

– Ваш супруг пригласил Аманду жить вместе с ним, в вашем же доме.

– Дона Дали обвиняют в неуплате налогов.

– О господине Дали пишут, будто он извращенец и, останавливаясь с любовницей в отелях, подглядывает за ней, когда она обнаженная купается в душе. Взгляните, этот снимок, где он любуется на девушку, опубликовали в американской газете…

Последний управляющий делами хозяина приобрел яхту и дом в Мадриде всего за полгода работы у нас.

(Несколько лет управляющим делами Сальвадора Дали работал человек по имени Питер Мур. Проницательная Гала сразу невзлюбила его и не ошиблась. Бессчетное количество раз русская девочка предупреждала мужа о том, что Мур не чист на руку, но Дали только посмеивался. Уже после смерти Галючки, художник убедился в правоте ее слов… Питер Мур ответил «злой старухе» взаимностью, когда писал свои «воспоминания» и наживался на своем покровителе.)

– Вчера Аманда и Дали были на юбилее у Сержа Гинзбура, а сегодня планируют поехать на какую-то выставку.

– Господин Дали просит вас разобраться, стоит ли ему принимать то снотворное, которое прописал врач.

Почти каждый день Пакита и Артуро докладывали Гала о том, что происходит с ее мужем, не забывая упомянуть мельчайшие подробности жизни Дали, о которых он никогда не рассказывал ей по телефону. В ее отсутствие Сальвадор постоянно попадал в какие-нибудь передряги. Вот он с кем-то судится, вот ему отказали в американской визе, вот его опять обокрали. А Аманда… Что может сделать этот, по существу, ребенок? Достаточно того, что она вдохновляет «малыша», заставляя его чувствовать себя счастливым.

Галючка давно смирилась с тем, что рядом с Дали не она, а другая, которая, надо признать, красивее и моложе ее. К тому же, в сложившейся ситуации было немало положительных моментов. Дали не только развлекался, но и продолжал творить. Ему нужно было появляться на встречах, заключать контракты и Галючке было гораздо спокойнее, когда она знала, что мужа сопровождает Аманда. У нее самой нет больше сил мотаться по званым обедам, улыбаться, растрачивать себя на бухгалтерию, организацию

выставок. Эта девочка заменит ее. Вот и на юбилей Гинзбура Гала, к счастью, не пришлось тащиться. Он такой отвратительный, этот Гинзбур! Все-таки, она, Галючка, мудро поступила, сменив гнев на милость и сделав первый шаг к примирению. Это случилось как раз накануне праздника Святой Богородицы.

«Гала, вдруг, спросила меня, – вспоминала Аманда – когда я собираюсь приехать еще раз. Я об этом не думала.

– Неужели? Вы не знаете? Я должна уехать на несколько дней в начале сентября. Я вам оставляю Дали. Вы приедете сюда в вашей короткой юбке, с вашей корзинкой и составите ему компанию. И ешьте поменьше, а то станете такой же толстой, как вот это (она показала на голову Носорога, весьма довольная своим сравнением). Да не смейте трогать Артуро. Он мой. Вам должно хватить Дали. Можете развлекаться с ним, сколько угодно…

Артуро, стоявший в своем углу, ожидая того, когда можно будет убирать со стола, засмеялся».

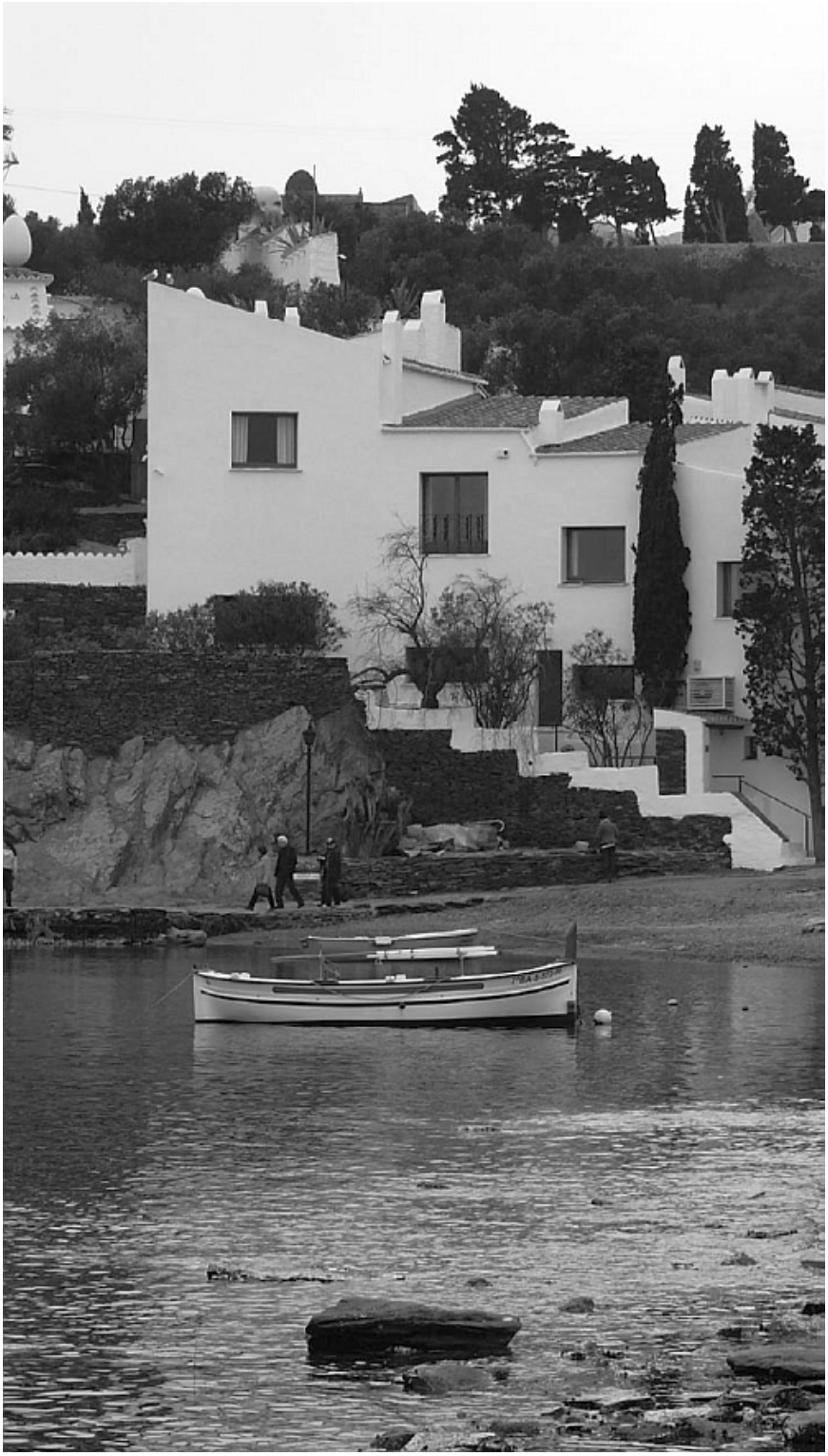
Отчасти, благодаря Аманде, Галючка могла наслаждаться безмятежной жизнью, о которой так давно мечтала. Все увлечения мужа в конечном счете приносили ей выгоду. Картины, ювелирные изделия, кино, дружба Дали с Коко Шанель и Эльзой Скиапарелли, Мэй Уэст.

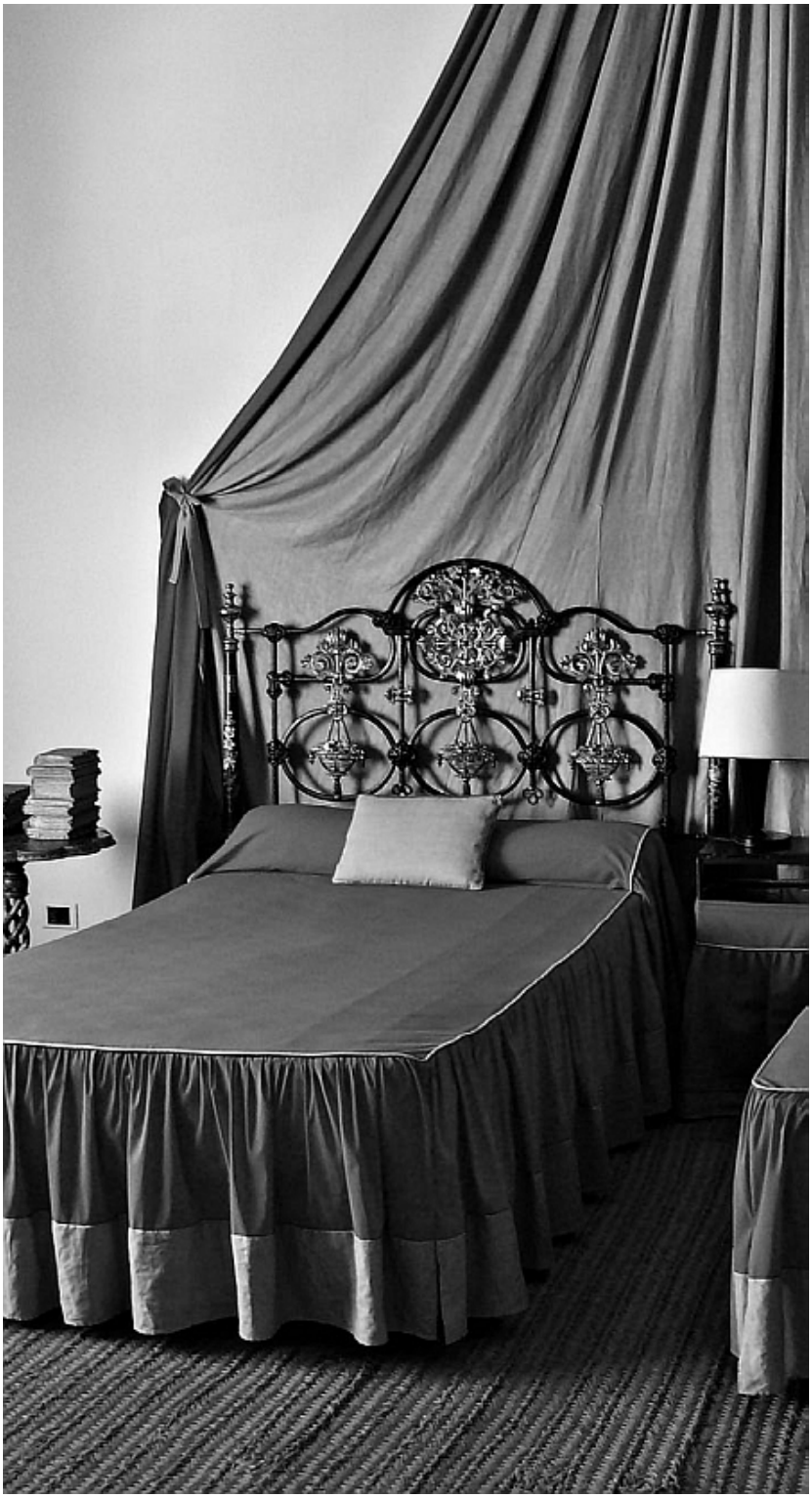
Актриса, сценарист, продюсер, эта невысокая блондинка с низким голосом, сдобными формами и фривольными манерами сводила с ума обоих мужей Гала. Но если Поль обожал ее за сексуальную энергию, которую излучали все киногероини этой дивы, то Дали в большей степени ценил в Мэй ее склонность к эпатажу. В этом они оба – художник и актриса – преуспели, как никто другой. В то время, как искусство Сальвадора ненавидели сторонники так называемой традиционной живописи, Уэст подвергалась критике со стороны обществ по борьбе за нравственность. Ее поведение осуждала церковь, чопорные дамы и закомплексованные маменькины сынки. Осуждение это только подогревало любовь к актрисе публики. Так, в 1926 году Мэй написала, спродюсировала и поставила пьесу со смелым для того времени названием «Секс». Идущий в театре каждый вечер, спектакль собирал немыслимое количество народа. Всем хотелось посмотреть, как актриса, облаченная в прозрачную рубашку, будет садиться на колени к своему любовнику. Блюстители морали потребовали полицию наказать развратницу и растлительницу душ и Мэй была вынуждена отбыть 12 дней

тюремного заключения. Ущемление своей свободы Мэй восприняла, как вызов и, не долго думая, поставила новую пьесу в трех актах – теперь о гомосексуальной любви. На «радость» маменькиным сынкам и старым девам на сцене теперь плясали сорок мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации. «За что я должна их ненавидеть? – восклицала Мэй – За то, что они хотят быть похожими на меня?» Очарованный выходками взбалмошной дивы, ее взял под свое крыло Голливуд и она продолжила эпатировать публику своими киноролями. Теперь Мэй бредили не только увлеченные театралы, среди которых были Элюар и Дали. Плакаты с ее фотографиями расклеивали в солдатских казармах, именем актрисы называли парашюты, спасательные пояса, военную технику. Пользуясь любовью публики к Уэст Эльза Скиапарелли и Сальвадор Дали создали флакон для духов, напоминающий своей формой фигуру Мэй. А в 1937 году Сальвадор создал знаменитый алый диван, повторяющий форму губ актрисы. И то и другое изобретение в итоге принесло немалые деньги художнику, а следовательно – Гала.

Примечательно, что диван для Мэй Уэст не был последним опытом в создании Дали мебели. Художник придумал необычные скамьи и столы для своего сада, а также разработал дизайн ночного клуба отеля «Президент» в Акапулько в форме морского ежа (любимое лакомство Дали с детства), и проект бара в Калифорнии. Размышляя над мебелью, Сальвадор уделял внимание каждой детали, включая ручки и замки.

Чем старше становился художник, тем больше его работа отходила на второй план. Желая развлечений, Дали продолжал окружать себя смазливыми мальчиками и девочками, водил их по дорогим ресторанам и в конце концов устроил обитель порока в их с Галючкой уютном, так много пережившем доме в Порт-Льигате.





– Тяга вашего мужа к веселью – это попытка заглушить страх старения и смерти. Таким образом господин Дали успокаивает себя, – объяснял Гала мудрая Пакита. И русская девочка сдалась. Сквозь пальцы смотрела она на отнюдь не целомудренные развлечения мужа, терпеливо слушала его болтовню о сексуальных приключениях, когда «в *юности его пытался соблазнить Лорка, а потом они с Пабло Пикассо, уже будучи женатыми мужчинами, ходили по субботам в бордель»*… Все это не могло продолжаться бесконечно. При виде льстивых нахлебников и извращенцев, окружавших ее мужа, Гала раздражалась все больше и уже с трудом сдерживала свой гнев. Не желая обидеть чувствительного, напоминающего ей капризного ребенка Сальвадора, русская девочка каждый раз придумывала предлоги, которые дали бы ей возможность улизнуть из этого театра абсурда. Обретая свободу, она возвращалась в Пуболь, где ее встречали пустые белые стены, книжные полки. Только въехав в замок, Гала потребовала у Дали забрать отсюда все яркое, блестящее, вычурное. Эта келья должна была соответствовать представлениям Галючки об уюте и простоте. Скромная кровать, несколько цветных подушек, кресла с белой обивкой, картины, библиотека, сверху донизу забитая книгами, многие из которых были на русском языке. Оказавшись на расстоянии от мужа, его кутежей, бессонницы, страхов и причуд, Гала впервые за долгие годы почувствовала себя свободной. Это сладкое слово вновь маячило у ее порога. Нужно было как можно приятнее провести отпущенные ей Господом годы. И Елена Троянская не растерялась. У папарацци, выслеживающих мадам Дали, глаза лезли на лоб.

> *«Супруга художника Дали в который раз посетила клинику, специализирующуюся на омоложении», «Гала Дали рассказала о только что сделанной подтяжке в центре пластической хирургии», «Русская жена испанского художника нашла себе молодого любовника», «Прекрасная Галарина рассталась со своим бойфрендом, потеряв всякую надежду вылечить его от наркомании», «Пока Дали проводит время с белокурой Амандой, его жена продюсирует своего нового поклонника-музыканта».*

Такой старости мог позавидовать кто угодно. В свои семьдесят четыре года Гала каждое утро принимала холодную

ванну и пила витамины, самостоятельно водила машину, собирала коллекцию украшений в виде пчел и картины, писала дневник, сорила любовными письмами. Б семьдесят шесть лет у Елены Троянской все только начиналось. Она крутила романы с молодыми людьми, отдавая предпочтение тем, кто внешне напоминал ей Дали, каким он был тридцать пять лет назад. Среди увлечений Гала фигурировал двадцатипятилетний Джеф Фенхолдт, американский исполнитель главной роли в рок-опере Вебера и Райса «Иисус Христос-суперзвезда». Увидев актера (по воспоминаниям современников парень был довольно посредственным артистом) на концерте и краем уха услышав, как молодой человек представляется журналистам «божественным источником», русская девочка, словно сошла с ума.

«Гала считала его красивым и восхищалась его талантом, – вспоминала Аманда Лир. – *Он постоянно ей плакался: у него не было студии грамзаписи и он собирался уйти от жены. Когда Джефу требовалось играть и петь – и все это посреди ночи – Гала безропотно терпела этот Содом».*

Однажды Джеф предложил ночь любви… Аманде. Рассказав об этом Дали, девушка услышала

– Я вас прошу, не говорите ничего Гала. Она будет слишком разочарована, бедняжка! Она строит слишком много иллюзий по его поводу… Ей нравится выходить с ним, и я не хочу, чтобы она знала об этой маленькой измене.

Уильям, Джеф, Барри. У каждого из них, престарелая дива находила какой-нибудь талант. Одному она предрекала блестящую актерскую карьеру, другому – место на музыкальном Олимпе, третьему – славу литератора. Однако, Галарина не ограничивалась обещаниями. Благодаря своей «бабушке», ее приятели получали все, чего требовало развитие их таланта: деньги, автомобили, музыкальную аппаратуру, связи. В ответ мальчики подпитывали Галючку молодостью, и энергией, как Аманда – Дали.

– Господин Дали как вы относитесь к приятелям Вашей жены? – интересовались журналисты у художника.

– Я разрешаю Гала иметь столько любовников, сколько ей хочется, – как ни в чем не бывало хихикал Сальвадор. – Я даже поощряю ее, потому что это возбуждает.

И все-таки, в ее русской душе зияла пустота, которую невозможно было заполнить деньгами, вещами, альковными играми. Она тосковала по дружбе, по искренности по бескорыстному к ней отношению. Когда-то все это дарили ей Поль и Анастасия Цветаева. Она и сегодня ясно видела перед собой теплый весенний вечер, бегущую ей навстречу Настеньку,

«Аську», как она когда-то ее называла, слышала ее звонкий, заливистый смех. Легкие, счастливые они сидели у реки, болтая ногами, а на обратном пути ели купленную в московской кондитерской косхалву и обрывали ветки пушистой вербы.

В какой-то момент все это показалось неважным. Нужно было выживать… Вот почему Гала стала отдавать предпочтение общению с состоятельными и «полезными» людьми. Мир ответил ей тем же. Теперь «полезной» была она и ее бессовестно использовали. Таким же «avida dollas» было и окружение ее мужа. Гала презирала абсолютно всех, кто входил в число приближенных Сальвадора. В этом вопросе Аманда была солидарна с Галариной.

«Он упивался враньем и лестью, – писала Аманда о Дали. – *„Чем больше мне врут, тем больше я очаровываюсь“, – говорил мне художник. И ему врали от чистого сердца. Я бы с удовольствием открыла глаза Дали на этих самозванцев, крикнула бы ему, что он заслуживает лучшего. Но Сальвадор обожал это. В расчет шло не качество, а количество. Чем больше было придворных, тем больше он походил на короля».*

> *«Думая о нем, я не могу простить ему, несмотря на воспоминания молодости и мое сегодняшнее восхищение некоторыми его произведениями, его эгоцентризм и выставление себя напоказ, циничную поддержку франкистов и в особенности откровенное пренебрежение чувством дружбы,* – *признавался Луис Бунюэль.* – *Несколько лет назад в одном интервью я сказал, что хотел бы перед смертью выпить с ним по бокалу шампанского. Он прочел это и ответил: „Я тоже. Но я больше не пью.“»*

Стояла теплая осень. Выкрашенные известью дорожки, ведущие к замку Гала в Пуболе были усыпаны ощетинившимися, еще не успевшими освободиться от зеленых кафтанов каштанами. Гала лежала на диванчике в гостиной, нацепив на нос очки и уткнувшись в истрепанный томик Достоевского.

– Вы кого-то ждете в гости, мадам? – поинтересовалась Пакита, которая приехала хлопотать по хозяйству. В холле – девушка. Сесиль ээээ… Сесиль…

Гала похолодела. Что-то внутри нее вздрогнуло и… окаменело. Она так хотела искренности, дружбы. Но она так и не научилась быть матерью для той, кто ожидал ее внизу. О чем они будут говорить? Оправдываться? Увольте.

Спрятавшись за занавеской, Гала с настороженным любопытством наблюдала, как чужая женщина, вошедшая во двор

замка, покидала его. Ее дочь – чужая женщина. Им незачем встречаться. Скрипнули и закрылись ворота. Елена сжалась в комок, чувствуя себя гадкой и ничтожной.

«Дочь любит тебя ностальгически, – вспомнила Гала строки из письма покойного Поля. – *Многие годы Сесиль была очень одинока. Она, сдержанная от природы, плачет всякий раз, когда кто-то говорит о тебе. Но ты не переживай, моя маленькая. Ты можешь все уладить, если напишешь ей нежное письмо и пришлешь что-нибудь, чтобы она знала, что ты думаешь о ней».*

Мать так и не написала Сесиль. Ей, по прежнему, нужен был только… ее «малыш»

Роман Дали с Амандой был в самом разгаре. По заверениям Лир, она никогда не была любовницей великого мистификатора, хотя о сексе маэстро говорил чаще, чем нужно и всячески ухлестывал за молоденькой фавориткой. По утрам Дали оставлял Аманде любовные записочки рядом со столовыми приборами, лежащими на накрытом для завтрака столе. Заметив красивую ленточку в ее волосах или носовой платочек в руке, Дали тут же забирал вещь «на память».

«Я уже неоднократно замечала его фетишизм. Он заботливо сохранял мою старую соломенную шляпу и мои разрисованные сапоги», – писала Аманда в книге воспоминаний. Дали был увлечен не на шутку. Он шептал девушке «люблю» и, будучи женат на Гала, даже предложил Аманде… выйти за него замуж.

– Я не хочу выходить за вас замуж. Я хочу быть вам, как сестра, – отнекивалась Аманда.

– Вам это уже удалось, – целуя девушку в щеку, шептал Дали.

Влюбленность в Аманду ничуть не умаляла любви к Гала. Для Дали жена оставалась самым главным и необходимым человеком, не видя которого продолжительное время, он начинал задыхаться. Путешествуя, обедая, рассматривая картины с Амандой, Сальвадор все время вспоминал свою Галючку.

> *«Как только она появляется, он становится более церемонным, более спокойным. Он всегда готов ей услужить и никто ему больше не нужен»,* – писала Лир.

Аманда ошибалась. Дали были жизненно необходимы обе женщины. Одна, как мать, менеджер, опора, советчица. Другая, как весенний ветер, как тонкий аромат цветущих яблонь, дурманящий голову. Все вместе придавало художнику сил и поддерживало его желание творить. Сальвадор по-прежнему писал картины, лепил из воска, рисовал иллюстрации для книг, создавал эскизы для ювелирных изделий и упорно шел к достижению мечты всей своей жизни – созданию музея. Занятая

модельной и музыкальной карьерой, уезжала в Мюнхен Аманда, погружалась в чтение, укрывшаясь от посторонних глаз Галючка, опускался занавес в эротическом театре. Сталкиваясь лицом к лицу с одиночеством, Дали вспоминал о конечности своего существования, об отсутствии наследников. Его дети – его картины, книги, эскизы, наброски должны были обрести свой дом прежде, чем он оставит этот бренный мир.

XXII
Храм на руинах

Возводя в мечтах храм созданного им искусства, Дали возвращался к истокам, в город своего детства Фигерас.

> *«Где же еще, как не в моем городе должны сохраниться и жить в веках самые экстравагантные и фундаментальные из моих работ», – писал Дали.*

Здесь жила и похоронена мама, в этой церкви его крестили, а в здании муниципального театра, которое располагалось прямо напротив церкви, прошла его первая выставка. Время не пощадило театр. Во время гражданской войны его стены были разрушены почти до основания. Руины облюбовали крысы. С появлением здесь рыбного рынка, этих серых, отвратительных разносчиков чумы стало еще больше. Художнику понадобилось несколько лет, чтобы добиться реконструкции дорогого его сердцу здания. Идею Сальвадора создать музей поддержал… диктатор и фашист Франко.

В молодые годы шокировавший своими высказываниями о любви к гитлеризму коллег-сюрреалистов, постаревший Дали открыто поддерживал франкистский режим. Теперь он не оправдывался, прикрывая свою позицию высказываниями о черном юморе. Б 1956 году Франко принял художника в Эль-Прадо. В 1969 году, отвечая на вопросы журналиста Антонио Олано, Дали утверждал:

> *«Я всегда был анархистом и в то же время монархистом. Истинная культурная революция – это реставрация монархических принципов. Монархическая традиция – это изменение и возобновление, в живописи она выражается в использовании ультрафотографической техники». «Восстановление Монархии в Испании – это большой шаг вперед, который мог сделать только Франко, благодаря своему великолепному политическому инстинкту» или «Одно из главных событий моей жизни – это Генералиссимус Франко […]. Я глубоко восхищаюсь Генералом Франко, возродившим Испанию. Он добился для страны великого экономического процветания». Кроме того Дали во всеуслышанье озвучил свою мечту: написать портрет внучки Франко.*

Интервью такого рода, данные Дали приводили режиссера Луиса Бунюэля в бешенство. В который раз, ради своих интересов Дали предавал все, что было свято для их тройственного, университетского, дружественного союза. Великий гений шел к славе, стараясь не замечать того, что ему замечать не хотелось. *Для* пережившего войну, ставшего свидетелем многочисленных убийств Бунюэля война с фашистами продолжалась. Он описывал ее в своей книге:

> *«Франко все продвигался вперед. Некоторые города и деревни оставались верны Республике, другие сдавались без боя. Репрессии фашистов были безжалостными. Расстреливали всякого подозреваемого в либерализме. Пока мы, вместо того чтобы любой ценой объединиться, делать это как можно скорее в предчувствии борьбы, которая обещала стать смертельной, только теряли время, анархисты преследовали священников. Однажды прислуга говорит мне: „Спуститесь вниз, там на улице, справа, лежит убитый священник“. Даже будучи убежденным антиклерикалом, я не мог одобрить такую жестокость.»*

Испанцы, среди которых были друзья, соседи, поклонники творчества Дали не смогли простить художнику предательства.

> *«Во время гражданской войны в Испании, он много раз высказывал свои симпатии фашистам. Дали предложил фаланге создать довольно экстравагантный мемориальный памятник. Речь шла о том, чтобы собрать воедино кости всех погибших на войне. Он предлагал поставить на каждом километре по пути из Мадрида в Эскориал цоколи с настоящими скелетами на них. По мере продвижения к Эскориалу скелеты становились бы все крупнее. Первый, по выезде из Мадрида, был бы размером в несколько сантиметров, последний – в Эскориале – достигал бы трех-четырех метров», – писал Бунюэль.*

В своей книге Аманда Лир подтверждала, что Дали был не только фашистом, но и расистом. Кроме того, он получал особое удовольствие, рассказывая, как его помощник Артуро разбивал головы только что родившихся котят о стену. Аманда так и не смогла понять, как в этом человеке уживаются такая жестокость к живым существам и проповедуемое им вегетарианство.

Театр-музей Сальвадора Дали в Фигерасе

Как бы там ни было, во многом, с легкой руки Франко Испания обрела жемчужину сюрреалистического искусства – пятиэтажное здание, с башней, увенчанной гигантскими яйцами и «усыпанной» вкраплениями из булочек. Сердцем музея стал его прозрачный сферический купол. Художник признавался, что эскиз купола он рисовал дольше, чем создавался музей. По замыслу великого мистификатора, купол «красноречиво подтверждает наличие других миров, которые существуют… на земле». Много лет спустя придуманный и воплощенный в музее купол стал символом города Фигераса.

> *«Я хочу, чтобы мой музей был монолитом, лабиринтом, огромным сюрреалистическим объектом. Это будет абсолютно театральный музей. Приходящие сюда будут уходить с ощущением, будто им привиделся театральный сон» – описывал мечту всей своей жизни Дали.*

Открытие «Кинетической часовни» (именно так назвал Сальвадор свой музей), состоялось в сентябре 1974 года. Помимо творений самого художника, в музее было представлено несколько работ Аманды. Поддерживая девушку под руку, постаревший, но сияющий художник смотрел, как собираются на торжество нарядные гости.

> *«Гала прибыла из Пуболя в компании своего „Иисуса Христа“, – вспоминала Лир. – Супруги встретились в ресторане, перед тем как отправиться вместе в музей. После речей мэра и Дали толпа ринулась в музей. Это была беспрецедентная толкучка. Друг Галючки остался где-то позади, и Дали успокаивал жену, истерично зовущую: „Джеф, Джеф!“*
>
> *Официальные лица и авторитетные особы задержались в „зале сокровищ“, где были выставлены самые ценные полотна Дали, такие как „Корзинка с хлебом“, и т. д. (…) Центральный зал музея был увенчан куполом Пинеро (Пиньо), которому было не суждено увидеть триумф своего творения, – несчастный архитектор погиб в автомобильной катастрофе.»*

«Кинетическая часовня» стала своего рода подведением итогов. Здесь было все, что могло поведать о жизни и творчестве гениального художника.

«Дали сохранил фасад здания, построенного в 1840 году в неопаладианском стиле, но переделал интерьер, пишет журналист Доминик Бона – Под отливающим цветами радуги куполом целая система галерей днем образует переплетение световых дорожек. Музей – это лабиринт из темных, разных по размерам комнат, где можно затеряться и ходить ко кругу. В центре, там, где раньше была сцена, портрет Гала („Леда с лебедем“) как бы образует алтарь. Тяжелые массивные шторы из красного бархата воссоздают ощущение театра. В этом необычном пространстве, больше похожем на Диснейленд, караван-сарай, пещеру Али-Бабы и Вавилонскую башню, чем на музей „Прадо“ и Лувр, художник разместил некоторые из своих сокровищ, самых значительных и самых бессмысленных: биде из борделя „Ле Шабанэ“, который якобы посещал Эдуард VII (Дали отыскал его в антикварном магазине); диван в форме губ Мэй Уэст, „дождливое такси“ лондонской сюрреалистической поры (один из его старых „кадиллаков“, из которого идет дождь лишь после того, как опустишь монету в пять песет); саркофаг на печатных платах; кровать в стиле Наполеона III, наиневероятнейшая, в форме ракушки, поддерживаемая четырьмя дельфинами. Со всем этим „далийским хламом“, к которому добавляется мольберт Майсонье, голова Греко, мебель Гауди, картина Бугро и гравюры Пиранезе, соседствуют его самые красивые картины: „Великий мастурбатор“ (1929), так раздражавший Андре Бретона, „Призрак сексапильности“ (1934), „Мягкий автопортрет с кусочком поджаренного бекона“ (1941) и портрет Гала с обнаженной грудью, названный „Галарина“ (1945). Там есть также „Cesta de pan“ („Корзинка для хлеба“) и незаконченная картина, для которой позировала Аманда Лир – „Анжелика и дракон“.

„В машине, – вспоминала Аманда – истощенный своим триумфом, Дали пошутил:

– Итак, дело сделано! Самое забавное, что ваши коллажи имели больший успех, чем все безделушки музея! Их смысл люди поняли быстрее всего. Для остального нужно время…“»

XXIII
«Я могу без тебя… Я не плачу»

В том же, 1974 году, по достижении художником семидесятилетнего возраста, здоровье Дали значительно ухудшилось, сердце износилось. В нем трудно было узнать того худенького, черноглазого юношу из рыбацкого поселка. Теперь перед Гала сидел смешной старик в расшитом золотом, театральном кафтане, с остатками роскошной шевелюры, слезящимися глазами, раз за разом впадающий в депрессию. Левая часть его тела стала непослушна и малоподвижна. Дали упрямился, скандалил, катался по полу, плакал. Все хлопоты о муже взяла на себя прекрасная Елена Троянская. Распрощавшись со своими многочисленными поклонниками, включая любимчика Джефа, Гала кормила, мыла, одевала Дали, заставляла Сальвадора принимать лекарства. Уход за «малышом» давался русской девочке нелегко. К тому времени Галючке исполнилось 80 лет. Измученная капризами больного мужа, «злая старуха» (так называли Гала модели Дали) звонила Аманде и рыдала в трубку:

– Как я хочу отдохнуть. Но Дали не отпускает меня ни на минуту. Я даже не могу пойти в парикмахерскую. Я так больше не могу.

Врачи, осматривавшие Дали хмурились и качали головами. Дикие, бессмысленные крики художника уже никто не

расценивал, как способ привлечения внимания. Просыпаясь от мучивших его кошмаров, Сальвадор первым делом звал свою Галатею, Елену Троянскую, свою девочку.

«Если Гала исчезнет, никто не сможет мне заменить ее, – жаловался Дали одному из своих старинных приятелей Луису Пауэлсу. – Никто не может претендовать на ее место. Я останусь один». Больше всего на свете Гала и Сальвадор боялись стать свидетелями смерти друг друга. Стоя на коленях, Гала умоляла мужа пообещать, что он поможет ей уйти первой.

> *«Закрывая глаза в последний раз, я хочу видеть тебя живым».*

Много лет подряд русская девочка хранила в тайнике стенного шкафа ампулу с ядом. Мягкие часы медленно, но неуклонно стекали в вечность. Аманда чувствовала, как привязывается к ней Гала. Теперь, уезжая на гастроли и показы, девушка слышала:

– Возвращайтесь скорее. Мы с Дали очень любим вас, вы это знаете.

Дела белокурого ангела шли в гору. Любовная связь и сотрудничество с Дэвидом Боуи, разошедшийся огромными тиражами по всему миру музыкальный альбом «Sweet Revenge», коммерческий успех, покупка квартиры, машины, новые друзья отдаляли Аманду от ее учителя, наставника и друга Дали. Елена Троянская опасалась того, что Лир – источник, из которого Сальвадор черпал свет и жизненную энергию, исчезнет. Галючка требовала от девушки гарантий:

> *«Указав на икону Казанской Богородицы, Гала попросила:*
>
> *– Поклянитесь мне на этой иконе, что, если со мной что-то произойдет, вы позаботитесь о нем.*
>
> *Я пробормотала, что не могу обещать ничего подобного, что я сама не знаю, что станется со мной в будущем. Гала настаивала и подталкивала меня к этой клятве.*
>
> *– Это останется между нами, двумя женщинами, я хочу, чтобы вы пообещали мне одну вещь: вы выйдете замуж за Дали, когда меня уже не будет здесь. Послушайте! Вы знаете, что он вас любит. Ведь вы умны! Клянитесь…»*

Загнанной в угол Аманде ничего не оставалось, как только поклясться. Покидая дом Гала с растревоженной душой, девушка

еще долго думала о том, какая уникальная женщина эта Градива, Галатея, «злая старуха». Она любит Дали больше себя. Она устраивает будущее своего «малыша», беспокоясь о том, как он будет жить после ее кончины.

> *«Гала хорошо знала, что Сальвадор не может без женского присутствия. Он нуждался в постоянном подбадривании, стимулировании, чтобы продолжать свое творчество», – писала растроганная Аманда.*

В разное время завязывая интрижки с Джоном Ленноном, Миком Джагерром, Джимом Хендриксом, в 1979 году, ровно через пять лет после данной ею клятвы, модель и певица Аманда Лир вышла замуж за французского аристократа и по совместительству продюсера Алена Филиппа Маланьяка д'Аржан-де-Виллеле. И хотя молодого, богатого жениха и успех в профессиональной деятельности Аманде нагадала на картах именно Галючка, «злая старуха» и ее муж были потрясены новостью о свадьбе Лир. Девушка на всю жизнь запомнила, как дрожал голос Дали, когда художник поздравлял свою белокурую подругу.

– Вам не следовало делать этого, – обиженно заявил гений. Сердилась на Аманду и Галючка, высмеивая недостатки ее избранника.

> *«Гала спросила меня, понизив голос:*
>
> *– Так это он? Посмотрев на него, не скажешь, что он так уж чудесен. Вы уверены, что влюблены в него? Я знала множество подобных щелкоперов, и гораздо красивее. За 10 тысяч долларов можно получить все, что хочешь. Я могу вам представить одного…*
>
> *– Но, Гала, – возмущенно прервала я ее, – я вышла за него замуж, это очень серьезно. Речь не идет о случайном женихе. И он не альфонс!*
>
> *Она покачала головой со сведущим видом:*
>
> *– У нас очень плохие сведения о нем. Люди, знающие его, отзываются о нем очень плохо. Берегитесь!*
>
> *Оскорбленная, я поднялась и отвела в сторону Дали. Он сказал:*
>
> *– У вашего мужа голова детеныша тюленя, фотографии этих зверей так умилительны, и „Paris-Match“ все время выступает против их истребления…»*

А вот, как представил эту историю в своей книге секретарь Дали Питер Мур:

«В 1978 году Аманда вышла замуж за молодого человека по имени Ален-Филипп Маланьяк д'Аржан-де-Виллеле, секретаря Роже Пейрефитта, знаменитого французского писателя, открыто писавшего о своем гомосексуальном опыте. Весь Париж гудел о том, что медовый месяц они провели втроем: Аманда, ее муж и его друг.»

Глядя на свое отражение в зеркале Гала ничего больше не ждала от этой жизни. Она верила в Бога и смерть казалась ей желанным и естественным избавлением от навалившейся, ставшей хронической усталости, от старческой немощи, от тягостного ожидания своего конца. После многочисленных подтяжек лицо Галючки стало напоминать гримасу: ввалившиеся щеки, перекошенный рот… Получив свое, рассеялись и не вспоминали о ней молодые любовники, один за другим ушли Поль Элюар и Макс Эрнст, около их с «малышом» старенького дома в Порт-Льигате, теперь помимо туристов собирались митингующие коммунисты, осуждающие Дали за поддержку фашиста Франко. Сам Дали представлял жалкое зрелище. Медики разводили руками, диагностируя паранойю. Подхватившая простуду, обессиленная Гала часами читала страдающему от бессонницы Дали сочинения Толстого, Пушкина… Сальвадор слушал, внезапно впадал в истерику, хватал тяжелую трость и бил Гала по лицу, по спине, а после, забившись под кровать скулил, точно израненная собака.

«Какой бесславный конец», – повторяла дрожащая, плачущая Галючка, выходя на кухню, где работали Артуро и Пакита.

Сальвадор боялся не только Галючкиной смерти. В отличие от нее – русской, православной, готовой принять свой уход, как данность, он, католик, утверждающий, что *«Среди множества вещей, которые остаются еще для нас загадочными и необъяснимыми, со все большей силой и величием подтверждается одна истина: ни одно из философских, нравственных, эстетических и биологических открытий не позволяет отрицать Бога. Во времена, когда отдельные науки выстроили стены, тем более нет иной крыши, нежели святые Небеса», Дали* не мог даже думать о том, что однажды его не станет. Снова и снова он вспоминал, как в студенческие годы, дурачась и играя, изображал свое умирание Лорка. Нет, он не хочет для себя подобного сценария. Великий провокатор, гений, сюрреалист никогда не закончится. Однажды Дали вычитал в журнале статью о теории замораживания.

«Я так мечтал, чтобы моя Градива, моя русская девочка, закрылась вместе со мной в цилиндре с гелием в ожидании

воскресения, но она не хочет», – жаловался доктору Сальвадор Дали.

> *«Как и Лорка, Дали страшно боялся физической боли и смерти, – вспоминал Бунюэль. Он написал однажды, что ничто так не действует на него, как зрелище вагона третьего класса, набитого трупами рабочих, попавших в катастрофу.*
>
> *Настоящую смерть он впервые увидел, когда один его знакомый, своего рода законодатель моды, князь Мдивани, приглашенный художником Сертом в Каталонию, погиб в автомобильной катастрофе. В тот день сам Серт и его гости находились в море на яхте. Дали остался в Паламосе, чтобы поработать. Ему первому и сообщили о гибели Мдивани. Он – отправился на место происшествия и заявил, что глубоко взволнован. Гибель князя была для него настоящей смертью. Ничего похожего на вагон, наполненный трупами рабочих».*

Всеми силами отвлекая «малыша» от страшных мыслей, Гала запирала его в мастерской и заставляла работать. Когда же мастерская сотрясалась от громкого крика Дали, Гала вбегала к нему и муж, испугавшийся собственной тени, снова набрасывался на Галючку с тростью и не помня себя, бил, бил, бил…

> *«Первый поцелуй, – писал Дали в молодости, – когда столкнулись наши зубы и переплелись наши языки, был лишь началом того голода, который заставил нас кусать и грызть друг друга до самой сути нашего бытия.»*

Незадолго до смерти Гала упала, ворочаясь во сне и сломала два ребра и руку. Примчавшийся доктор удивленно качал головой:

– Определенно не понимаю, как вы умудрились себя изломать, упав с такой низкой кровати.

Шинкуя лук для супа, Пакита ворчала:

– Кровать у них во всем виновата, как же. Было бы справедливее обвинить во всем хозяйскую дубинку, которой он прошелся по телу жены.

После случившегося, Галючка слегла и больше не поднималась. Ее не навещали друзья. Впрочем, у нее не было друзей. У постели Елены Дьяконовой суетились незнакомые ей сиделки. По вечерам они с ужасом наблюдали, как в комнату входил хозяин. Прибегая ко всяческим ухищрениям, Артуро отбирал у художника трость. Но Дали и не думал драться. Никого

не замечая, художник молча ложился рядом со спящей Галючкой и нежно гладил ее по голове.

Вечером 10 июня 1982 года из спальни супругов раздался страшный крик. Прорезав тишину, оглушив всех, кто находился в доме, крик стал затихать и обернулся тоскливым, протяжным воем. Артуро и Пакита застали своего хозяина забившимся в угол комнаты. По щекам его текли слезы.

Леночка, Елена Дьяконова, Гала, русская девочка уходила от него навсегда.

Воздух в Кадакесе все так же пах соленой рыбой, истошно кричали чайки, кто-то распускал на огромной сковороде кусок масла… Она ничего не хотела слышать больше… Галючку ничто не беспокоило, не раздражало, не радовало. Долгожданный покой был обретен.

Питер Мур не мог не позлорадствовать описывая трагические для художника события:

> *«Гала умерла в Кадакесе. В Испании перевозка тела связана с многочисленными сложностями: каждый городок имеет право установить транзитную пошлину. Чтобы избежать формальностей, Дали приказал завернуть тело жены в покрывало и положить на заднее сиденье в „кадиллак“. Артуро, помощник, отвез тело в замок Пуболь. Замок считался территорией Ла-Пера, средневековой деревушки неподалеку от города Ла-Бисбаль.*
>
> *Срочно вызвали трех врачей, испанцев, которые должны были установить, что смерть Голы произошла в замке. Ни один из них этого не сделал. В конце концов сошлись на том, что она умерла в Кадакесе.*
>
> *Дали хотел похоронить Галу в подвале замка, но, когда прибыл на место, обнаружил, что вырытая яма уходит в землю лишь на полтора метра.*
>
> *Мэр городка, который был срочно вызван к месту событий, объяснил Дали, в чем дело: под замком проходили сточные трубы, и углублять яму было нельзя.*
>
> *Фермер, наблюдавший за всей этой сценой, сказал мне тихо:*
>
> *– Даже свиньи удостаиваются более почетных похорон!*
>
> *Так закончилось правление Королевы.»*

Аманда Лир по-своему вспоминала произошедшее:

> *«Несколько дней спустя дю Барри объявил мне о смерти Галы. Гала скончалась в Порт-Льигате и ее перевезли в Пуболь, где забальзамировали и положили в стеклянный гроб. Дали не хотел ее хоронить. Это было незаконно, но на это закрыли глаза. Я послала большой венок и выразила Дали свои соболезнования. Он меня поблагодарил, и я попыталась его утешить:*
>
> *– Маленький Дали, не грустите…*
>
> *Он меня прервал:*
>
> *– Больше нет маленького Дали, все кончено. В настоящем все для меня кончено.»*

Убитый горем Дали не принимал участия в погребальной процессии. Лишь спустя несколько дней художник нашел в себе силы войти в усыпальницу, где покоилась «соль его жизни».

– Вот видишь… Я могу без тебя. Я не плачу, – срывающимся голосом произнес Дали. Великий, гениальный, божественный он ощущал себя затерявшимся в море суденышком с пробоиной в борту. Не было весел, гребца, попутного ветра. Сальвадор не знал, куда плыть дальше.

XXIV
Три загадки Гала

В осиротевшем доме, на столе в мастерской Сальвадора лежала картина, законченная Дали за год до смерти жены. «Три загадки Гала», три женских профиля, три периода их совместной жизни.

1929 год. Ветер треплет его курчавые волосы цвета смоли. Они стоят на центральном вокзале Фигераса. Он обнимает Гала – женщину, с которой только что первый раз занимался любовью. Он гладит пряди ее волос, выбившиеся из-под шляпки, проводит пальцем по ее переносице, по губам. Он хочет запомнить свою девочку, чтобы, вернувшись домой, заполучить ее снова. Что если она не приедет к нему больше и он никогда не сможет коснуться ее маленькой, нежной груди, не ощутит тонкого, исходящего от нее аромата жасмина? Он целует ее бесконечно долго, чтобы запомнить вкус этого поцелуя. Его русская девочка, его Галючка – чужая жена. Она принадлежит другому, но он напишет ее для себя. Дали, маленький гений будет осторожно прикасаться к холсту и где-то там, за много верст отсюда, она почувствует его нежные прикосновения, она, подобно свече зажжется желанием и будет думать о нем. Он запомнит и будет мысленно ласкать этот, так больно оторвавшийся от него и отразившийся в одном из окон вагона парижского поезда тоненький профиль. Он будет рисовать его и в Марселе, лежа с любимой женщиной в постели, он повторит его контуры согревая свою девочку холодными ночами в рыбацкой избушке, догоняя ее на пляже, падая с ней на песок, вступая в права мужа, переводя влюбленный взгляд с холста на этот профиль.

Пройдет вечность. Поседевший, богатый, мудрый, признанный во всем мире художник он обернется и задержит взгляд на профиле, с которым столько связано, пережито, выстрадано. Он оставит краски, кисти и неслышно подойдет к ней. Все, как тогда, на вокзале, в Фигерасе, только не так улыбчивы стали ее губы, только кто-то добавил морщинок, строгости, твердости. Улыбнувшись, неторопливо будет гладить он пряди ее волос с вплетенными в них серебряными ниточками, проведет пальцем по ее переносице, по губам. Он хочет запомнить свою женщину такой. Он хочет видеть и ощущать ее, когда ложится спать, когда ведет переговоры, когда ждет одобрения, когда вокруг никого. Даже устав от него, он все равно хочет видеть этот профиль.

Горячая волна боли разливается по сердцу. Старик Дали просыпается от крика чаек… Сегодня они кричат не так, как прежде. Ему кажется или они рыдают над его домом? Он оборачивается и смотрит на спящую рядом жену. Притихшая, неподвижная, застывшим взглядом его девочка смотрит на такое же, как она сама безмятежное море. Он гладит пряди ее волос, проводит пальцем по ее переносице, по губам. Он прощается. Он хочет запомнить… этот профиль.

XXV
Великий фальсификатор

Одним из многих людей, которые испытывали недобрые чувства по отношению к ангелу-хранителю великого мистификатора и которым известие о смерти Гала принесло удовлетворение, была Анна Мария Дали. Потерявшая отца, разлученная с братом, так и не сумевшая создать собственную семью, она пристально следила за жизнью Сальвадора, собирая вырезки из газет и журналов. Не разбирающаяся в сюрреализме, не принявшая и так и не сумевшая простить «русскую девочку» разорившую их гнездо, Анна Мария с ужасом читала о выходках брата.

«Одна из парижских лекций, организованная Международной выставкой сюрреализма, чуть не обернулась трагедий для приглашенного на нее Сальвадора Дали. По мнению художника, лекция нуждалась в некотором оживлении и наглядности, поэтому он облачился в скафандр. Своим эпатажным и, в то же время тяжелым, нарядом, художник, как он сам признался тогда журналистам, хотел символически изобразить полное творческое погружение в себя. Начиналось все вполне традиционно, экстравагантный художник фотографировался с Рупертом Бринтоном Ли и его супругой Дианой. Но, когда Дали попытался снять шлем, оказалось, что его заклинило: воздух в скафандре закончился, и художник стал задыхаться. Если бы скафандр не разорвали, то эта выходка могла бы стоить эксцентрику жизни, а ничего не подозревающая публика аплодировала бы, наслаждаясь драматическим эффектом.»

«Маэстро Дали снова всех удивил, создав Aphrodisiac Dinner Jacket. Изобретение представляет собой смокинг, к которому подвешены 83 стаканчика с мятным ликером и мертвыми мухами. Вместо манишки художник использовал бюстгальтер»

«Выдающийся художник, скульптор и писатель Сальвадор Дали закончил работу над новым фильмом „Впечатления от верхней Монголии“. Картина повествует об экспедиции, которая отправилась на поиски огромных галлюциногенных грибов.»

То, что сам Дали называл искусством, то, чему он посвящал свою жизнь казалось Анне-Марии бредом, плодом больной фантазии. Она до последней минуты была уверена, что всему виной наркотики, которыми пичкает его Гала. Как иначе можно было объяснить идиотские фантазии брата? Однажды, по телевидению девушка услышала, как Дали сообщал корреспонденту, что его главная мечта – обзавестись тремя тысячами слоновьих черепов и разбросать их по полям Порт-Льигата.

Сальвадор Дали действительно всегда с нежностью относился к слонам (скульптуры в виде этих животных, сделанные художником, стояли в саду Гала в Пуболе). Или же это была еще одна провокация «маски Дали», придуманная для того, чтобы привлечь к себе внимание?

Доверенное лицо великого мистификатора Джон Питер Мур вспоминал в своей книге, как в один прекрасный день Дали деловито ему сказал:

«– Капитан, сегодня у вас будет работа.

– И какая же? – поинтересовался я.

– Вы должны до субботы найти мне 6 слонов. Сегодня уже вторник, капитан, так что, не теряйте времени.

– Хорошо. А можно мне узнать, что вы собираетесь с ними делать?

– Вместе с этими слонами я собираюсь перейти через Пиренеи. Я стану новым Ганнибалом. Я облачусь в тогу, и мой переход через горы станет триумфом Императора!

Найдите слонов для Императора, чтобы он мог торжественно прошествовать от Ампурдана по ту сторону гор. Таким образом, капитан, вы поспособствуете историческому событию, о котором люди будут вспоминать еще две тысячи лет.

Опросив с десяток знакомых, я выяснил, что в Испании довольно мало слонов, а людей, которые их держат в частном порядке и того меньше. Зоопарки предоставлять слонов отказывались(…)В конце концов я напал на эксцентричного аристократа, у которого был слоненок (…)

– Так что вы нашли?

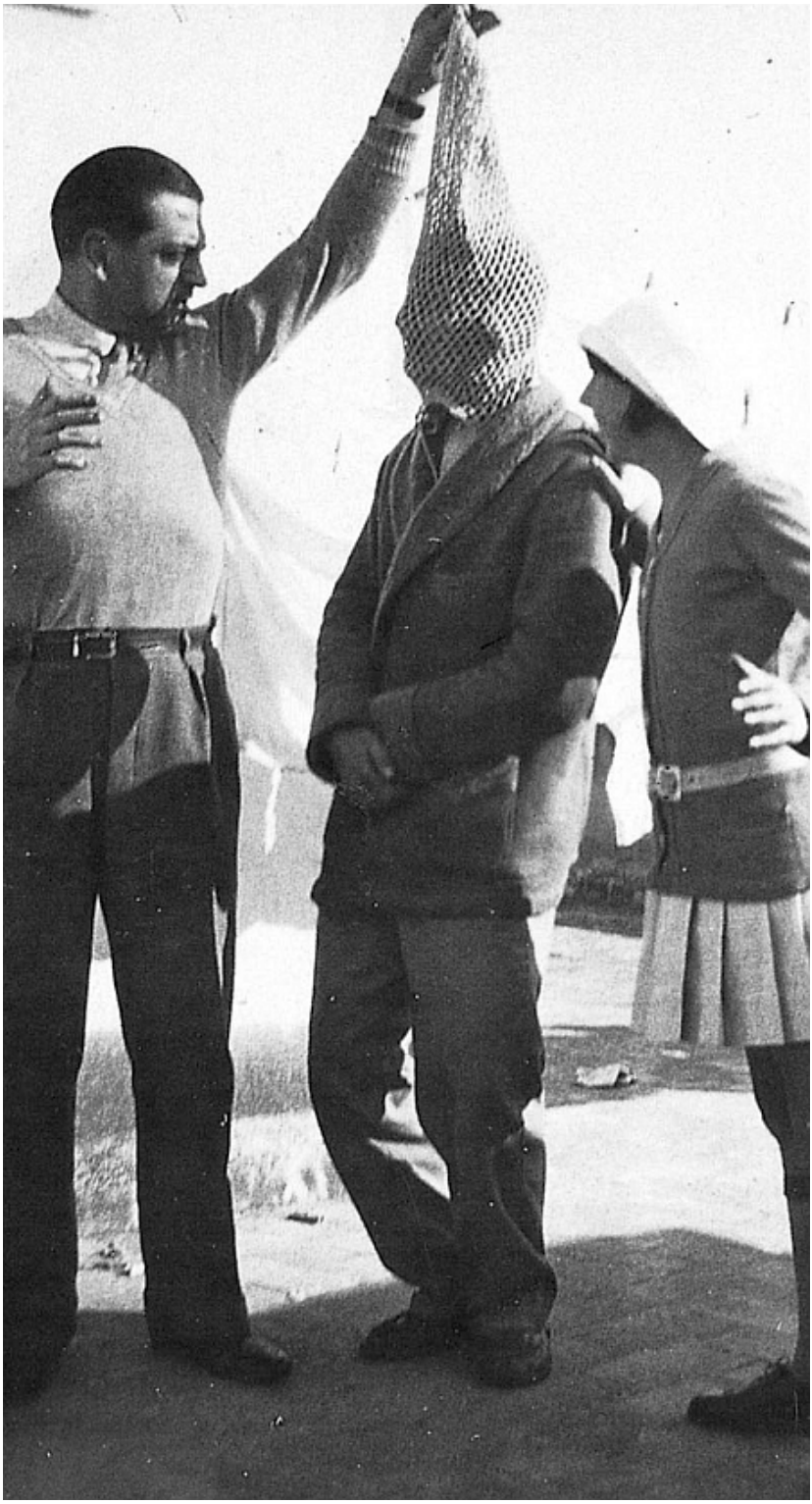
– Я могу вам предложить слоненка небольшого роста…

– Ну и замечательно, – умиротворенно сказал Дали. – замечательно, что вы нашли молодого слона. То, что нужно. Мы же не в эпоху древних римлян живем.

В знак уважения к подвигам Ганнибала, мэтр сфотографировался у подножия испанских Пиренеев, схватив слоненка за хвост.»

Если верить друзьям, которые знали художника с детства, склонность к сочинительству проявилась в нем довольно рано:

«Он рассказывал много всяких небылиц, но одновременно был не способен лгать. Когда, например, исключительно для того, чтобы шокировать американцев, он писал, будто вид динозавра в каком-то палеонтологическом музее так возбудил его, что он тут же набросился на Галю, это была заведомая ложь. Но Дали настолько самовлюблен, что чувствует себя завороженным своими же выдумками,» – писал в своей книги Луис Бунюэль.



Луис Бунюэль, Сальвадор и Анна Мария Дали в 1928 г.

Шутником, Мюнгхаузеном, выдумщиком Сальвадор оставался только в памяти тех, кто знал его молодым. Неумолимо угасал свет фонаря, который художник повесил когда-то у своего дома, в Кадакесе. Его лучшие годы были позади.

Целыми днями Сальвадор сидел в своей мастерской, зашторив окна, не включая света, не прикасаясь к еде, которую приносила ему Пакита. Стеная, Дали, вдруг, начинал метаться по дому и звать свою Галючку. Он задавал ей вопросы, кричал на нее, гомерически хохотал. К необратимым изменениям психики прибавилась дрожь в руках. Врачи диагностировали болезнь Паркинсона, ту самую, от которой умер когда-то его отец. Сделавший Сальвадора когда-то художником, одаривший талантом, Бог наказывал его за гордыню, отобрав самое дорогое. Опустошенный, подавленный Дали не мог писать. Он потерял интерес ко всему, что окружало его. Модели, друзья, заказчики, медсестры вызывали у старика ярость. Он хватался за трость, рычал, бросался в драку, а обессилев, падал на пол и визжа, отказывался подниматься.

Чтобы хоть как-то подбодрить хозяина и поддержать в нем угасающую жизнь, Пакита узнавала и сообщала ему последние новости о его музее, обо всем хорошем, что так или иначе касалось его творчества. Добрая кухарка ни словом не обмолвилась о том, что в Испании уже нашлись доброхоты, которые похоронили мэтра заживо и бойко торговали шнурками марки «Дали», футболками с изображением мягких часов. Летом в Перпиньяне предприимчивый коллекционер, владелец произведений искусств и по совместительству бывший секретарь Сальвадора Дали Джон Питер Мур устроил выставку, на которой были представлены более четырехсот произведений. Среди работ можно было увидеть картины, написанные маслом, литографии, рисунки.

«Продавать картины Дали я не имел права. Этим занималась исключительно Гала, – писал Питер Мур – Увы, она была никудышным коммерсантом.

Картины уходили не лучшим людям и не за лучшую цену. Десятки раз она выставляла себя в глупом свете, но продолжала убеждать мужа, что лучше нее никого не найдется. В результате – полная катастрофа, на мой взгляд. Если Дали и отдавал себе отчет в этом, жене он никогда не перечил. Картины его кочевали из галереи в

галерею и не приносили должной прибыли.»

Заподозривший неладное, Дали прибыл на экспозицию лично и ужаснулся. На него бесстыдно пялились… подделки. Заявив в полицию, художник добился того, чтобы с выставки были изъяты около 60 картин. В ходе расследования выяснилось, что автором поддельных полотен являлся художник Мануэль Пухойя Баладас. Но, вот беда! Согласно проведенной экспертизе, подпись Дали на полотнах, на бумаге, на которой были выполнены рисунки являлась подлинной. Пользуясь доверием и нездоровьем Дали, секретарь подавал художнику чистые листы бумаги и холста и старик подписывал их. Только за два года мошенники получили за поддельные произведения Сальвадора более 700 миллионов долларов. В свою очередь, бывший секретарь уверял, что Дали подписывал бумаги и холсты, пребывая в здравом уме и трезвой памяти. Он сам был инициатором копирования собственных произведений другими художниками и поощрял продажу подделок, желая преумножить свое состояние. «Эту идею подала Дали его жена», – сообщал секретарь.

В своей книге Питер Мур вспоминает, что великий мистификатор и сам не стеснялся копировать чужие картины.

«Дали испытывал слабость к журналу „Лайф“ и страстно хотел оказаться на его обложке. Узнав, что „Лайф“ собирается посвятить весь номер недавно скончавшемуся Пикассо, он проявил невероятную заинтересованность. Не знаю, было ли это совпадением, но в один из дней к Дали пришел журналист из этого журнала, чтобы узнать, не сохранилось ли у него фотографий или других документов, связанных с великим художником.

– Конечно, – ответил Дали, – у меня есть прекрасный портрет Пикассо, рисунок, который я сделал много лет назад!

Журналист захотел его увидеть.

– Я поищу его, – обещал Дали. – Уверен, что он вам понравится! Великолепный вариант для обложки следующего номера!

Позже, днем, я увидел Дали в библиотеке. Он перелистывал старые книги и вырвал из одной чистую страницу. Догадаться, зачем она ему понадобилась, было не так уж трудно. Я представил, как он будет лихорадочно рисовать портрет Пикассо, а пожелтевший лист поможет создать впечатление, что наброску уже несколько десятков лет.

– Хорошая новость, Капитан! – сказал он мне спустя несколько дней. – Я нашел наконец портрет Пикассо! Звоните в „Лайф“!

В его руках был тот самый листочек, выдранный из старой книги.

Портрет так и не был опубликован, но я позаботился о том, чтобы сделать с него литографию, которая впоследствии стала знаменитой. Портрет Пикассо работы Дали!

Много лет спустя моя жена Кэти показала мне в журнале портрет Пикассо работы Брассая.

– Ничего тебе не напоминает? – спросила она.

И действительно, фотография почти копировала набросок Дали. Или наоборот?»

Скандал с поддельными картинами был освещен в прессе и не лучшим образом сказался на репутации художника. Почитатели творчества Дали опасались приобретать его картины, впрочем, как и другие произведенные им вещи. Газетчики упрямо называли публично обвиненного художником мошенника Мануэля Пухойю Балада «мастером из цеха Дали». После смерти художника именно Мануэль выступил в испанской прессе, официально заявив, что фонд «Гала Сальвадор Дали» скупил подделки, написанные различными художниками, чтобы передать их в музеи мира. По подсчетам экспертов, размер от продажи копий с разных произведений Дали составляет около четырех миллиардов долларов. Самым известными фальсификаторам, работавшими под Дали был Энтони Юджтин Тетро из Лос-Анджелеса.

Есть ли правда в словах Питера Мура, открыто обвинявшего художника, неизвестно. Известно, только, что однажды Сальвадор Дали писал: «Всех великих художников подделывали»

«Да хранит вас Бог. Прощайте.»

Жизнь художника становилась невыносимее с каждым днем. О нем и его умершей жене распускали сплетни, его продолжали обворовывать. В этой бочке дегтя, к счастью, нашлась и ложка меда. После смерти Гала, Дали был принят в члены Академии изящных искусств Франции, Испания удостоила его наивысшей награды, вручив Большой крест Изабеллы-католички. В год смерти супруги, Сальвадор Дали был объявлен маркизом де Пуболь. Но ни награды, ни звания не могли обрадовать знаменитого испанца.

Спасаясь от осаждающих дом в Кадакесе туристов и разъяренных манифестантов, желающий быть ближе к своей русской девочке, парализованный на левую сторону тела старик приказал перевезти его в Галючкин замок в Пуболе. Здесь же установили и трон Сальвадора, на котором он так любил сидеть в саду в годы расцвета своей славы. В замке, помимо Дали поселились Артуро, Пакита и медперсонал, приставленный ухаживать за маркизом Сальвадором.

> *«Дали был знаком с множеством людей, но друзей у него было очень мало. Можно даже сказать, вообще не было. – писал Питер Мур. – Не всегда именно Дали разрывал отношения – часто его друзья, вероятно шокированные тактикой самопродвижения, выбранной художником, его политической неустойчивостью и коммерческой стороной его творчества, закрывали для Дали двери. Дали делал вид, что ничего тут не исправить.*
>
> *– Друзья создают лишь неудобства, – сказал он мне как-то. – Я отказался от этого излишества. Полезны только мертвые друзья, потому что они молятся за нас на небесах.*
>
> *После того как франкисты расстреляли старого друга Дали, поэта Гарсиа Лорку, художника спросили, как он относится к случившемуся. Он ответил, что счастлив, поскольку теперь Лорка „перешел в разряд настоящих друзей и трудится ради него в раю“.»*

Очутившись в Пуболе, художник стал понемногу возвращаться к работе. Появилась на свет сюрреалистическая картина «Кровать и две тумбочки, содомирующие виолончель», несколько работ, написанные в манере Веласкеса. В это же время

Дали придумал хрустальный флакон, форма которого повторяла контуры губ Афродиты Книдской (В 1981 году художник написал картину «Явление лица Афродиты Книдской на фоне пейзажа»). Духи «Salvador Dali» являются единственным парфюмерным продуктом, который создан при непосредственном участии великого мистификатора. Это была своеобразная дань Гала, ведь основу духов составили ароматы жасмина и розы, так любимые четой Дали.

Вновь были организованы выставки его работ – на сей раз в Мадриде и Барселоне. Руки художника дрожали все сильнее, пальцы не слушались, кисть выскальзывала и с глухим стуком ударялась о пол. Глаза слепли. Смешивались, разливаясь, случайно опрокинутые краски. То, что когда-то давалось художнику с легкостью, теперь требовало неимоверных усилий с его стороны. Последняя картина Сальвадора Дали «Хвост ласточки» представляла собой простую каллиграфическую композицию, выполненную на белом листе бумаги. Силы покидали художника, безумие охватывало его с новой силой. Он кусался, дрался, плакал. Такой Дали был настоящей находкой для журналистов и фотокорреспондентов. И уж если на последних официальных фотографиях великий мистификатор выглядел спятившим, иссохшим стариком с мутным взглядом и спутанными седыми прядями волос, можно вообразить в каком невыгодном свете выставляли Дали жадные до сенсаций таблоиды.

В 1984 году, через год после ухода Галючки, в ее обители случился пожар. Опрокинувшая свечу и не заметившая этого медсестра, ушла в дальнюю комнату замка, будучи уверенной, что Дали крепко спит. Она не слышала его крики, его мольбы о помощи. Когда расползающееся пламя перекинулось на покрывало, парализованный Дали скатился на пол и пополз к дверям. Подоспевший на помощь секретарь Роберт Дешарн спас старика, однако тот не избежал сильных ожогов.

Лежа в госпитале Эль Пилар в Барселоне, художник вспоминал слова Пиньо, который предостерегал его от покупки замка с дьявольской историей. А если бы подобное произошло с Гала?

Осень 1984 года выдалась сырой и холодной. Зарядили дожди. Выписанный из больницы, поддерживаемый Пакитой и Артуро Сальвадор вернулся в Фигерас и уединился в Башне Галатеи. Все те, кто когда-то окружал Дали сокрушались: они не могли помочь бедолаге просто потому, что он закрыл перед ними дверь. Не пожелал Дали встретиться и с единственной сестрой Анной Марией, которая после смерти Гала предпринимала

неоднократные попытки увидеть брата. Единственным человеком, который мог бы вернуть Сальвадора к жизни была… Аманда. Приглашенная в Мадрид для съемок в телепередаче о живописи, Лир использовала свою поездку для того, чтобы увидеть своего старого друга.

«Я заказала машину и отправилась в Пуболь, куда прибыла около 5 часов вечера с бьющимся сердцем. Портал, который я всегда видела открытым, был закрыт. Я позвала Артуро. Он страшно обрадовался моему приезду и обнял меня. Он немного постарел, но остался таким же смуглым.

– Ах, сеньорита, все так изменилось, все не так, как раньше, – качал головой Артуро.– Que disgrazia! (Какое несчастье). Я даже не знаю, захочет ли он вас видеть. Это совсем другой человек, он стал как животное…

Мы поднялись по ступенькам, заросшим мхом. Я заметила чудовищных слонов с журавлиными лапами, которых Дали сделал для Галы, и бассейн, украшенный керамическими бюстами Вагнера. Все было в запустении. Я подняла глаза. С потолка, с фрески, представлявшей собой наклеенный на потолок холст, Гала смотрела на меня, а вокруг нее летали ласточки (…) Дали сидел на стуле, но я с трудом угадывала его силуэт. Артуро закрыл дверь и вышел, и только тоненькая полоска света из-под двери позволила мне разглядеть, что на Дали был халат. После долгого молчания я заговорила, силясь обратиться к нему как можно нежнее, чтобы его не испугать.

– Здравствуйте, маленький Дали. Я приехала из Барселоны только на минуточку, чтобы с вами поздороваться, чтобы показать вам, что я вас не забываю. Дальше я поеду в машине до Перпиньяна, вы же помните, что я всегда еду через Перпиньян.

Мне показалось, что он кивнул. Он был так худ и истощен. Он сказал хрипловатым, ослабевшим голосом:

– Волосы, вы опять обрезали волосы…

– Да, немного, слегка, они были слишком длинными.

– Я бы предпочел, чтобы они были… длиннее. Вы меня видите?

Он забеспокоился.

– Нет, я вас совсем не вижу, не бойтесь. Здесь слишком темно. Почему вы не выходите? Там так солнечно…

Я пропела каталонскую песенку, которой он меня научил: „Sol solet vine ma veure, vine ma veure…“

– Нет, нет, – прервал меня. он. – Я больше не хочу ни солнца, ни песен. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Скажите, чтобы меня не трогали.

Уже с большей силой он добавил:

– Весь мир мне осточертел. Все. Они мне навсегда осточертели. Я больше ничего не хочу. Вы всегда поете?

– Да, конечно. Мне нужно зарабатывать на жизнь, и еще я много рисую, все время рисую. Все, что вы мне посоветовали…

Темнота помешала мне увидеть, как он плачет.»

– Какая жалость! – вздохнул он. – Было бы гораздо лучше не петь, не рисовать. Я хотел, чтобы вы стали принцессой, а не человеком искусства. Вы будете так страдать… (Многие современники считали Сальвадора Дали провидцем. Он не только предрекал события картинами, но и предсказывал судьбы.) Через одиннадцать лет после смерти художника в доме Аманды случился пожар. В огне сгорела большая часть ее картин (к тому времени Лир оставила сцену и профессионально занималась живописью) и погиб ее муж.

«Мы долго молчали, друг напротив друга, в полутьме. Я слышала его дыхание, слышала, как он ерзает на своем стуле. Уходя, я не сдержалась и сказала ему:

– Я вас так любила, так сильно, если бы вы знали…

Он вздохнул:

– Yo tambien. (Я тоже)

Он взял меня за руку и сжал ее до боли. Я ощутила в ладони что-то твердое, его последний подарок. Я сжала в руках этот предмет, и Дали сказал:

– Теперь идите. Я должен остаться один. Я чувствую, что смерть скоро придет за мной. Да хранит вас Бог! Прощайте.»

С собой Аманда уносила кусочек дерева, подаренный ей Дали. Это был талисман, оберег, который на протяжение всей своей жизни хранила Гала. Второй, такой же, был у него.

7 лет существования было отпущено Дали после смерти его супруги.

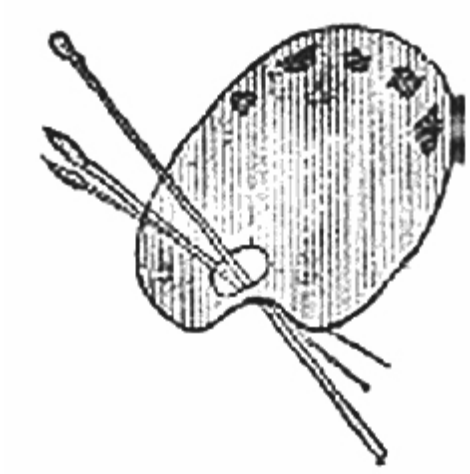
В 1989 году истерзанный своими фантазмами, страхами и тоской по ушедшей жене, в госпитале родного города Фигераса Сальвадор скончался от сердечной недостаточности. Друзья художника, как один, назвали его похороны фарсом. Бесконечным

потоком шли мимо гроба Сальвадора люди. На этой панихиде было слишком мало тех, кто искренне любил «малыша» и невероятно много зевак и позеров, которые и в эту минуту продолжали лицемерить, исполняя свои роли в спектакле под названием «Дали». Стоящие в первых рядах государственные деятели наблюдали, как забальзамированного и одетого в белую тунику великого мистификатора, вопреки его воле быть похороненным рядом с отцом, погребли в центре зала созданного им музея.

Все свое состояние, оцененное более чем в шесть миллионов пятьсот тысяч фунтов (9 750 000 долларов) художник завещал Испании.

Под огромным прозрачным куполом среди экспонатов есть надгробная плита с надписью: Сальвадор Дали-и-Думенек Маркиз де Дали де Пуболь. 1904–1989. Мало кто из посетителей знает, что за этой плитой покоится тело великого мистификатора. Надежно укрывшись от посторонних глаз, мэтр, конечно же, видит, как стучат каблучки женских туфель по площади имени Гала и Дали, как нескончаемым потоком идут в созданный им храм искусства люди, как замирают, открыв рот, глядящие на, рассыпанных высоко на башне гигантских шалтаев-болтаев дети. Теперь он точно знает, что смерти нет, что все повторяется и… что где-то далеко, на другом краю планеты ждет его рождения играющая в бирюльки Галючка.

Юлия Бекичева



Список литературы, использованный при написании книги

1. Гала. Доминик Бона.
2. Моя тайная жизнь. Сальвадор Дали.
3. Дневник одного гения. Сальвадор Дали.
4. Живой Дали. Питер Мур.
5. Дали Аманды. Аманда Лир.
6. Повседневная жизнь сюрреалистов 1917–1932. Пьер Декс.
7. Сто лет каталонской живописи. Жоан Жозеп Тарретс.
8. Сальвадор Дали глазами сестры. Анна Мария Дали.
9. Мой последний вздох. Луис Бунюэль.
10. Как сделать гения из Сальвадора Дали. Софья Бенуа.